ОГОНЁК

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство плотины на реке Росице (Болгарская народная республика).

На первой странице обложки: Хозяева земли (Болгарская народная республика).

Рис. В. Климашина

На последней странице обложки: Город Тырново (Болгарская народная республика).

Рис. В. Климашина

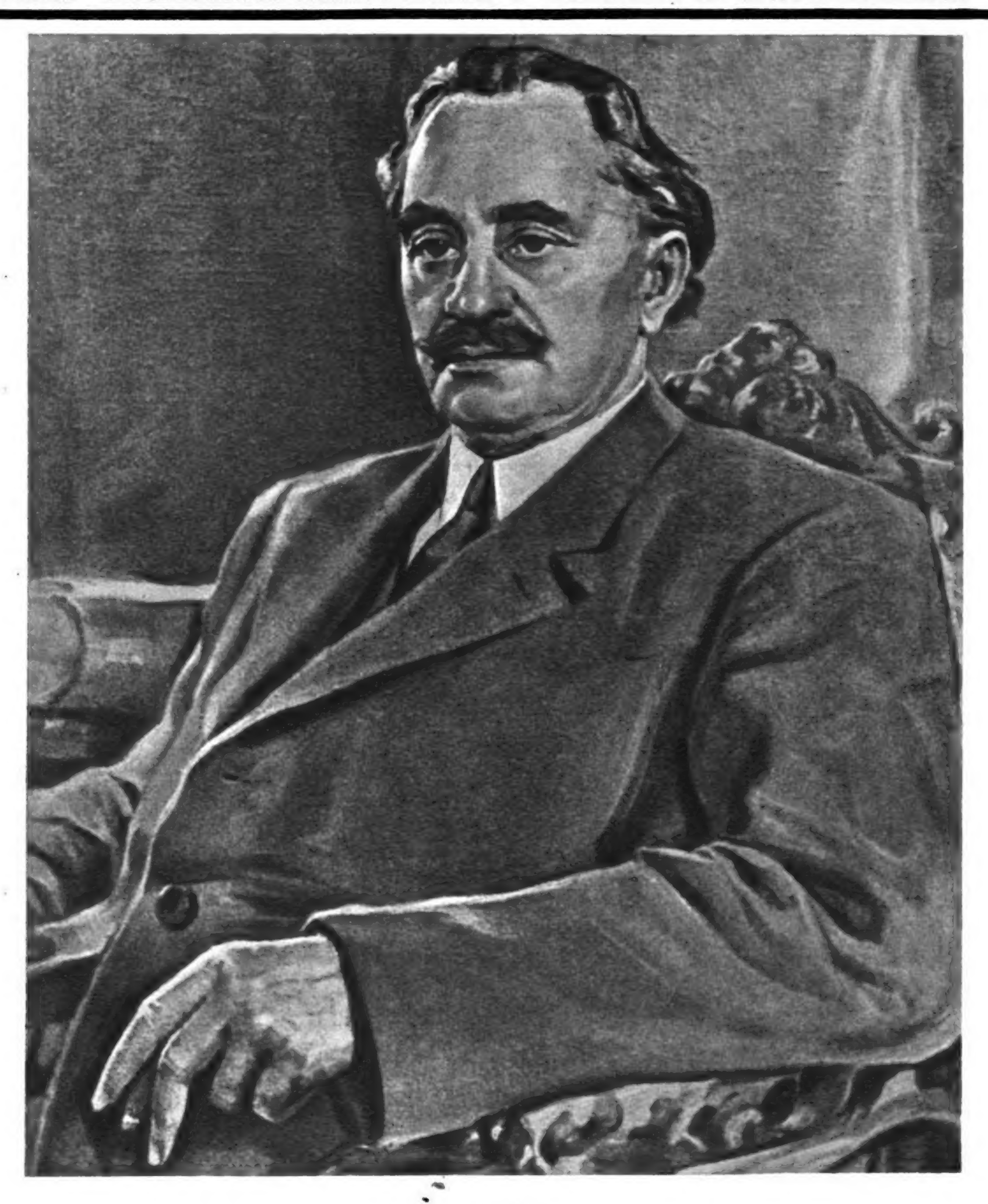
ОГОНЁК

№ 37 (1214) 10 СЕНТЯБРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Георгий ДИМИТРОВ.

Портрет работы проф. Бориса Митова

Рожден в горниле вековой борьбы,
борьбы жестокой с ненавистной властью;
познав он горечь дедовской судьбы,
а внуков одарил навеки счастьем.

Он в Лейпциге оружьем правоты
сразил врага — прямым и смелым словом.
Не погасить народные мечты,
и на свободу не надеть оковы!

Он — Сталина достойный ученик,
Народа сын — не дрогнул в схватке грозной.
Он зданье нашей радости воздвиг,
он знамя Деда[1] поднял к высям звездным.

Он жизнь провел в сраженьях и труде,
мечты мильонов сделал зримой явью.
Во всех концах Болгарии, везде
его дела в народных песнях славят.

Звучи в сердцах, из уст в уста лети,
родная песня, гордо рей, как знамя!
По ленинскому светлому пути
идет народ, и наш Димитров с нами.

Христо РАДЕВСКИЙ

Перевел с болгарского
Я. Хелемский

[1] Дед — партийная кличка основателя болгарской коммунистической партии Димитра Благоева.

Ал. СУРКОВ

Оторвавшись от взлетной дорожки Бухарестского аэродрома, самолет, стремительно набирая высоту, берет курс на юго-запад. Плывут под крылом возделенные кукурузные и пшеничные поля, сады, виноградники. Синеватым отблеском вороненой стали вызмеится русло Дуная, и вы полетите над болгарской землей. Придунайская равнина быстро переходит в зеленые холмы, возвышающиеся от километра к километру. Стрелка высотомера показывает стремительный подъем. И вот уже под крылом возвышается громада Большого Балканского хребта. Широкой полосой гряда гор уходит на восток и на запад — туда, где под пятой янычар титовской банды стонут братские народы Югославии.

Вглядываешься с высоты в эти горные массивы, изрезанные морщинами ущелий, расступающиеся котловинами зеленых долин, поблескивающие серебряными нитями горных потоков и речек, и невольно возникает череда исторических воспоминаний.

Через эти горы тысячу лет тому назад водил на Царьград свои дружины отважный русский князь Святослав. Здесь было древнее болгарское царство, отважно противостоявшее дряхлеющей Византийской империи. Сюда пришли и принесли многолетний гнет турки-османы.

Воспоминания о владычестве турок невольно рождают в памяти строки сложенных народом юнацких и хайдутских песен, прославляющих славных сынов Болгарии, предпочитавших неравную борьбу с жестоким и кровожадным врагом прозябанию в турецкой неволе. Вон там, внизу, на горных вершинах, в недоступных ущельях, прикрываясь от ярости врага зеленым щитом вековых лесов, собирали легендарные хайдутские воеводы отважных юнаков. Наводя ужас на врага, они нападали на сборщиков дани, палачей-администраторов, карали предателей-ренегатов.

Народные песни, рожденные в этих долинах, сложенные пастухами и пахарями, остались нетленным памятником этим славным борцам за свободу Болгарии. Вспоминаются имена этих народных героев — Чавдара и Караджи, Хаджи Димитра и славного поэта-воина Христо Ботева, запечатлевших своей кровью верность делу освобождения родного народа.

Высоко плывет самолет над грозным валом Большого Балкана. Где-то там, в синей дымке, брезжат и Плевен и Шипкинский перевал. Эти названия заставляют звучать в сердце и вплетаться в ровный напев моторов старую русскую солдатскую песню:

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Балканские долины,
Кладбища удальцов...

Да, вот там, внизу, теснясь в ущельях, поднимаясь на заснеженные горные перевалы, шли сквозь пламя ожесточенных боев три четверти века тому назад российские солдаты и несли на своих трехгранных штыках долгожданную свободу для народа Болгарии.

Много времени прошло с тех пор. Но и сегодня в горных болгарских селах встречаются древние старцы и старухи, которые помнят, с каким ликованием встречали пахари и виноградари северных воинов-освободителей. Еще живут седые ветераны освободительной борьбы, которые со старинными ружьями-кремневками в руках выходили из лесов навстречу братьям-освободителям.

В задушевных песнях, легендах и сказаниях запечатлел болгарский народ воспоминания этой незабываемой встречи. И сквозь семь десятилетий царствования немецких князьков и царьков, насильно навязанных трудолюбивому славянскому народу, пронесли болгары эти песни и эти сказания, как негаснущее пламя надежды на то, что придет пора и снова «Дядо Иван» придет и вернет жизнь и настоящую свободу чабанам, пахарям, виноградарям, каменотесам.

И это сбылось в незабываемом 1944 году, когда, преодолевая горные перевалы, проходя по гранитным теснинам, пришли на Балканы и за Балканы советские воины-освободители.

Сыновья и внуки тех, кто встречал героев Плевны и Шипки, вышли со слезами благодарности и радости на глазах встречать славных героев Сталинграда и днепровских переправ.

«Добре дошли, скъпи гости!» — звучало в эти дни повсеместно по городам и селам Болгарии.

Перевалив через хребет, самолет, постепенно снижаясь, летит к просторному софийскому аэродрому, раскинувшемуся под сенью высокой горы Витоша. Круг над аэродромом. Плавное скольжение. Самолет бежит по зеленой траве и останавливается. Вы в сердце Болгарии.

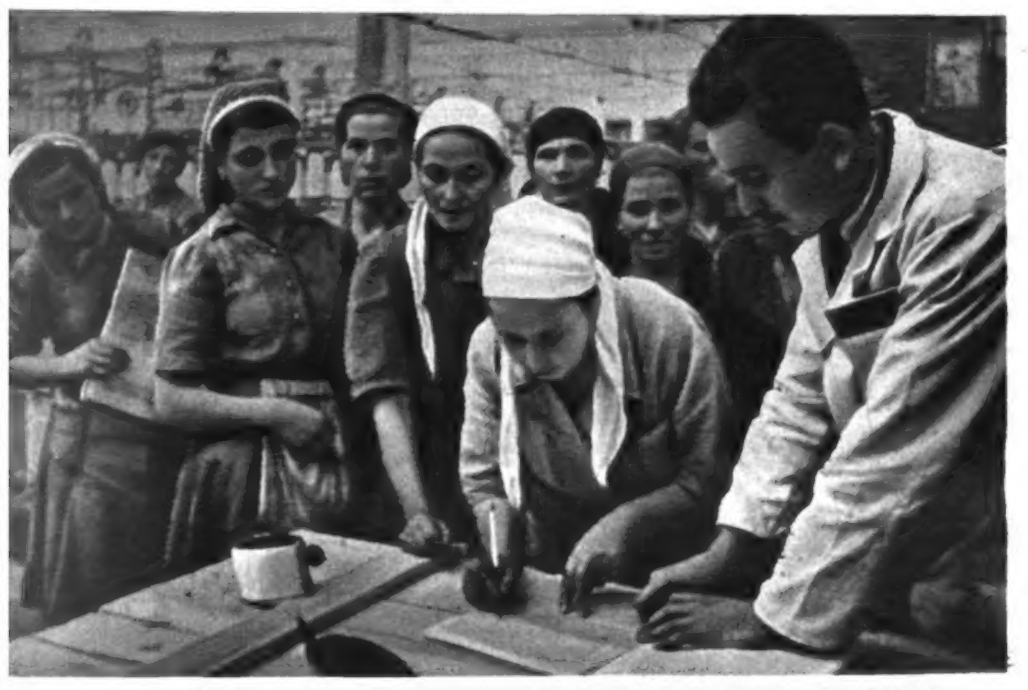
Когда я впервые был в Болгарии в 1945 году, болгарский народ, скинув ненавистное иго фашистских прихвостней Гитлера, делал первые шаги по новому пути своего исторического развития. Тогда еще болгарская столица зияла развалинами кварталов, разрушенных воздушными бомбардировками. Еще в царском дворце жил несовершеннолетний царек Симеон. Еще американские и английские боссы из Союзной контрольной комиссии открыто и нагло натравливали Николу Петкова и прочих зубров реакции и ушедших в подполье недобитков фашизма на правительство Отечественного фронта, возглавленного Болгарской Коммунистической партией.

Но уже и тогда, в канун провозглашения Болгарской народно-демократической республики, свежий ветер новой жизни веял над городами и селами Болгарии. Новое, невиданное входило в жизнь болгарского народа.

Уже тогда трудящиеся Болгарии, ведомые болгарскими коммунистами, нащупывая новые пути, обращались к великому созидательному опыту советских людей как источнику творческой энергии. Великий почин советских коммунистических субботников нашел плодотворное применение на болгарской земле. Уже тогда, пять лет назад, десятки тысяч трудящихся Софии выходили на субботники и воскресники, отдавая часы, свободные от работы, коллективному труду по ликвидации последствий бомбардировок. Эти субботники и воскресники распространились по всей Болгарии, охватывая огромные массы людей труда. Рабочие заводов и фабрик, служилый люд города, органи-

Доблестная Советская Армия-освободительница помогла братскому народу Болгарии завоевать свободу и независимость, избавиться от ига помещиков и капиталистов. На снимке: торжественная встреча частей Советской Армии, вступающих в сентябре 1944 года в столицу страны, город Софию.

Вместе со всем прогрессивным человечеством трудящиеся Болгарии борются за мир во всем мире. Болгарам не нужна война, они говорят ей свое твердое грозное «Нет!». На снимке: сбор подписей под Стокгольмским Воззванием на одной из софийских фабрик.

Трудовое крестьянство Болгарии встало на путь коллективизации. Тысячи тракторов и других машин работают на полях страны. На снимке: присланные из СССР тракторы (машинно-тракторная станция в городе Чирпан).

ДРУЖБЫ

зовались в трудовые бригады для помощи сельскому населению в полевых работах. Тогда возникло и начало бурно развиваться молодежное бригадирство. Тогда возникли многие очаги будущих народных строек, значительно двинувших вперед экономическое развитие страны.

В том году мы побывали во многих местностях Болгарии. И где бы мы ни были, в городе ли табачников Дупнице (ныне городе Марек), в большом ли промышленном городе Пловдиве или в деревнях у подножий Родопских гор, мы ощущали не только горячую волну уважения и благодарности Советской стране, но и жадное желание узнать как можно больше о том, как советские люди добились у себя великих достижений.

Болгарские коммунисты во главе с покойным товарищем Димитровым звали народ к познанию созидательного опыта Советского Союза, к нерушимой, вечной дружбе с трудящимися СССР.

Рабочие, крестьяне, интеллигенты с одинаково жадным вниманием ловили каждое слово о том, как живут и работают люди в Стране Советов, как растет наша культура, как развивается промышленность, как живут и работают наши советские колхозники, как учатся наши дети. Они слушали и запоминали, чтобы потом все обдумать и применить у себя дома, чтобы слова правды о стране социализма противопоставить лжи шептунов из лагеря реакции.

Когда спустя четыре года я вновь попал в Болгарию, тысячи фактов подтверждали то, что возраставшее знание нашего советского опыта принесло свои благотворные результаты.

В шахтерском городе Пернике, рабочие которого были в годы господства фашизма в авангарде борьбы, на шахтных дворах и в забоях, куда мы спускались, в рабочих повадках, в новых общественных методах организации трудовой жизни шахтерских коллективов мы чувствовали равнение на опыт советских шахтеров.

Знатный шахтер Перника Алексей Стоилков, рассказывая нам о том, как он и его товарищи, передовики соревнования, шли к достижению невиданных здесь ранее рекордов выработки, с глубоким уважением и любовью называл имя знатного шахтера Московского угольного бассейна Борискина. Приехав в гости к шахтерам Перника, он не просто научил их новым методам работы в забое, но, что самое главное, помог понять природу стахановского движения, помог им поверить в самих себя, в свои творческие возможности.

— Разговаривая с Борискиным, следя за его работой в забое, мы видели, — говорил Стоилков, — что шахтер, став хозяином у себя на шахте, может достигнуть всего, к чему стремится...

Примерно такие же слова мы слышали и из уст болгарских текстильщиков, и среди рабочих табачных фабрик, и среди молодых бригадиров, участников больших народных строек.

Мне запомнилась одна картина. Дочерна загорелые молодые бригадиры работают на восстановлении моста через быструю горную реку Струму. Споро, дружно, как бы не чувствуя палящего полдневного зноя, работает молодежь. И то на одном, то на другом участке работы вспыхивают песни. И среди болгарских мелодий начинают звучать знакомые мелодии «Катюши» и «Москвы майской». Вместе с примером советской молодежи вошли в жизнь молодых строителей новой Болгарии и песни наших комсомольцев.

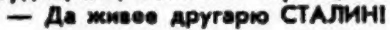
Из года в год болгарские крестьяне, табаководы, виноградари, пахари Добруджи пристально изучают опыт наших советских колхозников. Посещая молодые производственные кооперативные товарищества в болгарских селах, мы видели, что пример этот уже дает свои плоды.

Тысячами знаков отмечена в Болгарии священная для народа традиция братской дружбы с советским народом. С благоговейным чувством признательности хранят болгары кладбища русских воинов, отдавших свои жизни за освобождение их родины. Не вянут живые цветы на этих могилах. В самых отдаленных деревнях, заброшенных в долины Родопских гор, или в горах и на равнинах Пиринской Македонии, в простых жилищах крестьян вы найдете на самом почетном месте портреты великих строителей социализма Ленина и Сталина рядом с портретами славных сынов болгарского народа Димитра Благоева и Георгия Димитрова. Нет такой библиотеки или читальни в стране, где бы на самом почетном месте на полках не стояли книги русских классиков и советских писателей; имена Пушкина и Толстого, Горького и Маяковского родны современному болгарскому читателю, как и имена творцов болгарской литературы Вазова и Ботева. Профессиональные и самодеятельные драмколлективы ставят пьесы наших драматургов. В кинотеатрах Болгарии советские фильмы наиболее любимы зрителями.

Шесть лет, миновавшие со дня освобождения Болгарии, — это шесть лет непрерывного укрепления политических, экономических и культурных связей болгарского народа с народами Советского Союза. И укрепление этих связей — основа бурного роста, который сейчас переживает Болгарская народно-демократическая республика.

На большом протяжении сухопутных границ примыкают к болгарской земле земли Турции, стонущей под пятой монархо-фашистов Греции и мордуемой янычарами Тито — Ранковича Югославии. Неспокойно на этих границах: враги прогресса и цивилизации, жалкие лакеи англо-американских империалистов, затевают новые и новые провокации. И часто звучат выстрелы пограничников, бдительно охраняющих мирный труд народа.

Эхо этих выстрелов долетает до слуха сборщиц розовых лепестков на знаменитых плантациях Казанлыкской долины и крестьян, возделывающих табачные плантации в Родопских горах, и шахтеров, спускающихся в забой в Пернике. Но люди, целиком отдавшие себя радостному труду по построению народного счастья, еще ревностнее делают свое мирное дело. Они спокойны. Они знают, что небольшая Болгария — не одна в мире. Они знают, что в содружестве стран из лагеря мира и прогресса, возглавленных великим Советским Союзом, они сильны, они неуязвимы. Вот почему в дни народных празднеств, когда по улицам болгарских сел и городов проходят колонны трудящихся, особенно горячо, особенно мощно звучат возгласы:

— Да живее другарю СТАЛИН!

Богато оснащенному механизмами сельскому хозяйству Болгарии нужны люди, овладевшие техникой. Тысячи юношей и девушек учатся на курсах трактористов и в школах механизаторов сельского хозяйства. На снимке: ученицы школы Русенской околии.

Страна Советов шлет в братскую Болгарию машины и литературу, обобщающую драгоценный опыт строительства социализма. На снимке: железнодорожники станции Меадра получили новые книги из СССР.

Путь к науке, к вершинам знаний открыт для всех граждан республики. Дети рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции становятся инженерами, врачами, учителями, архитекторами, агрономами. На снимке: студентки агрономического факультета Пловдивского университета на практических занятиях по хлопководству.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ ВЫЛКО ЧЕРВЕНКОВ.

От всей души и с признательностью приветствую инициативу редакции «Огонька» — посвятить один из своих номеров Народной республике Болгарии, ее творческому подъему на путях социализма, который болгарский народ строит в нерушимой дружбе с великим Советским Союзом и при его могучей поддержке.

Позвольте мне от имени нашего трудящегося народа, сплоченного под знаменем Болгарской Коммунистической партии и верного заветам Георгия Димитрова, передать самые сердечные пожелания читателям «Огонька» во всех концах Советского Союза и выразить им, и в их лице всем советским братьям и сестрам, глубочайшую благодарность и преданность.

Будем всеми силами крепить узы дружбы и сотрудничества с нашими освободителями и защитниками — советскими народами, строителями коммунизма. В этом главная гарантия национальной независимости и социалистического преобразования Болгарии.

Будем неустанно учиться у мудрой партии большевиков, у нашего гениального вождя и учителя, самого большого друга и отца болгарского народа — товарища Сталина.

Да живет в веках нерушимая и светлая болгаро-советская дружба!

София.

В. Червенков.

Счастье пришло в Бéлены

Если вы посмотрите на карту Болгарии, то на самом севере, у берегов Дуная, между городами Никопол и Свиштов, вы увидите Беленскую низменность, получившую свое название от села Бéлены, когда-то несчастного и нищего...

Здешние крестьяне веками страдали не только от засухи, но и от опустошительных наводнений. Каждую весну дунайские воды затопляли Беленскую низменность. Сколько бедствий приносили эти разливы! С годами они превратили окрестные земли в глубокие, никогда не просыхающие болота. Здесь почти ничего не росло. Малярия косила людей. Казалось, счастье навсегда отвернулось от этих мест. Постепенно крестьяне перестали сеять хлеб и жили лишь ловлей рыбы.

Десятилетиями ходоки из села Бèлены обивали пороги в Софии, прося помощи. Министры царской Болгарии оставались глухи к этим просьбам.

Новая, народная власть сразу же проявила заботу об этих землях. Было решено воздвигнуть вдоль дунайских берегов более мощную дамбу, чем та, которая здесь существовала. Новая дамба должна была, по мысли инженеров, навсегда оградить Беленскую низменность от ежегодных наводнений. Это была одна из первых народных строек в Болгарии. Тысячи людей из окрестных сел, из Никопола и Свиштова пришли на помощь беленским крестьянам. И вскоре над весенним бушующим Дунаем поднялась дамба высотой в 8 метров и длиной в 22 километра.

Так началось преобразование бесплодных придунайских земель в цветущий край...

Димитр Иорданов, приезжавший недавно в Москву с делегацией болгарских крестьян, рассказывает о том, как осушались болота, как высаживались на дамбе деревья — целая лесная полоса. Он говорит о судьбе придунайских земель горячо, вдохновенно, как говорят о самом дорогом и важном.

— С песнями приходили крестьяне на болота, — рассказывает Иорданов, — и коммунисты зажигали людей своим примером. Нужно было много терпения, упорства, и мы работали, стараясь не думать о сне и отдыхе!

Болота были осушены, и беленские крестьяне и крестьяне из дальних сел поздравляли друг друга. На новых землях были созданы новые трудовые кооперативы, государственные земледельческие хозяйства.

— Много надежд у нас было связано с первым севом, — говорит другой делегат, Коста Живков. — Мы посадили рис, коноплю, хлопок. Мы верили, что своими руками навсегда завоевали эти богатые земли.

Коста Живков вырос на берегу Дуная в бедной крестьянской семье. Он хорошо помнит, как отец один на один боролся с природой, стараясь отбить у болот кусочек земли. Коста осушал их по-другому.

— Отцы наши, — продолжает Коста, — не смогли победить болота, они не смогли победить и наводнения, потому что действовали в одиночку. А мы покорили природу, потому что работали сообща, помогая друг другу. И все же нас ожидали новые испытания! В тот год, когда мы расширили дамбу и осушили болота, много дней и недель не было дождя. Жаркое солнце сожгло наши посевы.

Живое, энергичное лицо Косты мрачнеет. Хмурятся густые, черные брови. Как описать горе людей, отдавших несколько лет жизни преобразованию придунайских земель и жестоко остановленных в своем порыве засухой — страшным врагом землепашца.

В те дни болгарские газеты выходили с тревожными заголовками. В стране не хватало хлеба. Помощь пришла из великой страны социализма. Газета «Свободная Болгария» писала:

«Бедствия, причиняемые Болгарии непрестанными засухами, обратили на себя внимание великого Сталина». Далее газета пишет о том, что советское правительство поручило заслуженному ирригатору Узбекистана, одному из руководителей строительства Большого Ферганского канала, инженеру Шубладзе, установить, существуют ли в Болгарии условия для создания в короткий срок оросительной системы. Тов. Шубладзе, возглавляющий группу советских и болгарских специалистов, непрерывно получая поддержку со стороны болгарского правительства, исследовал объекты, выработал план и в сентябре 1949 года доложил об этом плане Совету Министров СССР. «С тех пор, — пишет газета, — в Беленской низменности закипела работа».

— Я строил каналы в Беленской низменности, — с гордостью заявляет Димитр Иорданов. — Были среди нас и отсталые крестьяне, не верившие в успех дела. Они говорили: «Эти места прокляты богом, не ждите здесь урожая». Но передовые люди болгарской деревни, коммунисты, отвечали: «Нет, мы сделаем эту землю богатой и плодородной!» Народ пошел за коммунистами.

Иорданов и Живков вместе с тысячами других строителей выходили на работу с плакатами: «Мы строим Сталинский канал!», «Досрочно завершим стройку!» Свиштовские крестьяне несли панно; на нем был изображен товарищ Сталин у плана Беленской низменности.

— Весть о том, что товарищ Сталин знает о нашей работе, — говорит Иорданов, — что он прислал советских специалистов и машины в Беленскую низменность, вызвала у крестьян такое воодушевление... — Иорданов останавливается, стараясь подыскать нужное слово. — Такое воодушевление, — повторяет он, — что руки сами взялись за лопаты!..

Строительство было завершено за 45 дней — темпы, невиданные до тех пор в Болгарии. За дамбой, на берегу Дуная, были проложены новые дороги. Каналы длиной более 300 километров прорезали Беленскую низменность.

На реке были сооружены понтоны. Здесь разместились насосные станции, вооруженные новейшими машинами, которые прислал Болгарии Советский Союз.

И вот наступил день открытия оросительных каналов в Беленской низменности. У села Бéлены, некогда самого бедного и несчастного в стране, собрались десятки тысяч крестьян Свиштовской, Никопольской и других околий. Сотнями подъезжали к селу брички. Люди прибывали и поездами, у пристани швартовались пароходы. Гремели оркестры. Повсюду слышались песни, славящие великого Сталина.

Крестьяне с благодарностью говорили:

— Конец засухе! Мы победили ее благодаря помощи советских людей.

— Спасибо советским братьям!

— Спасибо великому другу Сталину!

— Ста-лин! Ста-лин! — восклицали хором тысячи людей, и это имя, славный вестник народных побед, неслось над берегами Дуная.

Димитр Иорданов и Коста Живков взволнованно рассказывают об этом замечательном в их жизни дне, когда болгарский крестьянин вдруг увидел себя победителем стихии.

— В 12 часов дня, — говорит Живков, — заработали насосные станции...

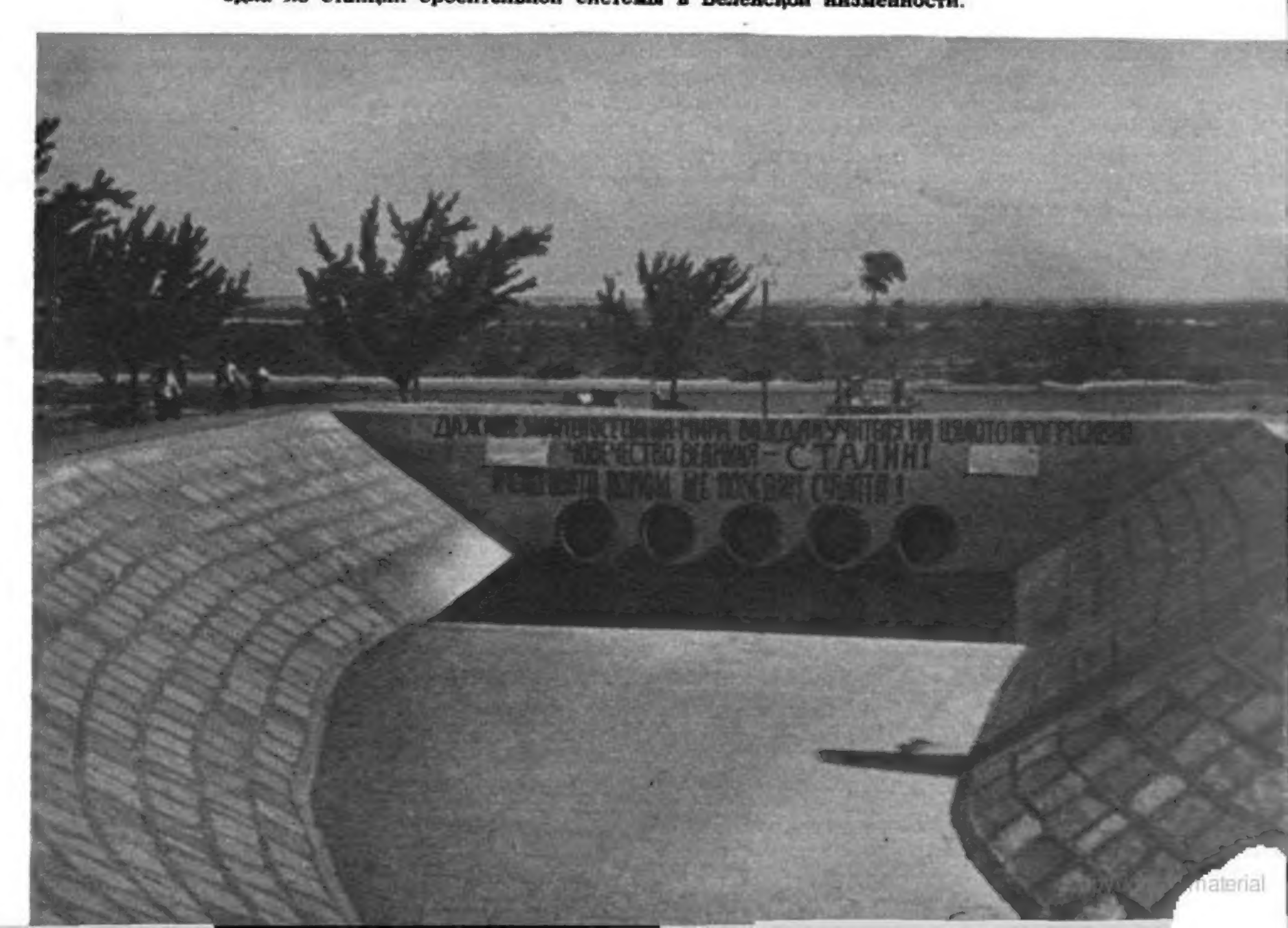
— ...И вода пошла, — перебивает его Иорданов. — Вода пошла из Дуная сначала в главный канал, а потом и в распределительные, пошла по всей Беленской низменности. Мальчишки бежали вдоль канала за водой. Старики наши стали на колени и омыли дунайской водой свои лица. Не надо больше с тревогой смотреть на небо. Никогда не будут придунайские земли страдать от засухи!..

Иорданов и Живков вынимают блокноты. Там записаны впечатления и наблюдения, вынесенные ими во время пребывания делегации болгарских крестьян в советских колхозах. Они вспоминают встречи в колхозе имени Буденного на Кубани, встречи с Героями Социалистического Труда, с академиком Т. Д. Лысенко. Они многое узнали, многому научились. Есть что рассказать односельчанам!

В нынешнем году трудовые кооперативы и государственные земледельческие хозяйства Беленской низменности собирают богатый урожай риса, пшеницы, кукурузы, конопли, хлопка. Вооруженные опытом советских колхозников, они в будущем году соберут еще больший урожай. В этом теперь никто не сомневается в Бéленах! Счастье пришло на эту, веками в прошлом несчастную, горемычную землю, пришло навсегда.

К. НЕПОМНЯЩИЯ

Одна из станций оросительной системы в Беленской низменности.

СОВЕТСКИЕ ТАНКИСТЫ НА СТРАЖЕ МИРА

С. И. БОГДАНОВ,
дважды Герой Советского Союза, маршал бронетанковых войск

Более пяти лет прошло с того времени, как отгремел последний выстрел на полях сражений Великой Отечественной войны и советские воины водрузили советский флаг над разбитым логовом фашистского зверя. Битва за лучшее будущее человечества была выиграна нашим народом, нашей армией.

Незабываемы подвиги наших солдат, сержантов, офицеров и генералов. Незабываемы подвиги наших пехотинцев, артиллеристов, летчиков и танкистов. Приказами Генералиссимуса товарища Сталина лучшим из лучших соединений Советской Армии, показавшим беспримерное мужество и упорство в достижении победы в боях за свободу и независимость нашей Родины, впервые в истории Советской Армии было присвоено звание гвардейских.

В числе первых соединений Советской Армии, преобразованных в гвардейские за отличные боевые действия, было и танковое соединение. Я имею в виду танковую бригаду, громившую под Москвой Гудериана. Злополучный автор хвастливой книги «Внимание, танки», мечтавший о параде на Красной площади, уже в первые месяцы Отечественной войны познал страшную горечь поражения. Теперь этот фашистский горе-вояка выполняет роль советника в Пентагоне — военном ведомстве США. Не вполне надеясь на свой разум и опыт, американские стратеги наняли Гудериана в консультанты, полагая, что битый гитлеровский авантюрист стоит десяти небитых. Несомненно, что у американцев большой выбор подобных консультантов — битыми оказались все фашистские и японские генералы, имевшие дело с Советской Армией.

Советские танкисты, как известно из истории Великой Отечественной войны, сыграли значительную роль в разгроме фашистской Германии и империалистической Японии. Вспомним Сталинград, когда наши танковые соединения при поддержке артиллерии и авиации, прорвав сильнейшую оборону противника с двух сторон и перерезав его коммуникации, на пятый день наступления замкнули кольцо у Калача. Всего пять дней потребовалось советским войскам, чтобы окружить хорошо вооруженную 300-тысячную группировку Паулюса.

Маршал бронетанковых войск
С. Н. БОГДАНОВ.

Поучительно также сегодня вспомнить и жестокие бои у совхоза «Комсомолец» в районе Прохоровки, на Курском выступе. Здесь разыгралась величайшая за всю военную историю битва машин. Казалось, земля стонала под тяжестью мчащегося и ревущегося металла. Наши танкисты в этом бою показали исключительную стойкость и мужество. «Тигры», «фердинанды» и «пантеры» — наилучшие боевые машины фашистской армии — не могли противостоять советским людям и нашей, советской технике — знаменитому советскому танку «Т-34».

Советские танкисты гордятся еще и тем, что на их долю выпала честь закончить войну против гитлеровской Германии. Речь идет о стремительном боевом броске по маршруту Берлин—Рудные горы — Прага. Выполняя приказ товарища Сталина, танкисты немедленно после битвы на Одере стремительно ринулись на помощь отважным повстанцам Праги. В те трагические для чехов дни ближе всех союзников к Праге находилась Третья американская армия генерала Паттона. Но недаром говорится: истинные друзья познаются в беде. Бравые американцы неторопливо наслаждались знаменитым пильзенским пивом в 40 километрах от столицы Чехословакии. Генерал Паттон отказал пражским патриотам, бившимся на баррикадах, даже в бинтах и медикаментах. Американцы были уверены, что до прихода советских войск из Берлина эсэсовцы перебьют революционные силы Чехословакии. Но господа американцы ошиблись. Советские танкисты, выполняя приказ великого полководца товарища Сталина и свой долг совести перед братским народом, с кровопролитными боями за пять с половиной суток прошли через горы, спасли повстанцев от гибели и взяли в плен свыше шестисот тысяч гитлеровцев, пытавшихся остановить наступление Советской Армии на территории Чехословакии. Советской Армии достались богатые трофеи: тысячи танков, самоходных установок, бронетранспортеров и орудий.

В знак вечной признательности Советской Армии-спасительнице чехословацкий народ водрузил в столице республики на постаменте наш танк «Т-34».

Такой же символический памятник стоит и за много километров от Праги — на далеком Востоке, в городе Мукдене. Там установлен один из тех тысяч славных советских танков, которые, преодолев реки, болота, тайгу, пустыни и горы, помогли советской пехоте избавить китайский народ от японских захватчиков. На маньчжурском театре военных действий наши танкисты действовали в очень трудных условиях. Танки перевалили через хребет Большого Хингана, шириной до 250 километров, в таких суровых и диких местах, которые японцы считали недоступными не только для машины, но и для человека.

Лавина наших танков и самоходно-артиллерийских установок, хлынувшая на равнину с Хинганских гор, была для самураев полнейшей неожиданностью. Впрочем, не только в Маньчжурии, но и на Корейском полуострове советские танкисты показывали свою замечательную выучку и отвагу, а советские танки — свои выдающиеся боевые качества.

Наша бронетанковая техника на протяжении всей войны превосходила технику противника. Не случайно гитлеровцы вынуждены были в ходе войны поспешно и непрерывно менять образцы и вооружение своих боевых машин. С этой целью им приходилось не раз останавливать заводы, перестраивать технологию, менять конструкцию. Но это не удавалось. Пресловутый «тигр» был плохой копией нашего тяжелого танка «КВ», а «пантера» — совершенно неудачным эрзацем танка «Т-34». О грозном боевом танке «Иосиф Сталин» уже и говорить нечего.

Советские боевые машины не имеют соперников. Советские танкисты убедительно и настойчиво рекомендуют всем поджигателям войны не проверять этого заявления на практике. Наше миролюбие вовсе не есть признак слабости. Советская Армия вместе со всем советским народом до единого человека подписалась под Стокгольмским Воззванием не из боязни перед кем бы то ни было. Нам дорого благополучие всех народов, дорог созидательный труд строителей коммунизма, счастье детей и спокойствие матерей. Вот почему сталинские маршалы и солдаты поставили свои подписи под документом доброй воли человечества.

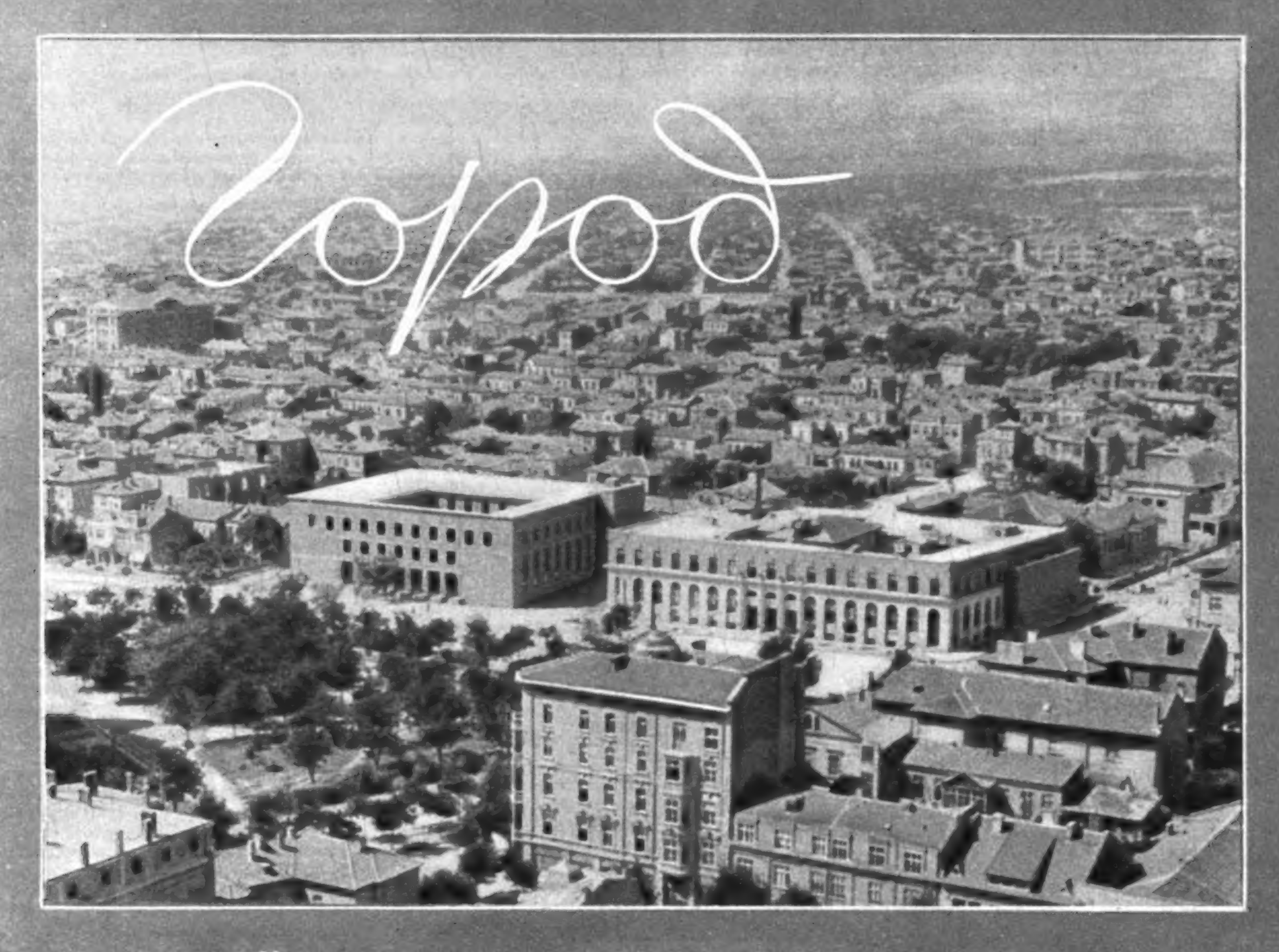
Советский народ не из пугливых: он трезво отдает себе отчет в своих силах и силах врага. Нас не запугать визгливым криком о сверхразрушительной силе водородной бомбы и других средствах истребления людей. Мы знаем, что победить может только народ, вооруженный благородными идеями. Сталинская военная наука, основанная на законах исторического материализма, на первое место выдвигает моральный фактор как источник прочной победы. Бойцы, их настроения и идеи — вот главное. Не случайно разутая, голодная, плохо вооруженная молодая Советская республика разгромила орды белогвардейцев и войска интервентов, вдохновляемые Черчиллем.

Гитлеровцы, нападая на нашу страну, грубо просчитались прежде всего в оценке морального духа советского народа. Высокие моральные качества нашего народа, его вера в победу, его преданность большевистской партии, правительству и вождю народов великому И. В. Сталину, его патриотизм явились той силой, которая действительно творила чудеса трудовой доблести в тылу и воинской стойкости на фронте.

Империалистам никогда не обеспечить высокого морального духа своих армий. Такова природа империализма. Народно-освободительная армия Китая, разгромив сотни гоминдановских дивизий, вооруженных щедрой рукой Уолл-стрита, лишний раз подтвердила это на практике. Это подтверждается и всем ходом военных действий в Корее, где Народная армия наводит страх на кадровые американские дивизии. Трумэновский «блицкриг» оказался фантазией. Не помогают американцам ни противотанковые реактивные ружья «Базука», ни скорострельная артиллерия, ни модернизированные танки, ни реактивные истребители, ни «летающие крепости». И не помогут: моральное превосходство на стороне корейского народа.

Но если американские империалисты навяжут человечеству войну, это будет их последняя война. Непобедимая Советская Армия, воспитанная гениальным полководцем и вождем человечества товарищем Сталиным, смело примет последний и решительный бой. Ненависть честных и терпеливых людей взорвется сильней всякой водородной бомбы, и дряхлые устои капитализма рухнут окончательно.

Советские танкисты вместе с артиллеристами, летчиками, пехотинцами и моряками всегда на страже мира и безопасности своей горячо любимой Родины.

Город осенённый великим именем

Вадим КОЖЕВНИКОВ

С крутой оконечности мыса был хорошо виден город Сталин, сверкающий огнями в ночи, как гигантская люстра, — город-труженик, город, устремленный в будущее, один из красивейших городов Болгарии.

Море, огромное и спокойное, как небо, лежало внизу, мерцая под лунным светом. Вдоль всего побережья тянулись сложенные из белого камня виллы. Они подступали своими легкими, увитыми зеленью оградами к самому краю обрыва. В воздухе, пахнущем морем и ночными цветами, медленно плыли звуки песен. И хотя пелись эти песни на разных языках, они одинаково были близки сердцу: пели их болгары и поляки, венгры и чехи, словаки и немцы, рабочие и крестьяне стран народной демократии, отдыхающие здесь в виллах, некогда принадлежавших богачам.

Слушая эти песни в светящейся ночи, радостно думалось о том, какому великому, мощному творчеству человеческого счастья служит дружба народов. Думалось о том, какие безграничные просторы открывает эта дружба, какие драгоценные плоды несет она народам, черпающим силы для социалистического созидания из ее неиссякаемого источника.

Здесь, в городе Сталин, на заводах и фабриках мы часто встречались с теми, кто пел сейчас эти песни. В горячих беседах у станков завязывались узы подлинной интернациональной дружбы.

На заводе «Вулкан» старый рабочий-чех Ян Майров рассказывал при нас болгарским рабочим об опыте комплексной экономии Лидии Корабельниковой, советской стахановки. Румынские ткачихи-многостаночницы показывали своим болгарским подругам, как они усвоили опыт нашей прославленной ткачихи Марии Волковой. Венгерский рабочий, токарь-скоростник, в одном из цехов судоверфи демонстрировал скоростную обработку металла по методу ленинградского токаря Борткевича.

Вместе с польскими экскурсантами мы слушали лекцию болгарского грузчика Димо Стойнова. Это была лекция о советском опыте механизированной погрузки. В паровозном депо болгарский машинист, водитель тяжеловесных составов, говорил румынским гостям-железнодорожникам, какой перелом произошел в его жизни, когда он познакомился с достижениями советских машинистов-пятисотников. Сколько взаимной душевной заботы, сколько бескорыстного желания помочь друг другу было заключено в этих встречах рабочих стран, вставших на путь социализма!

Мы были свидетелями одной такой встречи на прядильно-ткацкой фабрике имени Первого Мая, одном из самых крупных текстильных предприятий Болгарии. Нужно прямо сказать: болгарским ткачихам было что показать и рассказать гостям из братских стран.

Во дворе фабрики имени Первого Мая, превращенном в сад, у главного входа среди цветников возвышается огромная витрина. За стеклом ее выставлены образцы тканей и пряжи — эталоны высокого качества. Они сработаны лучшими работницами фабрики. И все работницы фабрики избрали их в своих социалистических обязательствах образцом для своей личной работы.

Здесь же, рядом со стеклянной витриной, вы видите графическое изображение хода битвы за выполнение пятилетнего производственного плана фабрики в четыре с половиной года. На доске начерчена кривая выполнения квартального, годового плана. Рядом — линия, идущая в гору, регистрирующая выполнение ежемесячного задания.

На большом циферблате, похожем на башенные часы, запечатлено движение цехов к заветной цели. На другом циферблате стрелки отмечают, что сделано каждой сменой за день. А вот доска с натянутыми струнами, по которым стремятся ввысь десятки разноцветных самолетов,— показатели ежедневных успехов каждой бригады.

И ясно становилось для каждого, каким творческим духом объят весь коллектив фабрики, как единодушно трудовое рвение всех рабочих.

Одна из лучших ударниц фабрики, Златка Маринова, заметила, какое впечатление произвели на гостей все эти цифры. И она сказала:

— Только не думайте, пожалуйста, что так у нас получилось сразу. Нет, нам было очень трудно. Мы все хотели соревноваться, потому что соревнование — это социализм! Но как мы могли вступить в соревнование, когда большинство работниц у нас были неграмотны? А разве неграмотные бригадирши могли учитывать труд бригады, когда они не в силах даже проверить, что сделали за день сами?! И кто мог учесть успехи цеха, смены, когда даже мастера были неграмотны?

Чтобы работать по-новому, — продолжала Маринова,— нам нужно было стать грамотными. И мы учились после работы и до работы. Учились в вечерних школах, учились дома. Для того, чтобы написать имена всех наших женщин, которые стали грамотными, не хватило бы никакой доски. Ведь все, что вы видите,— это свидетельство того, что не только фабрика стала народной, но и мы сами — уже другие люди.

Да, это было очень верно сказано. У главного входа фабрики висит портрет первой многостаночницы Болгарии Марии Тодоровой. Ей было очень трудно стать многостаночницей. Тяжелые, мрачные призраки прошлого нелегко развеять сразу. Томящим страхом безработицы тревожили они вначале сердца людей, уже живущих в новом мире.

Ткачихи боялись, что Тодорова и ее последовательницы, переходя на многостаночную работу, обрекают других на безработицу.

— Ведь ткачих много, а станков мало,— говорили работницы.

И слепота толкала обеспокоенных женщин на путь борьбы с новаторами, на путь борьбы против собственного счастья.

И вот сегодня, застенчиво улыбаясь, с нами говорит одна из старых ткачих фабрики имени Первого Мая, для которой Тодорова была некогда «заклятым врагом». Старая работница рассказывает, как после того, как начало шириться движение многостаночниц, фабрика перешла работать на две смены, потом на три. А когда были выстроены новые корпуса, перед руководством фабрики встал уже вопрос о недостатке кадров. И они, те самые ткачихи, которые боялись безработицы, сами отправлялись в деревни вербовать молодежь для работы на фабрике. Они же, старые ткачихи, учили эту молодежь своему ремеслу, учили взыскательно, строго. Теперь ни у кого нет даже тени боязни, что не будет хватать машин, что может оказаться излишек рабочей силы...

Инициатор движения многостаночников в Болгарии Мария Тодорова.

Рабочий Болгарии воочию увидел, осознал всю творческую, созидательную мощь народного государства. Он увидел и понял, что в этом государстве не может быть безработицы, выматывающей силы и угнетающей душу трудящегося человека. Он понял теперь, что освобожденная от капиталистических пут творческая энергия народа безгранична и что нет предела для трудовой деятельности человека нового, социалистического общества.

Теперь многие работницы фабрики с гордостью называют себя последовательницами Марии Тодоровой и произносят ее имя, как имя народной героини. Стоит привести здесь слова самой Марии Тодоровой, которые нам глубоко врезались в память:

«Мне казалось вначале, что самым трудным будет научиться работать так, как работают советские стахановки-многостаночницы. Я читала их книги, изучала их методы работы, переписывалась с ними. И в первый день, когда я успешно проработала целую смену на четырех станках, я решила, что я самый счастливый человек на свете. Но потом, когда я увидела, как плохо отнеслись многие ткачихи к моему опыту, когда я услышала их гневные, злые слова, когда они стали отворачиваться от меня, мне показалось, что я самый одинокий, самый несчастный человек на свете.

И если бы я не знала, как трудно было вначале первым советским стахановцам, как им приходилось бороться за свои методы труда, кто знает, хватило ли бы у меня сил на эту борьбу. Но я, как и они, пошла в партийную организацию и рассказала о своих переживаниях. Там уже знали о них, и мне стали помогать женщины-коммунистки. Вместе с ними мы нашли путь к сердцу наших ткачих. Тогда я поняла, что мало быть самому новатором, нужно уметь быть также борцом за новое сознание у твоих товарищей. Нужно быть непреклонной, когда борешься за новое. И главное, надо верить, что люди пойдут за новым, и для этого нужно помогать им, забывая обиды, горести, думая только о том, что все это делается ради нас самих, ради народа!»

Сегодня 85 процентов ткачих фабрики Первого Мая в городе Сталин многостаночницы.

Старая ткачиха фабрики Сава Михайлова работает на 8 станках и выполняет норму на 115 процентов. Правительство наградило ее пятью орденами. Вот что рассказала нам о себе Михайлова:

«Я работала всю жизнь. Работала для того, чтобы дети мои не были голодными. Я вспоминаю прошлое, и мне нечего вспомнить. Только чувство страха: а вдруг выгонят с работы, вдруг поврежу руку, вдруг мастер поставит на мое место другую!.. Каждый новый день был страшен. И я не хочу говорить о прошлом. Мне трудно о нем говорить. Такое чувство, будто я тогда смертельно болела и каждый день ожидала смерти, и ничего, кроме этого страха, не было.

А о сегодняшнем я скажу вам просто. Я зарабатываю в месяц 15 тысяч левов, как ударница. Муж, он у меня возчик, получает 8 тысяч, сын работает электротехником здесь, на фабрике, его жалованье 12 тысяч, дочь моя, ударница-ткачиха, приносит домой 9 тысяч. Мы недавно на свои деньги построили дом с верандой. Вы не знаете, что такое собственный дом у болгарской ткачихи; этого никогда не было. Были нары, койки, угол, чердак. Но дом, дом! Если бы мне сказали до 9 сентября 1944 года, что у меня будет собственный дом, я бы ответила, что это неправда: не может никогда ткачиха заработать столько денег. А вот, видите, я заработала. А то, что моему сыну народное государство дало бесплатное образование, разве это деньгами измеришь? Вот сколько счастья для рабочего человека!..»

Красное треугольное знамя лучшей бригады цеха висит над участком, где работает бригада Бошины Мариновой. 184 процента нормы дала бригада за сегодняшнюю смену. Рулон ткани, сотканной Бошиной Мариновой, видели мы уже в стеклянной витрине эталонов качества. В дневной план работы бригады включаются все элементы комплексной экономии. Бошина Маринова — горячая последовательница и пропагандистка почина Лидии Корабельниковой и Александра Чутких. После работы Бошина читает лекции о работе своей бригады на курсах повышения квалификации ударников.

«Я никогда не думала, что профессия ткачихи может быть такой увлекательной,— говорила Бошина Маринова.— Я никогда не думала, что для ткачихи может понадобиться столько разных знаний, какие нужны мне сейчас. Я думала, что образование нужно только инженеру. Но когда я стала изучать методы работы советских стахановцев, я увидела, какие это образованные люди, и сейчас перенимаю у них не только новые приемы работы, но и страсть учиться, учиться всему, чтобы знать все передовое в технике и быстрее внедрять это передовое у нас.

Вот, например, — продолжала Маринова, — бригадир образцовой бригады прядильщиц Тотка Стоянова. Она ввела у себя, по советскому образцу, часовой график работы. И пришлось ей изучить не только технологию, но и организацию производства, экономику. Это была огромная работа, и она с ней справилась. Новое все время приходит к нам из Советского Союза, и каждый раз оно кажется таким недосягаемым, трудным для овладения и вместе с тем таким чудесным и заманчивым.

Я сейчас думаю о том, как сделать, чтобы станок мог работать несколько лет без ремонта. Я знаю, что в Советском Союзе тысячи рабочих борются за это. Я уже занимаюсь с нашим мастером, изучаю станок, подсчитываю, сколько это сбережет денег. И очень радостно думать, что я, простая прядильщица, могу для страны сэкономить столько миллионов левов, что мне даже неловко назвать цифру...»

Когда мы проходили по прядильному цеху, нас остановила прядильщица Гена Рашева. Вынув из машины какую-то небольшую металлическую воронку и показывая ее нам, она спросила:

— Вы узнаете ее?

— Нет, не узнаем,— сознались мы честно.

— Как же так? — удивилась Гена Рашева.— Да ведь это из Советского Союза! Наш мастер Димо Триштов привез в подарок эти воронки. Когда пользуешься ими, нить в прядильных машинах получается более упругой, тонкой. Нашим ткачихам стало легче работать с такой пряжей. И теперь мы у себя на фабрике сами стали делать такие воронки по советским образцам. Передайте мое спасибо советским текстильщицам, и не только от меня, но и ото всех нас!

Еще когда мы были далеко от города Сталин, мы познакомились с одной из ткачих фабрики имени Первого Мая. Это было на деревенской площади возле сельского магазина. Седовласая женщина стояла на трибуне, сложенной из пустых ящиков. Окруженная внимательными слушателями, она рассказывала о работе своей текстильной фабрики, показывала образцы тканей. Тепло и красочно говорила она о знаменитых болгарских текстильщицах, ставших членами народного правительства, о том, как увлекателен труд текстильщицы, как важен он и нужен народу. Она закончила свою речь словами:

«Товарищи крестьяне, мы, болгарские текстильщицы-ударницы, просим вас сейчас сеять побольше хлопка, и мы заверяем вас: сколько бы хлопка вы ни посеяли, мы переработаем его в отличные, красивые ткани. И чем больше хлопка дадите вы нам, тем больше тканей вы от нас получите. И мы просим вас также, девушки и юноши, идите к нам на фабрику, мы обучим вас нашему мастерству, мы поможем вам стать не только хорошими мастерами, но и образованными людьми. Идите к нам на фабрику, чтобы стать мастерами, творцами нашей новой, хорошей и счастливой жизни».

Высоко поднялись болгарские женщины. Пламенным патриотизмом объяты их сердца, безгранична их любовь к родине.

* * *

Мы стояли на оконечности каменного мыса, откуда был так хорошо виден сверкающий огнями город Сталин, и внизу лежало мерцающее звездами море, огромное, как небо, и звуки песен плыли в воздухе.

Мы думали о том, как далеко находимся от Родины и вместе с тем как бесконечно близка она здесь... Эту близость мы ощущали каждый день, находясь в Болгарии: и в разговорах с людьми, и в делах их, и во всей творческой жизни народа, строящего социализм мужественно, упоенно, радостно.

Далеко в море, там, где чуть виднелась узкая лента мола с тонкой башней маяка, у стенки причала стояло какое-то большое судно, празднично освещенное прожекторами. Мы спросили, что это за празднество происходит на корабле.

Нам объяснили, что это болгарский пароход «Родина». Он вернулся из плаванья, и болгарские моряки, по установившейся традиции, рассказывают населению о Советском Союзе, где они только что побывали. И нам тоже захотелось попасть на «Родину», чтобы услышать от болгарских моряков всегда волнующие и всегда радостные новости о нашей родной земле, жизнью которой мы так полно жили здесь вместе с братским болгарским народом.

Болгария. Город Сталин.
Июль.

Приморский парк в городе Сталин (Болгарская народная республика).

В БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Трактористка. Машинно-тракторная школа Русенской околии.

Кирилл Зафиров — токарь-рационализатор, депутат Народного Собрания.

Машинная молотьба в трудовом кооперативном земледельческом хозяйстве г. Ихтиман.

По фронтовым дорогам

СОН ХАК ЕН,
капитан корейской Народной армии

С первых дней войны сотрудник газеты «Нодон Синмун» Сон Хак Ен облачился в военное обмундирование. Вместе с танковым десантом, то на броне грозных машин, то пешком в строю пехотинцев, он прошел от 38-й параллели почти до южных окраин своей родины. Ниже публикуются отрывки из фронтового дневника капитана Народной армии Сон Хак Ена.

26 июня. Еще позавчера я целый день провел в лабораториях Университета имени Ким Ир Сена. Газета поручила мне написать очерк о летней практике студентов. Я разговаривал с будущими геологами, химиками, ботаниками. Остался ночевать в студенческом общежитии, чтобы утром вместе с группой молодых геологов отправиться в Алмазные горы.

На рассвете мне позвонили. «Немедленно выезжайте в редакцию, — сказал ответственный редактор Ки Сек. — Лисынмановцы развязали войну!» Это было чудовищно. Подлые предатели по указке американских империалистов напали на республику.

В кабинете редактора я встретил своих товарищей по работе. На столе редактора лежали только что отпечатанные удостоверения. «Сон Хак Ен назначается военным корреспондентом», — прочитал я на одном из бланков. Так для меня началась война, которую нежданно обрушили на мою родину американские империалисты.

И вот сегодня уже позади Пхеньян, позади гражданская жизнь. С непривычки ногам слишком просторно в тяжелых солдатских сапогах, никак не могу подогнать снаряжение. Непривычен и мой «транспорт»: я еду, прижавшись к танковой башне, сиденье мое — гладкая броня.

С танковым десантом я уже подружился за этот день. Мне подробно рассказывают, как вероломно напал враг, пытаясь воспользоваться теми преимуществами, которые дает внезапность нападения. Мне рассказали, как героически отразили атаку охранные войска и как ринулись они в погоню за отступающим трусливым врагом. Где-то впереди гремит канонада. Бьют наши артиллеристы. Командир танка говорит мне:

— Сегодня примем бой. Получите материал из первоисточника...

Первый бой! Немного сосет под ложечкой. Я ведь никогда не был военным! На ходу учусь стрелять из автомата. Над моими неудачами добродушно подшучивает экипаж: «Автомат — это не автоматическая ручка!»

27 июня. Итак, я уж «крещен» в первом бою. Вчера вечером на участке Дондуген—Ыденбу я впервые увидел врага. Лисынмановцы, захватив высоту, заняли на ней прочную оборону. Наш танковый батальон получил задание подавить огневые точки врага. Разведка донесла, что дорога к высоте минирована. Нельзя было ждать, пока саперы очистят путь. Командир подразделения Ли Бом Сек сразу принимает решение. Короткая команда — и вот уже наши танки бьют по дороге. Мины взрываются одна за другой.

Не дожидаясь, пока рассеется дым, танки под ураганным огнем противника врываются в расположение врага. Десантники вступают в рукопашный бой. Я тоже бегу вперед, тоже стреляю. Страха уже нет. Есть лишь одно желание — выиграть бой во что бы то ни стало! Артиллерийские позиции врага раздавлены и смяты гусеницами наших танков. Путь на Сеул открыт!

28 июня. 3 часа ночи. Сеул. Все получилось так, как предполагал командир. Наш танк № 300 стоит у здания лисынмановского «национального собрания». Другие четыре танка нашего подразделения расположились у банка, радиостанции... Мы первые вошли в Сеул, используя растерянность среди лисынмановских войск. Нас приняли за «своих» и ни разу даже не задерживали. Ко мне подходил в темноте лисынмановский полицейский. Он спросил меня дрожащим голосом: «Ну, как, не отдадим Сеул?» И я ответил с уверенностью: «Нет, ни за что не отдадим!» По улицам в панике мчались вражеские машины, танкетки. Пробегали группы лисынмановских солдат. А мы стояли никем не замеченные и не опознанные. Утром, когда к городу стремительно подошли наши воинские части, мы дали понять врагу, кто мы такие.

Жители Сеула провожают на фронт добровольцев.

2 июля. Отправил корреспонденцию о подвигах наших отважных железнодорожников. Под огнем с противоположного берега Хангана и под непрерывными бомбежками они восстановили мост для переправы наших танков и артиллерии, которые не могли двигаться вперед вдогонку за врагом, так как два моста были разрушены, а брода не было. Железнодорожники подкатили платформы и осторожно погрузили на них танки. Паровоз медленно тронул этот необыкновенный поезд. Паровоз шел не впереди состава, а толкал его сзади. На передней платформе был устроен своеобразный трамплин, так, чтобы наши танки прямо с моста могли вступить в бой. Переправа была организована столь быстро, что у нас не было потерь. Зато враг, не ожидавший нашего появления, в панике бежал, оставляя автомашины, пушки и другое вооружение.

3 июля. Мы в пятистах метрах от передовых позиций, на подступах к Сувону. С обеих сторон идет ожесточенная артиллерийская стрельба. Все мосты, ведущие в город, разрушены. Но наши танки во взаимодействии с пехотой обходят разрушенные мосты и, найдя брод, стремительно форсируют реку. Начинается грандиозный бой за старинный город Сувон. Лисынмановцы превратили старинные крепостные валы в мощную преграду. Здесь я впервые увидел американские войска. Меня поразила их трусость. На моих глазах американские солдаты, завидев наши части, бросали оружие и в панике бежали. В бою за сувонский аэродром наши части захватили шесть не успевших улететь американских истребителей.

6 июля. Страшную трагедию я увидел в сувонской тюрьме. Когда наши войска широко открыли перед узниками двери тюрьмы, оказалось, что большинство патриотов, томившихся в тюрьме, уже расстреляно. В камерах мы увидели мертвых людей с деревянными палочками в руках: их расстреляли во время обеда.

7 июля. Сегодня я был свидетелем нашей героической переправы через реку шириной около двухсот метров. Командир пехотной роты Ли Хван получил приказ переправиться на противоположный берег, занятый противником. Решено было переправу организовать на лодках ночью. Один из наших саперов, Кам Ван Чоль, проявил в эту ночь чудеса храбрости. Он перевез группу бойцов на тот берег, невзирая на ураганный огонь противника. Лодка несколько раз получала пробоины. Кам Ван Чоль искусно затыкал их ватой из индивидуальных пакетов и продолжал очередной рейс. Пять раз он был ранен, но не покинул своего поста, пока не был переправлен последний солдат.

9 июля. Каждый день мы узнаем о все новых и новых зверствах американских бандитов. В Ынсоне я видел братскую могилу 70 патриотов, которых американские разбойники живьем зарыли в землю. Крестьяне с ненавистью и возмущением рассказывают, как американцы насилуют женщин, девушек. Старая крестьянка Ли Сон Дук рассказала нам со слезами, что ее семнадцатилетняя дочь не вынесла позора и повесилась.

ПИСЬМО АМЕРИКАНСКОГО СОЛДАТА

Я случайно остался живым...
Под огнем полевой батареи
Сквозь удушливый танковый дым
Я бежал по горящей Корее...
Совершенно случайно
я остался
живым.

Я еще не хочу умирать!
Пусть мой Джонни садится за парту,
Пусть не плачет в Америке мать...
Понимаете, мистер Макартур,
Я попробовал.
Я не хочу умирать.

В этой маленькой храброй стране
Нас громили корейские танки.
Здесь узнали мы цену войне.
По заслугам «проклятыми янки»
Нас зовут в этой маленькой мирной
стране.

Нас пригнали сюда на разбой.
Слишком поздно мы здесь
догадались,
Что пиратский свой флаг в голубой
Перекрасили Трумэн и Даллес
И под ним
Нас пригнали сюда
на убой.

Я случайно остался живым.
Я здесь жил, за день на год старея.
Я напомнить хочу молодым:
За свободу воюет Корея!
Мы бессильны.
Случайно
я остался
живым.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

10 июля. Любопытно, что начиная с боев в Сувоне с нашими войсками воюют не лисынмановцы, а американцы. Во время битвы при Ымнери частями Народной армии было взято в плен 200 американских солдат и офицеров. На мой вопрос: «Зачем вы вмешиваетесь в гражданскую войну чужого государства?» — один из них ответил: «Меня прислал сюда Макартур. Я думал, что к моему приезду лисынмановцы уже разгромят северокорейцев. Так говорили нам наши командиры». Поняв, что они обмануты, американские военнопленные проклинали Макартура и Трумэна.

Сознавая преступление, совершенное ими по отношению к корейскому народу, военнопленные один за другим предлагали свои заявления для печати.

11 июля. Мы на станции Чони. Это последний перед Чочивоном пункт. Американцы, укрепив свои позиции тяжелыми минометами и орудиями и зарывшись в землю, видимо, рассчитывали, что мы предпримем лобовой удар и тогда они, совершив маневр, возьмут нас в окружение. Однако воины Народной армии уничтожили минометным огнем вражеские огневые точки и, пробившись сквозь тройную линию вражеских укреплений, завязали с левого фланга рукопашный бой.

Американские солдаты до того перепугались, что в беспорядке бросились бежать. Они побросали винтовки и пистолеты, оставили минометы и реактивные пушки, так и не сделавшие ни одного выстрела. Этот бой убедил меня в том, что американцы, как огня, боятся ближнего боя, особенно рукопашной схватки.

14 июля. Ночь. Мы остановились в 20 километрах от Теджена. Впереди река Кымган. После начала военных действий я второй раз присутствую при преодолении крупной водной преграды. Здесь была быстро наведена понтонная переправа. Чем дальше мы продвигаемся на юг, тем яростнее действует вражеская авиация. Самолеты висят над дорогами и позициями почти круглые сутки. Не только в прифронтовой полосе, но и в глубоком тылу американские хищники бомбят без разбора каждый городок, каждый населенный пункт. Они безжалостно расстреливают мирных жителей, работающих в поле.

18 июля. Вот уже несколько дней идут ожесточенные бои за Теджен. Враг оказывает яростное сопротивление, пуская в ход огромное количество артиллерии, танков и авиации. Боясь очередного окружения, американцы усиливают свои позиции на флангах. Огонь не прекращается ни на минуту. Враг яростно цепляется за каждую пядь земли. Но наши войска шаг за шагом теснят врага, зажимая его в стальные клещи.

Перед нами встала задача — не только взять город, но и не дать врагу уйти. И вот перед решающим штурмом воинская часть под командованием Ким Чан Бона совершает героический рейд по тылам противника. Прорвав вражескую оборону на узком участке фронта, танкисты и мотопехота достигли главной магистрали Теджен—Тэгу. Они заняли выгодные позиции у горы Пом Ян Сан и, когда начался отход противника, открыли огонь.

В результате этой поистине героической операции основные силы противника и его техника были или захвачены или уничтожены. Наши войска ведут наступление дальше, на юг, в направлении одного из крупных городов Южной Кореи — Тэгу.

20 августа. На много дней я должен был расстаться со своим дневником. По вызову редакции я все эти дни провел в Пхеньяне. Написал несколько корреспонденций — и вот я снова на линии огня. Впереди много героического и волнующего. Почти окружен Тэгу, над которым вот-вот взовьется знамя нашей республики. Впереди Пусан. Впереди полное освобождение моей родины.

КИТАЙСКИЙ НАРОД ПРОТЕСТУЕТ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ В АЗИИ

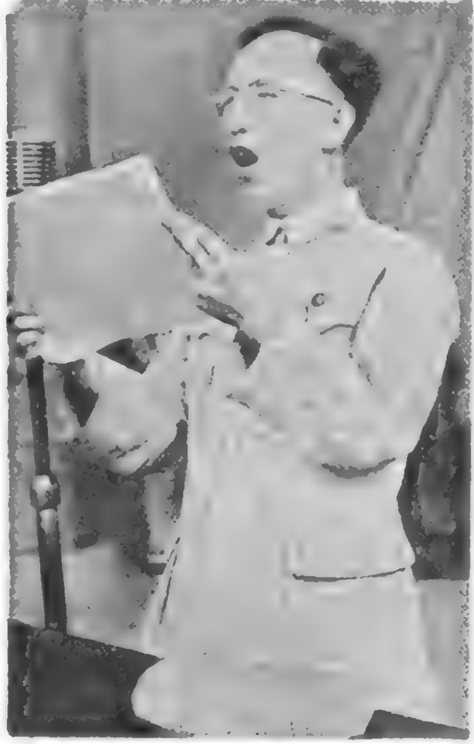
В Китае прошла неделя протеста против интервенции Соединенных Штатов в Корее и Тайване. Миллионы трудящихся великой страны, освободившейся от ига империалистов, выражали братскую солидарность с героическим корейским народом, отстаивающим свою свободу и независимость в упорной борьбе с американскими интервентами, и гневно осуждали вооруженное вмешательство во внутренние дела Китая империалистов США, оккупировавших Тайван. Демонстрации и митинги протеста совпали с празднованием 23-й годовщины создания китайской Народно-освободительной армии, разгромившей чанкайшистские орды, агентуру американских колонизаторов, и освободившей китайскую землю от палачей и душителей свободы народа.

На снимках:

Вверху — массовая демонстрация трудящихся Пекина в честь Народно-освободительной армии и против американской агрессии в Азии.

Справа — председатель Всекитайского комитета защиты мира профессор Го Мо-жо выступает на митинге протеста против американской агрессии в Корее и Китае.

Внизу — артисты-рассказчики выступают перед народом, разоблачая американских поджигателей войны.

Рождение проекта

Действующая модель части пролетов куйбышевской плотины. Старший инженер Л. Морозевич (справа) и лаборант А. Кирикова измеряют скорость течения воды.

Куйбышев. Сталинград.

Названия этих двух городов облетели весь мир, как символ могущества и миролюбия Советской страны: на великой русской реке Волге начинается строительство грандиозных сооружений сталинской эпохи — величайших в мире гидроэлектростанций.

В районе Куйбышева приступлено к постройке гидроэлектростанции мощностью около двух миллионов киловатт. В районе Сталинграда будет сооружена гидроэлектростанция мощностью не менее одного миллиона семисот тысяч киловатт. Каждая из них по своей мощности в несколько раз превзойдет Днепрогэс.

Предстоит реконструкция крупнейшей в Европе реки — Волги, с тем, чтобы полностью подчинить ее человеку, взять от этой могучей водной магистрали все, что она может дать. Иваньковская, Угличская и Щербаковская гидроэлектростанции с их крупнейшими водохранилищами находятся в верхнем течении реки. Две новые гидроэлектростанции располагаются в среднем и нижнем течении Волги, где она входит в засушливую зону Заволжья, пустынных и полупустынных районов северной части Прикаспия.

Все проектно-изыскательские и исследовательские работы, связанные со строительством гидроэлектростанций, возложены правительством на Гидропроект — организацию, уже осуществившую проектирование ряда крупнейших сооружений такого рода.

Тысячи советских инженеров и техников с энтузиазмом приступили к выполнению правительственного задания. Широко развернулись изыскательские и проектные работы. Творческая техническая мысль успешно разрешает сложнейшие задачи, возникающие в ходе проектирования.

Бурной жизнью живет в эти дни Гидропроект. Сотни инженеров, склонившись над чертежными столами, заняты разработкой отдельных деталей, составлением рабочих чертежей и расчетов. На столах лежат разграфленные и расчерченные листы; из многих тысяч таких листов составятся проекты величайших сооружений нашей эпохи.

Геологи, геодезисты, буровики, химики, грунтоведы трудятся над изучением свойств грунта, условий постройки необходимых сооружений. Заложены буровые скважины, изучается скорость движения воды и множество других явлений, которые нужно учесть при строительстве.

Проделана большая работа по составлению проектного задания для строительства Куйбышевской гидроэлектростанции. Оно состоит из десятков томов и многих альбомов с техническими чертежами.

— Мы выполним в срок правительственное задание, — говорит главный инженер проекта Куйбышевской гидроэлектростанции Н. А. Малышев.

Заместитель главного инженера проекта Сталинградской гидроэлектростанции И. С. Харитонов подводит нас к большой панораме, на которой нарисован будущий Сталинградский гидроузел. Отчётливо видны земляная плотина, водосливная бетонная плотина, гидростанция и шлюзы. Левый волжский берег расчерчен лесозащитными полосами. Здесь берет свое начало и большой обводнительный канал. По нему волжская вода потечет в пустынные и полупустынные районы северной части Прикаспия.

И. С. Харитонов рассказывает, что место для строительства Сталинградской гидроэлектростанции уже определено. Здесь обнаружены глинистые песчаники — плотный грунт, удобный как основание плотины. Берег устойчивый, хорошо противостоящий размывам. Такой удачный выбор строительной площадки создает много преимуществ для проектирования.

Наш собеседник показывает на панораме место, где расположатся шлюзы.

— Будет ли во время строительства прекращено судоходство по реке?

— Ни на один день. Пароходы будут двигаться по открытому руслу реки там же, где они проходят и сейчас. Когда же закончится сооружение шлюзов, русло перекроется земляной плотиной, и суда пойдут по новому пути.

В район строительства уже выехали многочисленные изыскательские экспедиции, развернувшие там большие работы. Когда мы беседовали с И. С. Харитоновым, раздался продолжительный телефонный звонок. На проводе Сталинград.

— Здравствуйте, Леонид Александрович, — приветствовал заместитель главного инженера начальника геологической экспедиции тов. Припотня. — Сообщите результаты бурения в районе сто тринадцатой скважины...

Рождение проекта — серьезная и сложная творческая работа большого коллектива. Тысячи инженеров заняты этим благородным трудом.

* * *

Корреспондент «Огонька» побывал в гидротехнической лаборатории Гидропроекта.

В огромных, специально приспособленных помещениях здесь ведутся исследовательские работы на действующих моделях. Заместитель начальника лаборатории Борис Федорович Караулов знакомит с моделью водосбросной плотины. Это — одно из главных сооружений будущего Куйбышевского гидроузла. Действующая модель в 75 раз меньше натуральной плотины.

Главный инженер проекта Куйбышевской гидроэлектростанции Н. А. Малышев (слева) и заместитель главного инженера проекта Сталинградской гидроэлектростанции И. С. Харитонов.

— На моделях, — рассказывает Борис Федорович, — подбираются так называемые гасители энергии воды. Мы изучаем и проверяем условия гашения энергии воды, сбрасываемой в паводки. Иными словами, коллектив научных сотрудников гидротехнической лаборатории Гидропроекта трудится над тем, чтобы успокоить бурное течение воды, переливающейся через плотину, и предупредить размыв дна Волги ниже плотины. Весь этот сложный процесс не поддается теоретическим расчетам и решается поэтому лабораторным путем. Кроме того, мы уточняем пропускную способность плотины, очертания отдельных ее элементов. Такие исследования дают возможность подобрать совершенные очертания сооружений и их деталей.

Куйбышевский гидроузел будет состоять из гидроэлектростанции, бетонной водосливной плотины, земляной плотины протяженностью в несколько километров и, наконец, судоходных шлюзов, через которые смогут пройти крупные суда. Благодаря куйбышевской плотине уровень воды в Волге поднимется на протяжении нескольких сот километров и образуется огромное водохранилище.

Инженеры склонились над чертежными столами...

Фото Г. Зельма и Б. Кузьмина

ПОЧИН НОВАТОРА

Когда по окончании смены Пелагея Степановна Козлова выходит из цеха, товарищи всегда провожают ее восхищенными взглядами. Сегодня, как и вчера, как и в прошлом месяце, как и в прошлом году, сменное задание значительно перевыполнено. Сегодня, как и вчера, Пелагея Степановна обслуживала четыре станка вместо двух по норме.

Но если спросить Козлову о ее производственном опыте, то пожилая ткачиха ответит:

— Чего там рассказывать! Опыт у нас общий... Друг у дружки учимся.

На больших плакатах, что развешаны по стенам ткацкого цеха, рядом с фамилией П. Козловой стоят фамилии Коробковой, Васильевой и других знатных ткачих. Тут же можно прочесть краткое описание стахановских приемов труда. А в прядильном цехе бросаются в глаза плакаты, пропагандирующие методы стахановок Кулешовой и Евдокимовой. Так во всех цехах подмосковной тонкосуконной фабрики «Пролетарская победа».

В отделе организации труда фабрики собрано несколько десятков плакатов и листовок, содержащих подробное описание наиболее рациональных приемов работы прядильщиц и ткачих. Листовки, выпускаемые тиражом в сотни экземпляров, распространяются среди рабочих как обязательное пособие при производственном обучении.

Такая широко применяемая передача опыта новаторов началась на фабрике два года назад по инициативе ее директора инженера Федора Лукича Ковалева.

В цехах с помощью хронометража нормировщики составляют подробное описание приемов работы стахановца на той или иной операции. Самые эффективные из них затем утверждаются на техническом совещании мастеров, их помощников, инструкторов и передовых рабочих. Здесь же решают, как помочь всем рабочим и работницам использовать эти приемы.

За минувшие два года сотни ткачих и прядильщиц фабрики овладели стахановскими методами труда. Сейчас, например, уже 99 процентов прядильщиц и 96 процентов ткачей выполняют новые нормы выработки. Производительность труда в прядении возросла на 20 процентов.

Недавно коллегия Министерства легкой промышленности СССР заслушала доклад Ф. Л. Ковалева и сообщения о распространении опыта фабрики «Пролетарская победа» на других предприятиях. Замечательный почин инженера Ф. Л. Ковалева горячо одобрен. Его метод уже получил широкое распространение на многих предприятиях страны.

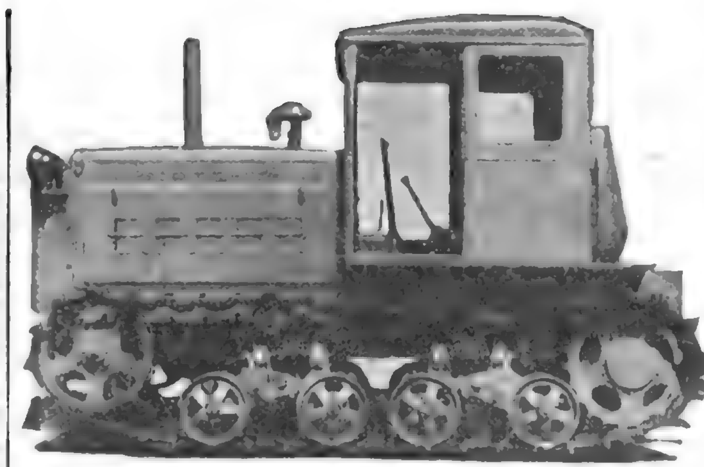
А на фабрике «Пролетарская победа» стахановцы и инженеры не останавливаются на достигнутом. Они осваивают передовые приемы труда, разработанные на других предприятиях текстильной промышленности.

М. ТИМОФЕЕВ

Ф. Ковалев наблюдает за тем, как ткачиха М. Левошина обучает передовым приемам труда молодую ткачиху М. Петрушину.

Фото В. Егорова (ТАСС)

«ДТ-54»

Необъятна степь. По обеим сторонам проселочной дороги золотой разлив хлебов. На горизонте видны комбайны. Тишина.

Вдруг за курганом зарокотал мотор, и вслед затем показался широкогрудый серебристый трактор. На его стальном борту высечены буквы «ДТ-54». Слегка покачиваясь, гудя от напряжения, он внушительно поднимался по косогору, оставляя за собой свежую ленту глубоко вспаханной, лоснящейся земли.

Люди любовно провожают его взглядом, пока он не исчезает на горизонте.

Этот трактор появился на полях Советской страны впервые нынешней весной на смену устаревшей машине «СТЗ-НАТИ». 25 ноября 1949 года следом за последним трактором «СТЗ-НАТИ» с большого конвейера Сталинградского тракторного завода сошел первый в СССР дизельный трактор марки «ДТ-54». Сейчас новую машину изготовляет также Харьковский завод, приступают к выпуску ее на Алтае.

В чем же преимущество нового трактора? Он предназначен главным образом для эксплуатации в сельском хозяйстве, но может найти применение и на других работах — транспортных, дорожных, на лесоразработках и т. д. Главное его отличие состоит в том, что вместо карбюраторного двигателя, работающего на керосине, на нем установлен дизель-мотор, рассчитанный на дизельное топливо.

По экономичности дизель-мотор, смонтированный на новой машине, превосходит лучшие современные отечественные и иностранные тракторные двигатели. Он экономичнее карбюраторного двигателя «СТЗ-НАТИ» на 30—40 процентов.

Значительно улучшены эксплуатационные качества новой машины, автоматизирована подача горючего.

Ручной запуск тракторного двигателя — трудная работа, особенно для женщин. Дизель «ДТ-54» запускается с помощью бензинового моторчика.

Большим преимуществом нового трактора является также устройство кабины. Она металлическая, полузакрытая, хорошо защищает тракториста от солнца и непогоды. Заднее и боковые окна ее снабжены шторками. Кабина имеет мягкое двухместное сиденье со спинкой.

Механизмы дизель-мотора и основные детали новой машины гораздо долговечнее. Это намного сокращает потребность в запасных частях, удлиняет межремонтный период работы трактора.

Наша страна — родина трактора. Мы начали строить эту машину раньше других стран мира, мы строим ее лучше других. Создание трактора «ДТ-54» является новой замечательной победой отечественного тракторостроения.

За разработку конструкции и промышленное освоение трактора «ДТ-54» группа инженеров Алтайского, Харьковского и Сталинградского тракторных заводов удостоена в этом году почетного звания лауреатов Сталинской премии.

Инж. А. КИРЮХИН

«ЗВАЙГЗНЕ»

В Риге начал выходить общественно-политический и литературно-художественный журнал на латышском языке — «Звайгзне» («Звезда»).

Первый номер журнала открывается стихотворением поэта Андрея Балодиса «Привет Сталину» и красочным портретом Иосифа Виссарионовича Сталина.

Первый номер «Звайгзне» посвящен 10-летию Советской Латвии. О счастливой, творческой жизни трудящихся республики ярко рассказывают на страницах журнала знатные люди Латвийской ССР: лауреат Сталинской премии Жанис Зуймач, машинист Альфред Грава, стахановка вагоностроительного завода Зедона Гринберг, рыбак-колхозник Гунар Ланка, бригадир совхоза «Буртниеки» Зелма Аболе и другие.

Как изменились за короткое время Советская Латвия, ее города и села! Благодаря повседневной помощи братских советских народов и в первую очередь великого русского народа Латвия стала теперь республикой мощной индустрии и коллективизированного сельского хозяйства. Об этих знаменательных переменах рассказывают очерки и стихи, напечатанные в журнале.

Яркая публицистическая статья народного поэта Латвии лауреата Сталинской премии Яна Судрабкална «Наши друзья» посвящена нерушимой дружбе латышского и русского народов.

В ряде статей «Звайгзне» показывает широко развернувшуюся борьбу за мир, против поджигателей войны.

Журнал будет выходить два раза в месяц.

Е. РАТНЕР.

ТРАВЕРС ШХЕЛЬДЫ—УШБЫ

Перед зданием Тбилисского государственного университета построились участники студенческой альпиниады. Их сорок человек. Дорога им предстоит дальняя — на Эльбрус.

Это восхождение юбилейное: в 1925 году группа студентов и преподавателей Тбилисского государственного университета совершила первое массовое восхождение на восточную вершину Эльбруса.

Альпинистов тепло напутствовал ректор университета, действительный член Академии наук Грузинской ССР Николай Николаевич Кецховели. Двадцать пять лет назад он, тогда студент университета, принимал участие в подготовке и проведении первой альпиниады. Среди тех, кто отправляется в трудный путь, немало участников восхождения на Эльбрус в 1925 году. Но подавляющее большинство — новички.

На машинах колонна проехала Военно-Грузинскую дорогу, затем от Дзауджикау до Нальчика и дальше, Баксанским ущельем, до Пичвнари (Тегенекли). Дальше движение пешее. Знакомый альпинистам маршрут. «Приют одиннадцати». Здесь, прежде чем начать штурм восточной вершины Эльбруса, пришлось трое суток ждать погоды. Но вот буран кончился, и тихой звездной ночью был совершен последний переход.

На вершине Эльбруса состоялся традиционный митинг. Торжественно был водружен флаг с гербом Грузинской ССР.

Встреча участников траверса Шхельды—Ушбы на Тбилисском вокзале.

Фото К. Мария.

* * *

Лето 1950 года завершилось новым, блестящим достижением альпинистов Грузии: впервые в Советском Союзе было совершено успешное продвижение по труднодоступной горной гряде, в которой находятся шесть пиков массива Шхельды и две башни Ушбы.

Альпинисты Грузии уже не раз восходили на каждую из них в отдельности. Но иное дело — траверс — непрерывное, последовательное прохождение всех вершин. Все подобные попытки заканчивались до сих пор неудачей. И лишь теперь альпинистам Грузии удалось пройти всю гряду.

Этот рекорд достигнут штурмовой группой, которую возглавлял заместитель председателя президиума Грузинского альпинистского клуба И. Марр. В составе группы были колхозники мастера спорта СССР сваны Б. Хергиани, Г. Зуребиани, Ч. Чартолани и М. Гваргиани.

Погода не благоприятствовала смельчакам. Им пришлось по нескольку дней отсиживаться: сначала на зубчатом гребне Шхельды, затем под Северной Ушбой и, наконец, на Южной Ушбе. Но они не отступили. В конце августа траверс закончился. Победили воля советских людей, их мастерство.

Н. НОВИЦКИЙ

ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА

В зале ожидания новой детской поликлиники.
Фото Г. Санько.

Облицованные светлым мрамором стены, бронзовые люстры, лоснящийся паркет, ковры. Под барельефом, изображающим пионера и пионерку, аквариум с золотыми рыбками.

Мы в вестибюле нового лечебного учреждения столицы.

Когда архитектор И. Л. Маркузе проектировал жилой дом на Садово-Каретной улице, он получил задание: весь первый этаж отвести под детскую поликлинику. В содружестве с медицинскими работниками архитектор сумел удачно спланировать помещение, в котором предусмотрены все потребности большой детской поликлиники.

— Около миллиона рублей стоило сооружение этого прекрасного медицинского учреждения, — рассказывает главный врач Т. А. Косолапова. — Оборудование первоклассное. Вот посмотрите: рентгеновский кабинет — наша гордость! Рентгеновская установка с ленинградского завода, последнее слово техники. А в зубоврачебном кабинете другая установка — специально для снимков полости рта.

Таисия Александровна показывает кабинеты и служебные помещения поликлиники.

Рядом с боксами-кабинами для инфекционных больных — дезкамера. Есть и отдельный выход — прямо на улицу. Строители все предусмотрели: около кабинета лечебной физкультуры душевая; кабинет физиотерапии соседствует с комнатой для подогревания парафина и лечебных грязей; в зале ожидания из мраморных раковин бьют фонтанчики питьевой воды.

Мы подходим к двери с голубой табличкой «Фотарий». Просторный, светлый зал. Здесь установлена огромная кварцевая лампа—фотарий. Двенадцать человек одновременно могут принимать процедуры.

— В подготовке замечательного подарка ребятам,— говорит тов. Косолапова,— деятельное участие принимали исполком Свердловского райсовета, райком партии и многие хозяйственные организации. Поликлиника будет обслуживать детей, которые живут или учатся в нашем районе. В ближайшие дни мы примем первых посетителей.

НОВОЕ ЗДАНИЕ ЦИРКА В КИЕВЕ

Буквально на глазах у киевлян в рекордно короткий срок выросло огромное здание. На углу улиц Красноармейской и Саксаганского построен новый цирк — намного больше, просторней и уютней старого, разрушенного фашистами во время войны. Диаметр зала — сорок три метра, высота — восемнадцать метров. Цирк вмещает две тысячи зрителей. Здание оснащено новейшим электрическим оборудованием.

Цирк сооружен по проекту киевского архитектора В. А. Жукова.

Фото К. Лишко

Народный хор города Луцка

Пять лет работает в Луцке народный хор, созданный Волынской областной филармонией.

За эти годы коллектив побывал в Киеве, Одессе, Бресте, городах Донбасса. На гастроли по районам Волынской области хор отправляется на грузовиках, останавливаясь для концертов в селах.

В репертуаре хора много песен современных украинских композиторов — А. Штогоренко, Г. Веревки и других. Задушевно звучит «Песня о Сталине» композитора К. Данкевича.

Интересны в исполнении хора народные украинские песни, записанные дирижером А. Самохваленко в селе Усичи, Волынской области: «Кукушка», «По лесу ходила я».

Выступления танцевальной группы Государственного Волынского народного хора.
Фото Г. Бугаенко

Чудесные украинские песни сменяет темпераментный лихой «Гопак». Танцоры исполняют «Украинскую танцевальную сюиту», пляски Закарпатья.

В первые дни организации хора в филармонию пришла крестьянка из села Любатов, Волынской области, Галина Шальганюк. Она хотела учиться петь. Сейчас Галина и ее подруга Ольга Бондарчук — солистки хора, выступающие с большим успехом.

Среди хористов люди разного возраста: 65-летний В. Лазовский — обладатель мощного баса, 18-летний Василий Ковлив— тенор — и другие.

Хору аккомпанирует оркестр народных инструментов. В его составе бывший столяр А. Чаевский, играющий на цимбалах, его дочь Аня — бандуристка, К. Могильчик, пришедший из сельской самодеятельности.

Народные инструменты для оркестра изготовлены киевским мастером В. Тузиченко.

Коллектив хора много работает над своим репертуаром и упорно учится.

ЛУЧШАЯ КОМАНДА ЮНЫХ ФУТБОЛИСТОВ

Недавно в Воронеже закончились Всесоюзные соревнования юных футболистов. Победу одержала юношеская команда Грузии, завоевавшая «Кубок СССР».

На снимке: победитель соревнования — футбольная команда Грузии; первый слева — капитан команды ученик 35-й школы Тбилиси Автандил Абесадзе.

Фото М. Квирикашвили

ГОНОЧНЫЙ ВЕЛОСИПЕД «РИГА-60»

Много требований предъявляет спортсмен-велосипедист к гоночной машине, но прежде всего она должна развивать высокую скорость и быть легкой.

До последнего времени у наших гоночных велосипедов были три скорости. Коллектив рижского завода «Саркана звайгзне» решил создать новую шоссейно-гоночную машину, которая имела бы шесть скоростей и была бы легче других велосипедов подобного типа.

Машина уже сконструирована. Завод изготовил первые опытные гоночные велосипеды — «Рига-60». На испытаниях они показали высокие качества.

АКАДЕМИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Столица нашей Родины обогащается еще одним учебным заведением. Заканчивается подготовка к открытию Академии угольной промышленности. Скоро первые сто ее слушателей съедутся в Москву со всех концов Союза: из Донбасса, Подмосковья, Сибири, Средней Азии, с Урала, Дальнего Востока, из Караганды.

Это люди большей частью немолодые. У многих головы уже посеребрены сединой. За плечами годы учебы в вузе и несколько лет практической работы на руководящих постах. Теперь они снова сядут за учебные столы, на этот раз в аудиториях академии, чтобы пополнить свои знания.

За послевоенные годы советская угольная промышленность поднялась на новую, более высокую ступень. Каждая крупная шахта ныне оснащена первоклассной техникой. Требования к руководителям комбинатов, трестов, шахт повысились, это должны быть люди с широким политическим и техническим кругозором. Такие кадры высшего командного состава и призвана готовить новая академия.

Окончившие Академию угольной промышленности на «отлично» и «хорошо» смогут после сдачи экзамена по одному иностранному языку защищать диссертацию на соискание ученой степени.

Г. НОВОСЕЛОВ

НА КРАЮ ЗЕМЛИ СОВЕТСКОЙ

На второй день воздушного пути в дымном, колеблющемся мареве пустынь зажелтели барханы, словно покрытые медной чешуей. В неясной и жаркой дали белыми стенами поднялись завьюженные вершины хребтов.

Край земли советской...

Бесконечны пирамиды обледенелых пиков Тянь-Шаня... Хаос ледников... Туманы в ущельях... Горная страна проплыла за окошками самолета. В прорези зубчатых вершин показалась солнечная долина. После горных обвалов, диких нагромождений камней взору открылась четкая геометрия хлопковых плантаций, арыков и дорог Ошской долины.

...История Оша теряется в веках. Стоял он караван-сараем и пограничной крепостью на «великом шелковом торговом пути» из Китая и Индии в Европу. Глиняные кибитки лепились по берегам Ак-буры, образуя кривые переулки и тупики. Через «Небесные горы» шли сюда караваны из Китая с бумагой, порохом, шелком и пряностями.

Под навесом базарных чайхан Оша сидели купцы и воины из Индии и Персии. Из прокопченных кузниц доносился стук молотов знаменитых ошских кузнецов. Железо Ванча и золото Памира искусные мастера превращали в оружие и утварь для ханских дворцов.

В темных переулках монотонно шумели ткацкие станки. По изломанным улочкам брели, вздымая пыль, шумные стада. Кипящую воду Ак-буры пили кони воинов потомка Тамерлана.

Со временем сухопутные дороги Средней Азии потеряли значение для мировой торговли, и купцы забыли далекий караван-сарай. Не цокали больше копыта на горных тропах. Опустел город и превратился в самый обычный, заштатный кишлак царской окраины.

Уделом города были сплошная неграмотность, массовые эпидемические заболевания, нищета, грязь...

* * *

Иные караваны движутся теперь по старому Ошу. С протяжным гулом идет колонна грузовиков. Водители машин, загоревшие на Памире,— русские, киргизы, узбеки — везут железо, кирпич, стекло, доски и товары на «Крышу мира». Гудит сирена такси «Победа». Машина останавливается около глинобитной хижины. Хлопают дверцы. Выходит семья киргизов. Проезжает «Москвич» с красным крестом на боковом стекле: врач спешит к больному.

Но вот впереди показывается висячий бетонный мост через клокочущую пену Ак-буры, а за ним — новый город.

От моста, где над бурлящей рекой возвышается легкое, ажурное, с белыми тонкими колоннами здание национального театра, улица круто поднимается в гору. За театром, вдоль реки, зеленеет городской парк культуры и отдыха. В парке отражает небесную синеву Комсомольское озеро. Напротив, за древними крепостными стенами, находится краеведческий музей. Широкие, недавно сложенные ступени ведут к его стрельчатому входу и благоухающему мичуринскому саду.

Машина пересекает по Коммунистической улице новый город. В облике советского, заново созданного Оша чувствуются циркуль и теодолит инженера, отвес каменщика, чертеж архитектора. Вдоль улицы расположились здания прекрасных школ, государственных учреждений, техникума, магазинов, различных предприятий. Могучие серебристые тополи, выстроившиося вдоль уличных арыков, плотно сплели свои густые кроны, и вся Коммунистическая улица представляется большим зеленым тоннелем. Внутри этого тоннеля движутся пешеходы, такси, бредут ишаки и верблюды.

В 1927 году к Ошу подвели железную дорогу. Потом за рекой воздвигли высокую арку с надписью «Памирский тракт». Через ранее недосягаемые хребты потянулась отсюда дорога на «Крышу мира». Из шумной, беснующейся реки стали черпать воду для радиаторов грузовиков. Вскоре над Ошем загудели моторы пассажирских самолетов. Забытый грязный кишлак стал красивым советским городом — воротами на Памир, промышленным и культурным центром южной Киргизии.

За рекой, на холмах, в густой зелени белеют корпуса шелкоткацкого комбината имени ВЛКСМ. Стеклянные кровли цехов, паутина электрических проводов, асфальтированные дорожки в тенистых аллеях, журчащие арыки, мрамор скульптур, пестрота клумб... Зелени и цветов на территории комбината так много, что кажется, весь он — сад.

— Сравнительно недавно на этом месте был старинный От-базар, то есть Конный базар,— рассказывает Джалал Абдурахманов, председатель фабричного комитета профсоюза. — Вот тут гоняли по кругу коней, вот здесь стояла чайхана...

Снежной лавиной движутся со складов миллионы шелковичных коконов. Они попадут в «запарочные котелки», пройдут долгий путь из цеха в цех. Сотни молодых и старых рабочих — киргизы, русские, уйгуры, таджики, дунгане, туркмены, казахи — будут крутить их, отжимать, расщипывать, отпаривать мылом и содой, и нити превратятся в яркие, цветастые шелка.

В ткацком, как и в любом другом цехе комбината или иного предприятия Оша, можно видеть дружно работающих людей разных национальностей и возрастов. Русская девушка с далекой Волги, комсомолка Лида Смирнова, получившая в Костроме высшее образование, вместе с помощником мастера узбеком Алинджаном Гулямовым хронометрирует работу ткачих-киргизок Марпат Калмуратовой и Таси Кизимовой. В коконо-мотальном цехе бригадир Мирза Худайназаров слушает советы прославленной стахановки комбината Марии Бородиной. В цехе, где отваривают и промывают суровье, вместе трудятся узбек и киргиз — комсомольцы-отварщики Садыков и Алиев.

Куда ни пойдешь в Оше — в сельскохозяйственный техникум или в гаражи управления Памирского тракта, в педагогический институт или на железную дорогу, на мельничный комбинат или в национальный театр,— всюду встретишь тех, кто годами держал в своих руках не реторту, а посох чабана, не кисть художника, а повод лошади, не руль автомобиля, а ножницы для стрижки овец.

Ошская газета сообщает в городской хронике о событиях, которые могут вызвать глубочайшее удивление в Индии, Афганистане и Иране. В Оше двадцать различных учебных заведений, десять библиотек, шесть кинотеатров, музей, научно-исследовательские лаборатории. Из той же газетной хроники можно узнать, что, кроме двух парков культуры и отдыха, на берегах Ак-буры разбит сад пионеров, построен стадион и создана на Комсомольском озере водная станция. В прошлом году горожане приобрели в двух книжных магазинах, ларьках и книжных киосках почти на миллион рублей всевозможной литературы. Профессора, инженеры, знатные стахановцы, партийные и комсомольские работники прочитали в цехах и в лекционных залах пяти клубов две тысячи лекций.

Скупая хроника дает представление, как богата духовная жизнь советского Оша, как велики перемены в далеком городе. Ничего подобного нет ни в Кабуле — столице соседнего Афганистана,— ни в городах Индии или Ирана, где нищета, голод и неграмотность — удел народа. Во всем Афганистане нет такого количества библиотек, школ, медицинских учреждений, врачей, агрономов, инженеров, артистов и научных работников, каким располагает один только советский Ош.

...С утра звенят песни над городом. По зеленому тоннелю — по Коммунистической улице — в воскресное утро движутся тысячи людей. С заступами и кирками идут они в ту сторону города, где еще стоят глинобитные хижины с плоскими крышами, жаровнями на полу вместо печей, с глухими дувалами на улицах. Геодезисты уже ставят треноги и полосатые рейки. Они отмечают на планах контуры будущих просторных улиц и площадей. Мимо них идут на воскресник тракторы, каналокопатели, автомобили и экскаваторы.

Архитектор смотрит на старый город, и перед его мысленным взором на месте убогих кибиток возникают новые каменные дома, видит он широкие, залитые солнечным светом асфальтированные площади и аллеи, видит ажурные мосты над рекой, курчавую зелень новых садов и парков.

У древнего восточного города будущее солнечно и прекрасно.

Е. КАРПАЧЕВ.

Ош, Киргизская ССР.

Учительский институт в Оше.

Фото Н. Науменкова (ТАСС)

В БОРЬБЕ ЗА МИР

(Письмо из Франции)

Доминика ДЕЗАНТИ

Стокгольмское Воззвание всерьез становится поперек дороги тем, кто проводит проамериканскую политику во Франции. Недавно орган «великосветского» фашизма — газета «Фигаро» выдвинула идею: пусть «Европейская федерация», которая занимается пропагандой Атлантического пакта, выпустит некое «контрвоззвание». Как известно, «Европейская федерация» — прямая наследница «Комитета новой Европы», учрежденного гитлеровцами. Говорят, что в недрах этой самой «Федерации» уже редактируют «манифест», который будет торжественно предложено подписывать всем желающим. О содержании «манифеста» пока не слыхать ни слова. Один из борцов за мир сказал: «Должно быть, они потребуют немедленно пустить в ход атомную бомбу в Корее».

Интервенция американцев в Корее расширила круг деятельности сборщиков подписей, которые от двери к двери разносят Стокгольмское Воззвание. Мелкие буржуа, лавочники, долгие годы отравляемые буржуазными газетами, начинают колебаться. Они начинают ставить под сомнение «миролюбие» американцев и всемогущество Соединенных Штатов.

В ПРЕДМЕСТЬЕ ПАРИЖА

Недавно два сборщика подписей: один — коммунист и другой — прогрессивный католик — отправились, чтобы предложить подписать Воззвание лавочникам одной из улиц парижского предместья. Они уже обходили эту улицу в мае и, надо сказать, без больших результатов. На этот раз пятьдесят пять коммерсантов из шестидесяти пяти дали свои подписи, а ведь все они читают проамериканские и антисоветские газеты...

Разговор сборщиков с булочником был не лишен занимательности. Булочник оказался ярым любителем спорта и на все случаи жизни смотрел со спортивной точки зрения.

— Теперь я ясно вижу все! — сказал он.— У американцев в драке явно невысокий класс. Поэтому они предпочитают делать войну чужими руками. Но так как сегодня и во Франции и в других странах мало людей, которые сгорали бы от желания драться, то янки ставят ставку на атомную бомбу. Посудите сами: на каждую винтовку нужен один человек, на пулемет — четыре, на пушку иногда требуется двенадцать, а для атомной бомбы достаточно одного экипажа самолета, и можно уничтожить все подряд: живых людей, постройки и даже землю, которая, говорят, становится бесплодной. Нет, американцы явно плутуют. Они хотят делать свою игру на нашей шкуре. Это не по правилам, и я выхожу из игры!

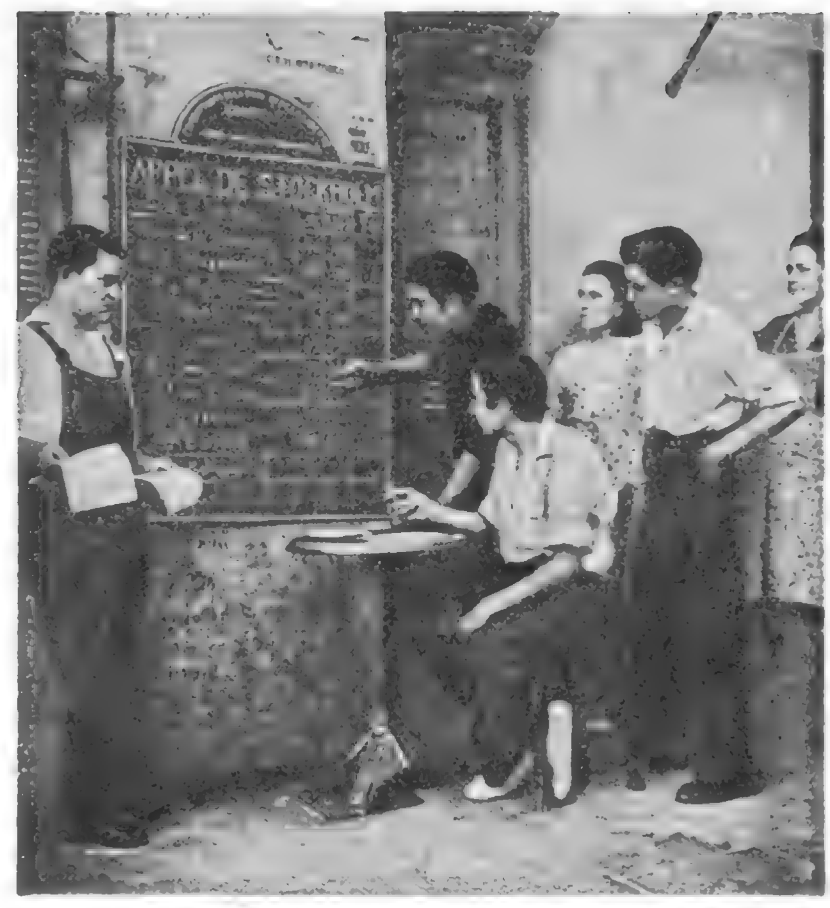
С этими словами он подписал Воззвание.

Что касается владельца аптеки, весьма гордого своим университетским дипломом, то беседа с ним с первого же слова поднялась на самые высокие вершины философии.

— Я, господа, рассуждаю, как последователь Декарта,— заявил фармацевт.

Это были обычные рассуждения интеллигентов из мелкой буржуазии, которые охотно перетаскивают Декарта из его эпохи в нашу. Но вместо того, чтобы использовать его метод для разоблачения уродств капиталистического общества, они охотно пользуются Декартом, чтобы оправдывать буржуазные предрассудки, эгоистический индивидуализм, любовь к бесплодной критике. Мелкий буржуа чувствует себя в наши дни неважно, но он колеблется, когда надо прямо указать, кто в этом виновен.

— Господа,— говорил аптекарь,— в моей газете я все время наталкиваюсь на вопиющие противоречия. С одной стороны, я читаю. что Ли Сын Ман задавил Южную Корею жесточайшим террором и поэтому был крайне ненавистен народу. Отсюда я заключил, что корейцы были им недовольны и хотели его свергнуть. Газета сообщает мне также, что Ли Сын Мана привели к власти американцы, и поэтому естественно, что они были против его свержения и боролись за распространение его власти на всю Корею. С другой стороны, в той же самой газете утверждается, что северные корейцы напали на южных корейцев. При этом я знаю, что в Северной Корее была проведена аграрная реформа и улучшены условия труда рабочих. Почему же, спрашиваю я, северные корейцы, которые получили землю и лучшие условия работы на предприятиях, вдруг решили начать войну против своих соотечественников? Это нелогично. Рассуждая, как последователь Декарта... Впрочем, извините,— спохватился аптекарь,— вы, кажется, что-то говорили мне об атомной бомбе?..

В Марселе, как и многих других городах Франции, кампания по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием приняла широкий размах. Различные кварталы города соревнуются между собой. Больше всего подписей собрано в заводском районе Марселя — Кабюсселе. В этом районе установлена доска, которую вы видите на снимке. Слева — на доске названия улиц и бульваров. Справа — цифры собранных подписей.

Фото из журнала «Регар».

Двое молодых людей, у которых здравый смысл заменял университетский диплом, выставленный на витрине магазина, решили не состязаться с аптекарем в искусстве философствования по Декарту. Они просто повторили аргументы, которые только что привел булочник. Не прошло и двух минут, как последователь Декарта подписал Воззвание.

Торговец радиотоварами поставил свою подпись без всяких рассуждений:

— Американцы? Да, я их знаю. Они пролезают повсюду. Французские радиотовары не находят больше сбыта. Им, американцам, нужны все новые и новые рынки. Чтобы не потерять эти рынки, они и устраивают войну...

Некоторые из коммерсантов подписывали Воззвание потому, что «американцев, оказывается, бьют». Один меховщик оставался довольно долго в задумчивости: он, видите ли, хочет, чтобы были запрещены все виды оружия и все войны; почему же сторонники мира склонны поддерживать вьетнамцев и корейцев, которые воюют?

Молодой коммунист говорит:

— Мосье, вы помните время, когда гитлеровцы оккупировали Францию? Вы ведь, надеюсь, считали справедливым, когда французы дрались против них, не правда ли? (Меховщик охотно кивает головой в знак подтверждения.) Так вот, у вьетнамцев тоже оккупанты на их земле, и они не желают этого терпеть; корейцы хотят быть свободными, а им в этом мешают. Разве это не справедливо, что они защищают свою свободу?

Дело кончается тем, что меховщик берет в руки перо и широко расчеркивается на листе подписей...

В ШАХТАХ

Среди горняков работа сборщика подписей под Стокгольмским Воззванием протекает легко. И это вопреки усилиям правых социалистов, которые все еще пытаются убедить рабочих, что Соединенные Штаты «желают мира».

У меня есть один товарищ в Фенене, шахтерском городе в департаменте Севера. Он уполномоченный профсоюза горняков. Все до одного рабочие его шахты подписали Воззвание, подписал его и инженер. После этого мой знакомый стал приглашать подписывать Воззвание жителей своей короны.

Короны — это маленькие поселки, где живут шахтеры; обычно они состоят из совершенно одинаковых улиц со старыми домишками по бокам, крайне неблагоустроенными и всегда окруженными массой играющих ребятишек. Семьи шахтеров — самые многолюдные во Франции, хотя детская смертность в горняцких департаментах тоже самая высокая. И вот мой товарищ Деннетьер добился того, что из 5300 жителей короны 5250 подписали Воззвание.

— Я дал себе слово,— сказал он,— два часа ежедневно ходить от двери к двери, как бы я ни устал после работы.

И он выполнил свое обещание.

В Дуэ коллективы многих шахт подписали Воззвание единогласно.

Я видела подписи шахтеров, членов социалистической партии. Они присоединились к Воззванию после разговора со своими товарищами-коммунистами, которые развивали перед ними свои доводы во время работы, в забое. В грохоте отбойных молотков люди быстро схватывали смысл дела: атомная бомба — это преступное орудие агрессии, и запрещение ее может уменьшить опасность войны!

ПО ФРАНЦУЗСКИМ ДЕРЕВНЯМ

Недалеко от Парижа, всего в каких-нибудь тридцати пяти километрах, есть деревни, где ни один человек еще не предлагал крестьянам подписать Воззвание.

Однажды группа парижских борцов за мир отправилась туда в автобусе. Среди них была одна буржуазная дама, убежденная католичка, с двумя дочерьми, членами организации католической молодежи. Были в числе ехавших и рабочие-металлисты с завода, на котором все до одного, вплоть до самого хозяина, подписали Стокгольмское Воззвание,—это был маленький заводик, и хозяин сильно страдал от конкуренции американских трестов. Ехали в автобусе и домашние хозяйки, оставившие дома детей под присмотром соседок.

В деревне почти все крестьяне начинали с того, что они «никогда не занимались политикой». Кое-кто из них утверждал, что «подписать Стокгольмское Воззвание—это все равно,

В ЖИТНИЦЕ БОЛГАРИИ

Боян БОЛГАР

Когда за вами останется белый полукруг залива Балчик и вы перестанете видеть воздушные арабески горных ласточек, что свили гнезда на отвесных известковых скалах над городом, вы подниметесь на возвышенность, на ту великую хлебородную равнину, которая есть житница Болгарии. Синева моря и сизый отлив балчикского амфитеатра, который румыны называют «серебряным берегом», уступили место цветам спелых хлебов.

Минуя хлебные нивы, дорога приводит меня к конезаводу «Стефан Караджа». Повсюду в нашей стране кругозор, как бы он ни был обширен, заканчивается изгибом гор, на возвышении которых взгляд находит опору. Здесь, в Добрудже, равнина граничит с небом.

Здания большого государственного хозяйства возникают в конце пути, как островки в желтом море хлебных нив. Полдень. Рабочие и бригадиры, что пришли из Балчика помочь теребить лен, отдыхают в обеденный перерыв. Подхожу и приглашаю послушать рассказ о творчестве народного поэта Ивана Вазова по случаю столетия со дня его рождения. В выцветшей от солнца рабочей одежде, с загорелыми лицами и мускулистыми руками отдыхающие рабочие рассаживаются на скамейках и на траве и смотрят на меня любознательными и пристальными глазами. Ветер треплет листки моих заметок, принуждая меня придерживать их, и в тишине добруджанского полдня, когда вся равнина затаилась в трепетных отблесках марева, мы беседуем о жизни поэта, о его творениях, о будущем счастье нашей социалистической родины, таком, какое, кажется мне, мило было бы Вазову, о каком он мечтал для народа.

Собрание происходит на дворе, который образуется между зданиями столовой, детского дома и управления хозяйства. В широком кругу разбросаны старые и новые постройки — свинарники, скотные дворы, дома для одиноких и семейных рабочих, сараи для тракторов и комбайнов, крытый девяностометровый колодец, общежития трактористов и комбайнеров.

Целый маленький мир обосновался тут, как на широкой ладони, среди уединенной равнины.

Много есть в здешнем хозяйстве поистине мичуринского. Лошади, коровы, овцы, свиньи, куры, рожь, овес, пшеница, подсолнухи, горох, люцерна, лен — все это доведено до чистоты породы и высокого уровня развития.

Начать хотя бы с лошадей. Нониусы, арденны, арабские полукровки, англо-арабы — целая рапсодия! Они распределяются по другим земледельческим станциям равнины для улучшения местных конских пород. В Добрудже с помощью опытной станции постепенно выведен конь породы нониус — сильное животное, с широким копытом и спокойным нравом, силач, подлинный живой трактор.

Местная порода серого рогатого скота улучшается скрещиванием с симментальской.

Овцы в полдневном зное, тесно сбившись, прячут головы друг другу под животы. Здесь были скрещены две породы с разных концов света: тонкорунный меринос, дающий тончайшую шерсть, со степным каракулем, породой, прославленной посмертной славой, ибо на одно каракулевое пальто идет двадцать шкур мертвых, недоношенных барашков.

Хрюканье свиней слышно от границ усадьбы хозяйства. Какие тут маститые воспитанники! Тут можно заметить белую украинскую свинью с курносым «пятачком», которая при питании концентрированным кормом дает большой прирост. Есть здесь одна рекордистка, которая два месяца тому назад принесла двадцать два маленьких розовых оптимиста.

Картина приобретает глубоко поэтичные краски, когда мы выходим в поле и видим результаты работ семеноводческого хозяйства. Сортовая пшеница подходящего для Добруджи сорта № 14, овес № 5, подсолнух № 75, за выведение которых руководитель Толбухинской опытной станции товарищ Георгиев получил Димитровскую премию, все это отборное — зерно к зерну, класс к классу.

Перед нашими глазами переливается, колышется золото. Двадцать шесть тысяч декаров хозяйства, из них пять тысяч декаров посева сортовой пшеницы — все это не окинешь взглядом. Минуем краем сжатый участок. Нагибаемся, растираем на ладони зрелый колос. Наливные зерна чудесной восковой спелости, из которых будет выпечен вкусный хлеб. Зерна подернуты пленкой того загара, какой получает на солнце земледелец, возделывая нивы и взращивая хлебные злаки.

Садимся на жатку, влекомую двумя сильными арденнскими конями. Один рабочий собирает упавшие колосья. Всадник промелькнул мимо и скрылся вдали, чтобы передать поручения работающим на краю поля жнецам. Вот бочонок с водой на двуколке, из которого льнотеребильщики утоляют жажду. Мы направляемся туда. Хотим повидать бригадира Назифа, который успевает натеребить льна за день свыше трех установленных норм.

Назиф и его бригадники — цыганы из Балчика. Считалось, что цыганы неспособны к оседлой жизни. На протяжении всей истории европейской цивилизации цыганы жили бытом, не согласующимся с нормами и законами общественной жизни. Организованный, закономерный труд никогда не соблазнял цыган. Они предпочитали ему ни ни к чему не обязывающее бродяжничество вечных кочевников.

Какое живое опровержение всех этих представлений воплощает в себе Назиф! Он организовал бригаду из старых и молодых женщин и мужчин, назвал свою бригаду «Сталин» и показал, что носить такое имя имеет право только тот, кто во всем идет впереди. Дневная норма тереблења льна — двести пятьдесят квадратных метров, при заработке в триста сорок левов в день. Бригадники Назифа успевают вытеребить в день по одному декару. И качество их работы высоко — никакие сорняки не попадаются в пучках вытеребленного ими льна. Высоким качеством и темпом своей работы бригадники завоевали первенство. Знак их победы — красное знамя — победно реет над участком поля, где работает бригада Назифа. И сверх этого люди в бригаде Назифа зарабатывают в день по тысяче триста левов на человека. У них свое расписание работ. Чтобы зной не мешал работать, они отдыхают после обеда и теребят лен в ночной прохладе, при луне. Чтобы не тратить время на хождение в Балчик и обратно, они поставили шалаши поблизости к месту работы, а детей вместе с детьми других работников отдали под присмотр в детский сад.

Не так легко было это организовать. Директор сказал, что ребятишки их в детском саду будут целы и содержать их там будут бесплатно.

— Как же это вы их будете бесплатно содержать? — с первобытной откровенностью заявили родители. — Беспокоимся мы, что раз бесплатно, то уморите вы наших ребят. — И приняли они это нововведение только тогда, когда воочию убедились, что детей их кормят пищей из тех же кастрюль, из которых кормят ребят других рабочих.

Драматические обстоятельства перехода этого особого племени к иным, усовершенствованным формам жизни есть нечто сильно волнующее. Переходу этому сопутствуют приливы и отливы общественного сознания этих кочевников, которым приходится преодолевать вековые, закостенелые навыки. Только при новом, социалистическом строе жизни, в котором нет богачей-эксплуататоров, цыганы получили возможность осознать свое равенство с другими людьми. Глубокая вспашка, при которой плуг истории касается бытия всех слоев нации, ведет к преобразованию жизни и цыганского населения.

Бригада Назифа приняла имя Сталина и высоко держит знамя первенства. Какой богатый материал для размышления! Я пожал руку этого парня с волнением, какое редко испытывал.

Хочется прожить еще десятилетие, чтобы пройти его об руку с Назифом по новому пути.

Перевод с болгарского

что голосовать за коммунистов». Почему? Этого они точно не знали, но вот газеты и радио говорят, что это так...

Надо было шаг за шагом разрушать эту устоявшуюся ложь. Мы разъясняли, что Советский Союз, владеющий «атомным секретом», собирается использовать атомную энергию для мирных целей. Мы говорили о том, что в Советском Союзе атомная энергия будет применена для орошения пустынь. Мы рассказывали крестьянам, что, располагая атомным оружием, Советский Союз в то же время борется против использования атомной бомбы, которая грозит смертью миллионам мирных жителей.

Мало-помалу непонимание между нами и слушателями рассеивалось. Выяснилось, что все жители деревни не хотят повторения ужасов войны. Многие заявили, что у них остались отнюдь не хорошие воспоминания об американской армии, которая здесь побывала. В конце концов оказалось, что ехавшая с нами католичка и ее двое дочерей собрали наибольшее количество подписей среди крестьян.

Католичка говорила крестьянам о французских епископах и священниках, которые подписали Воззвание. Потом она отправилась с визитом к деревенскому кюре. Вначале он выглядел очень испуганным и стал говорить о Ватикане, о том, что папа отлучает от церкви коммунистов. Трое верующих женщин в ответ завели разговор о ценности человеческой жизни. Но кюре так и не подписал Воззвания. Это был человек с претензиями: он рассчитывал получить приход в Париже и боялся недовольства своего церковного начальства. Но и он вздохнул, сказав: «Ах, мадам, если бы я был свободен, я думаю, что подписал бы». Католичка воскликнула в ответ:

— Господин кюре, мне казалось, что представители бога на земле — это как раз самые свободные из людей!

На обратном пути она была очень грустна.

— Как хорошо,— сказала она мне,— что у меня есть вера, иначе встречи со священниками вызвали бы у меня отвращение к церкви.

ИСТОРИЯ РАЙМОНДЫ ДЬЕН

Повсюду — в Париже, Кале, в шахтерских поселках, в деревнях — мы рассказывали эту историю, которая вызывала слезы на глазах женщин.

Раймонда Дьен — маленькая двадцатилетняя машинистка, дочь рабочего и прачки и жена рабочего. Она легла на рельсы перед железнодорожным составом, который вез оружие для войны во Вьетнаме. Военный трибунал в Бордо присудил ее к году тюрьмы. Сидя в тюрьме, Раймонда Дьен получает каждый день открытки и письма от незнакомых людей. Мужчины, женщины, молодые девушки выражают ей свое восхищение, свою солидарность. Слава этой женщины, еще вчера никому не известной, распространилась по всей стране. Старый друг ее отца, который пришел на суд и увидел, как она держалась на скамье подсудимых, сказал с волнением:

— И кто мог бы подумать, что она сидела у меня на коленях, что я кормил ее с ложки! И вот теперь она стала героиней...

История Раймонды Дьен очень часто убеждает колеблющихся подписать Стокгольмский призыв к миру.

«НАДО БОРОТЬСЯ ПРОТИВ СУМАСШЕСТВИЯ»

Недавно мне пришлось пережить любопытный случай. Один адвокат, которому я предложила подписать Стокгольмское Воззвание, отказался сделать это, но вдруг явился сам и позвонил у моей двери. В руках у него была газета «Монд», официальный орган министерства иностранных дел. Он показал мне статью Антони Идена, бывшего британского министра, правой руки Черчилля в консервативной партии.

В этой статье, на редкость путаной, Иден призывал к крестовому походу против коммунизма. Мой гость прочел мне следующую фразу: «В Китае правительство Чан Кай-ши окончательно дискредитировано, и Лондон признал правительство коммунистов. В то же время Соединенные Штаты взяли на себя задачу защищать Формозу против агрессии. Создалась запутанная ситуация». Мой гость пожал плечами и продолжал читать: «В странах, где царит нищета и экономическая отсталость, почва чрезвычайно благоприятна для развития коммунизма...»

— Послушайте,— сказал мне адвокат,— я не являюсь другом коммунистов. Но чтобы один из самых выдающихся деятелей западного мира мог писать такие абсолютно бессвязные статьи, говорить такие непоследовательные вещи,— простите, это меня выводит из себя... Он, изволите видеть, начинает с того, что на Дальнем Востоке происходит «проба сил между коммунизмом и свободным миром». После этого он признает, что этот «свободный мир» построен на нищете. Ну, знаете, я не желаю верить сумасшедшим! Я чувствую себя ближе к ним, чем к вам, но я все-таки подпишу Воззвание, потому что надо же в конце концов протестовать против сумасшествия... Как-никак, а мы все-таки потомки Декарта...

Так еще один раз Декарт послужил здравому смыслу. Но дело, конечно, не в Декарте. Франция начинает понимать, что борьба за мир — это дело каждого из нас, что это единственный путь предотвратить безумие войны, которую готовят империалисты.

Перевел Л. Ветров

Савриниса Алиматова, член правления колхоза имени Сталина, Ленинабадского района, Таджикской ССР.

Фото Б. Кудоярова

В ботаническом саду Академии наук Украинской ССР в Киеве. На верхнем снимке: действительный член Академии наук УССР Николай Николаевич Гришко и научный сотрудник Светлана Приходько осматривают чайно-гибридные розы. Внизу: розарий.

Фото Н. Козловского

Пионы.

Тюльпаны

Гладиолус

Гвоздики

Фото
И. Шагина

ЙОТО

Рассказ

Крум ГРИГОРОВ

Рисунок О. Верейского

ВОТ уже три дня, как слышен треск молотилки на краю села. Над ее мотором поднимается кудрявая струйка дыма и тут же тает в июльском знойном мареве.

По дорогам медленно, со скрипом двигаются нагруженные снопами подводы. Каждый день и каждый час подъезжают они к полю по ту сторону сельской чешмы [1], где собирался скот на водопой, там складывают снопы в огромные скирды.

На сельском сходе было решено: молотить в этом году на общем току, чтобы не засорять все село соломой и пылью, а главное, чтобы лучше обеспечить народ хлебом.

Йото Китанов перевез свои снопы в два дня. Он был человек с пониманием, трудился любовно. Туго перевязав снопы, он ловко складывал их в аккуратные скирды-пирамиды. Теперь дождь может лить да лить, а зерно останется целым и сухим... Хоть год не обмолачивай, а засунешь руку в сноп,— всегда вытащишь колосья с сухими зернами.

Йото был из тех хозяев, которые говаривали: «Зерно не твое, пока не увидишь его в своих амбарах... Всякое бывает: может, солнце сильно припечет — все спалит, может, нежданно-негаданно гроза с градом ударит — все зерно у верхних снопов собьет... Каждое на ветер пущенное зернышко считай потерянным...»

Несмотря на то, что сельский сторож день и ночь охранял хлеб, Йото, как только освобождался от работы, отправлялся к скирдам. Осматривал их он со всех сторон, заглядывал то с этой, то с другой, брал на ладонь колосок, растирал его, сдувал осторожно колючие усики и считал, считал зерна... Набил Йото глаз — по колосу прикидывал, сколько пшеницы получит в этом году... И все же в душе оставалось сомнение. «Кто его знает,— беспокоился Йото,— обманчивое дело — колосья. Один разотрешь, другой разотрешь — будто полныполнехоньки, а как обмолотишь все, так могут и подвести...»

Да, Йото был склонен уменьшать при подсчете: не любил он преувеличивать свой урожай. Испытывая суеверный страх, никогда не похвастается, как другие... Зря на ветер слово не бросит.

Однако в эти дни Йото больше всего занимал вопрос о государственных поставках.

На квартальном сходе уполномоченный Пеко разъяснил, с кого сколько причитается государству, а в сельсовете Йото уже получил и квитанцию.

Часто заглядывал он в нее; прочтет, на цифру «пятьсот» внимательно поглядит да тут же в уме и прикинет: сколько у него снопов, сколько в среднем с каждого обмолотит зерна,— и опять квитанцию под подушку...

Думает Йото: с тридцати декаров [2] снял он пшеницу, и не плохая она, но... что в жизни не случается... В прошлом году засуха все спалила, так что и семян у народа не было.

Поползли тогда всякие слухи, что село голод покосит, что поля запустеют... Но ничего такого не случилось: государство всех прокормило да к осени и семена всем выдало. Не мог Йото этого не помнить. Только вот его дальний сосед Венко все время брюзжит: «Не надо мне ни их хлеба, ни семян ихних. Оставили бы меня в покое. Как хочу и как знаю, так и живу!»

А ведь Венко всегда был крестьянином зажиточным. Где там с ним тягаться! У него и деньги и скот... В закромах, наверное, зерно с позапрошлого года припрятано...

И как только Йото вспоминал, что̀ бывало раньше в засушливые годы, чувствовал он, что другая у них теперь власть, другое государство...

Пятнадцать лет тому назад град побил его нивы — не собрал он ни зерна. Как упрашивал он тогда Венко, сколько денег в карман кулака перешло. И платил ему Йото втридорога, а тот все недовольным был и ворчал: «Деньги — деньгами, а услуге цены нет, ее деньгами не оплатишь. Поработай у меня, подсоби... и на молотьбе и на вспашке... Да, да, Йото, запрягай своих волов, хотя бы двадцать декаров мне вспаши... Посоветуйся, поговори с женой да за недельку—другую помогите мне жатву закончить...»

Сколько мук, сколько труда вынес тогда Йото. Его нива сгорела, осыпалось зерно, а он все старые долги отрабатывал.

Но все это ушло в далекое прошлое... Вот пришло время, и кулак Венко никому не нужен. А он то и дело раскланивается, останавливается, встречая Йото, да выспрашивает о государственных поставках:

— Сколько, ты говоришь, тебе определили? Хм... пятьсот килограммов, говоришь... Так, значит! Немного с тебя берут... С меня пять тысяч требуют, а ведь, правда, и пятьсот-то много... Голода жди, Йото, так я думаю. Ты разве не слышал, что война будет? Война, знаешь, всегда с голодом приходит. Вот не будет у тебя в амбаре пшеницы— иди ищи ее по муравейникам! — Поглаживает Венко усы, исподлобья поглядывает и добавляет: — Знай самое главное: обмолоти свою пшеницу, убери ее в закрома — да и шапку набекрень... Жди тогда спокойно до следующей осени.

[1] Чешма — ключ или источник, выведенный в каменную или деревянную трубу, из которой вода непрерывно течет в корыто.

[2] Декар — десять аров.

Йото, встречая этого мироеда, всегда испытывал какое-то особенное, непонятное ему чувство: и ненавидел и боялся его одновременно.

Квартальный уполномоченный коммунист Пеко часто бывал у Йото. Входил он запросто во двор, и они подолгу разговаривали, сидя под тенистой яблоней.

Откидывая чуб со лба, Пеко начинал разговор:

— Мы так думаем, бай [3] Йото. Чтобы нам лучше бороться за мир, должны мы быть сильными и едиными. А когда в государственных закромах достаточно хлеба припасено, тогда и рабочие крепче работают и бойцы наши спокойнее. Ведь и твой Пенчо, кажется, в солдатах?.. Сдашь ты государству свою долю,— значит, и твой сын будет обеспечен хлебом.

Покуривал Йото свою цыгарку, и дым струйками тянулся над амбаром и исчезал где-то между старыми вербами в конце двора... И вспоминал Йото в эти минуты, как он голодал в солдатах в первую мировую войну, и с умилением думал о сыне...

«Верно! Правду говоришь, Пеко... Я так... Приложу все силы, а перед государством в долгу не останусь. Ведь оно нас семенами выручило... Где бы мы их взяли?..»

Стоило только Пеко уйти, и новые мысли начинали преследовать Йото. Куда бы он ни шел, все этот Венко попадался ему на пути. Пойдет ли Йото стерню рыхлить у Равна-шума [4], а Венко тут как тут, пришел, мол, проведать, как земля, достаточно ли влаги, может, и самому тоже время рыхлить.

Повертится, посуетится, бросит на ходу слово, что муху надоедливую, да и пойдет домой за плугом, за волами... обратно не вернется...

Идет Йото по полю, кончит одну борозду, другую начнет, третью и остановится, чтобы скотина отдышалась, а мысли у него все те же, все думает: «Пятьсот килограммов государству зерна дать надо... Как хорошо мирно трудиться! Какой черт этих англо-американцев на войну подбивает?! Ненасытные они, как и Венко: хочется им все блага земные в свои руки забрать... Да вот и Йото им привет пошлет, у него сын пограничник. И разве допустит Йото, чтобы его Пенчо был не сыт?»

Перед молотьбой Йото получил письмо. Это было настоящее собы-

[3] Бай (обращение) — дядя, старший брат.

[4] Равна-шума — название местности.

тие в семье. И Йото и его жена не привыкли писать письма, да и получать их было неоткуда. Только с тех пор, как их Пенчо в армию ушел, сельский почтальон начал останавливаться перед их калиткой и, улыбаясь, говорил:

— Наверное, ваш новобранец пишет!

И вот письмо, которое Йото ждал с большим нетерпением. Схватил он голубой конверт — и как будто солнечный луч заглянул в его душу. Почтальон пошел дальше, к соседям, а Йото, надев свои запыленные очки, собрал всю семью: жену, двоих меньших детишек.

Начал Йото, как первоклассник, по складам читать.

«Милые мои родители, мать и отец, Пенка и Ванчо, — так начиналось письмо. — Как живете дома, собрали ли хлеб, обмолотили ли, сдали ли уже государственные поставки?»

— Милый, чадо мое, — прослезилась от радости Йотовица и смахнула кончиком платка слезу. — Ишь ты, обо всем подумал, прежде всего о матери вспомнил...

— Будет, что ты ребенок, что ли? — прервал чтение Йото. — Жив он и здоров, чего плакать? Мужчина он, не дитя... — И продолжал читать, запинаясь.

Пенчо писал в письме, как он вместе со своей бригадой помогал крестьянам ближнего села в поле жать, как радушно встретили их хозяева. Женщина очень напоминала ему мать, а хозяин был похож на отца.

— Слыхали, что он тут пишет? — заулыбался Йото. — Точь-в-точь как у нас на селе... Разве один из тех троих солдат, что нам хлеб собирать помогали, не был похож на нашего Пенчо? А, мать, помнишь того, чернявого, что других помоложе? Хорошо, хорошо сделал Пенчо: людям в деле подсобил. Да благословят его так же, как и мы тех троих парней благословили.

Читает Йото дальше. Сын опять напоминает родителям, чтобы они не опоздали хлеб сдать государству. Ведь государство свое, родное, помогать ему чадо, укреплять его и оберегать, как зеницу ока. И о мире не забыл написать сын, и спрашивал он отца, как у них на селе, вошел ли отец в комитет, что сделал для мира.

— Видишь, какой он у нас, Йото. Обо всем беспокоится... Скорее бы сдать зерно государству, обрадовать бы наше чадо. Пусть спокойно служит, — сказала Йотовица и выхватила письмо из рук мужа. Очень хотелось и ей поглядеть на то место среди дорогих строчек, где дитя о ней вспоминало.

— Засучи рукава, мать, да скорее баницу[1] готовь, — сказал Йото жене. — Посылку пошлем. Может, я к вечеру на станцию соберусь...

— На станцию? — удивилась Йотовица. — Какая же тут станция, когда молотить собрались?

— Об этом я и толкую, — отвечал Йото, пригладив свои усы. — Как только обмолотим, так и погрузим подводу, положим на мешки посылочку — да на станцию. И хлеб на ссыпной пункт сдам и гостинцы с письмом отправлю... Обрадуем нашего Пенчо, мать. Ты не стой, поторапливайся с баницей-то. Молотить мне соседи помогут, как и мы им помогли...

Когда последний сноп исчез в пасти молотилки, Йото погрузил на подводу мешки с зерном, туда же бросил и белый полотняный мешочек с гостинцами, заткнул за свой широкий пояс письмо и отправился в путь.

Дневной зной давно спал. Высоко на небе медленно плыла луна, покрывая серебряной чешуей побелевшую от пыли дорогу.

И впереди и тут же рядом, за подводой Йото, стучали и поскрипывали арбы и двуколки, державшие путь к станции — к государственным амбарам. Гомон, говор и шум стояли кругом.

Окликали порой и Йото, а он, притаившись, растянулся на мешках; только и поблескивал в ночной тьме огонек его цыгарки... Изредка подавал он голос и вновь утихал... Сердце его было наполнено радостью: скоро сын получит письмо из дома. Сам Йото наизусть запомнил содержание письма: много раз мысленно его перечитывал и все же снова начинал повторять, боясь как бы не забыть.

«Милый Пенчо, дорогой сын наш! — повторял он. — Сдали мы зерно государству и самим хватит, сыты будем. Оберегай границу, а о нас не беспокойся. Наше село с государством рассчиталось сполна, только один Венко что-то все крутит, да куда он денется? В этом году никто к нему не пошел, никто на его удочку не клюнул. Слоняется один, как бобыль. Только и осталось ему, что поторопиться хлеб свезти на ссыпной пункт. Знай, кричит теперь: «Бре[2], тут грузовик нужен, где мне с подводой управиться, пять раз, что ли, буду ездить туда да обратно?» Ты, сын мой, оберегай мир, а мы его здесь убережем...»

Телегу слегка потряхивало на рытвинах. Йото дремал. Временами он просыпался и беспокойно ощупывал пояс: там ли письмо к сыну?

Перевод с болгарского
М. КАБАКЧИЕВОЙ

[1] Баница — национальный слоеный пирог с брынзой и яйцами.
[2] Бре — восклицание.

Лиляна **СТЕФАНОВА**

Встречи

Опять на родине

Встречает мать и, выйдя на крыльцо,
Заплакала, смеется, тянет руки.
Ее простое, доброе лицо
Как будто стало меньше в дни разлуки.

Мне хочется остаться с ней вдвоем,—
Но мать спешит, соседок пригласила,
Как будто в сердце бьющемся своем
Такую радость удержать не в силах.

Пусть у меня на платье пыль еще,—
Все женщины, живущие в квартале,
Теснятся к нам, толкуют горячо,
Вокруг меня стеною плотной встали.

И сразу перебивка голосов:
— Как трудятся колхозники на пашне?
— Как зеленеют саженцы лесов?
— Как реет знамя на кремлевской башне?

— Что сделать, чтобы так же нам жилось?
И на минуту все притихли чутко,
И чей-то робкий прозвучал вопрос:
— А Сталина ты видела, дочурка?

— Ах, мама, мама! Что же это мне
Не веришь ты, стараешься вглядеться?..
Ведь о советской солнечной стране
Я только от тебя слыхала в детстве.

Ведь в первый раз когда-то, мама, ты
Произнесла мне это имя — «Сталин».
Зачем же сомневаться? Ведь мечты
Для всех для нас действительностью стали.

Я видела его! Да, он такой,
Каким его мы знали по портретам.
Он улыбнулся и взмахнул рукой,—
То было нашей родине приветом.

Я говорю — и все теснее круг,
И комната мала и не вмещает
Всех женщин, всех товарок и подруг,
Которых с мавзолея он встречает.

Всем матерям на всей моей земле
Любимый облик — света средоточье.
Ведь ради их детей бессонной ночью
Товарищ Сталин трудится в Кремле!

Глаза Димитрова

Министр по-братски и радушно встретил
Ткачиху, сталевара и меня.
Потом в прохладном тихом кабинете
Пожал нам руки на исходе дня.

Сияла в окнах Прага, догорая,
Вся в стрельчатом уборе золотом.
Рассказывали мы, что в чешском крае
Нам показалось по сердцу. Потом

Он о работе нашей напряженной
Расспрашивал — и встрепенулся вдруг,
В свои воспоминанья погруженный:
— А что Димитров, что мой старый друг?..

И тут же, на меня взглянув сначала,
Воскликнул: «Ведь у вас его глаза!»
Потупившись смущенно, я молчала.
И разговор у нас оборвался.

Так, ничего министру не ответив,
Я от волненья сделалась немой.
А он прибавил, словно не заметив:
— У вас глаза Болгарии самой!

Да! У всего болгарского народа
Димитрова неугасимый взор.
Так смотрим мы, мужая год от года,
В даль коммунизма, в солнечный простор.

Так пристально и неотступно строго
Следим за каждым шагом на пути.
Пускай трудна далекая дорога,
Ни в час, ни в день ее не перейти!

Пускай за океаном песню тянет
Презренный враг, хитер и разъярен.
Но молодежь димитровская встанет
Во весь свой рост, как встал когда-то он,

Как в Лейпциге стоял он, подсудимый,
Прекрасный и суровый, как гроза.
Так на врага сегодня поглядим мы —
У всех у нас Димитрова глаза!

...Над пражскими златыми куполами
Заря вечерним заревом зажглась.
Прощаемся мы.
Разгорайся, пламя
Димитровских неугасимых глаз!

Перевел с болгарского
П. АНТОКОЛЬСКИЙ

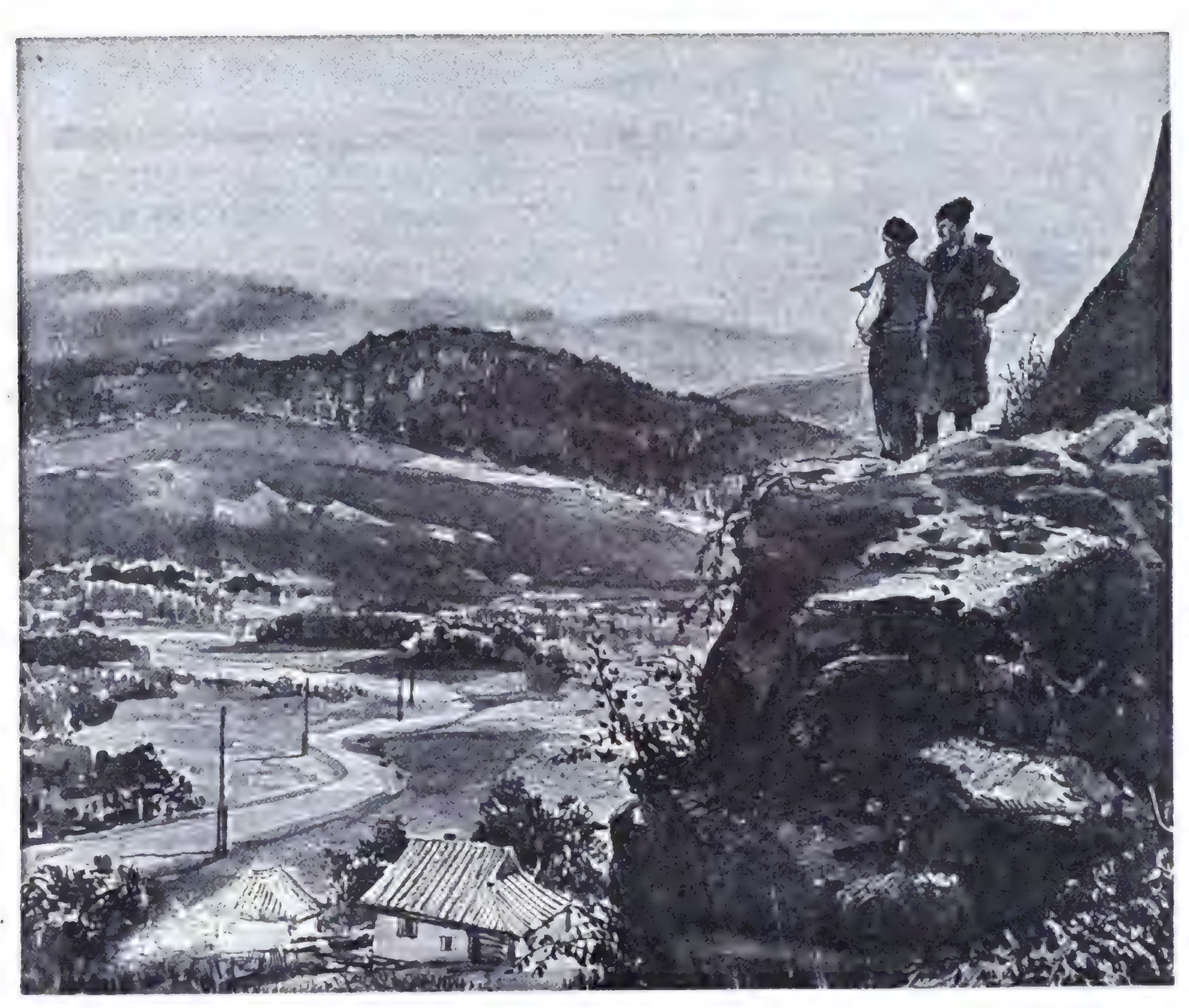

Рисунок В. Богаткина.

Мечта

Рассказ

Стефан НИКОЛОВ

Андрей завернулся с головой в теплое шерстяное одеяло, но и после этого однообразная дробь дождя достигала его ушей, как будто кто-то барабанил пальцами в оконные стекла. Ему тяжело, будто камень на сердце лежит. Его неотступно точит мысль о том, что рано утром и Ваня, и Петя, и Христо Мурджев, и маленький Илийчо — все уезжают в бригаду, а он, Андрей, остается. Ему не спится.

— Хватит, Андрей,— бросила с упреком мать, едва он заикнулся об отъезде. — В прошлом году ты ездил, но тогда был жив отец. Теперь его нет, а у нас пять ртов, подумай только! Даже если ты и останешься, и то не знаю, управимся ли мы. Я еле на ногах держусь, сам видишь.

Он замечал, что мать уже шатается от слабости. Немало она вынесла, горемыка!

Думал он, думал и решил: «Ничего не поделаешь!». Когда его товарищи записывались на собрании в бригаду, он не встал, как в прошлом году, не поднял руки и не выкрикнул: «И я ухожу!», — а сжался в уголочке и чуть не заплакал: так ему стало тяжело. Даже глаз не поднял. Казалось, все на него смотрели и каждый ему говорил: «Э-э-эх, Андрейка!..»

И хотя все это произошло уже две недели тому назад, мысль об отъезде не выходила у него из головы. Внутри у него что-то жгло и не давало ему покоя. Со своими товарищами он больше не встречался, как прежде, а, завидев кого-либо из них, сворачивал в сторону, боясь, как бы встречный не спросил его: «Андрейка, что это значит? Ты что же, в бригаду с нами не едешь? Съездил раз и решил этим отделаться, пусть теперь другие вместо тебя покопают!» И товарищи на него косятся...

Порывы ветра усилились, и капли дождя снова забарабанили в окна. Кажется, что снаружи, во тьме, кто-то во всю прыть бежит по огороду, ломает на ходу кочерыжки капусты. Прислушавшись к ровному дыханию матери и младших братьев, лежащих рядом на топчане, он повернулся на другой бок и вздохнул.

— Андрейка,— послышался в темноте голос матери. — Ты что, не спишь?

Он вздрогнул, но не ответил. К горлу подступил какой-то комок. А что отвечать? Это «Андрейка», донесшееся как будто из-под земли, показалось ему таким милым. Только два человека обращаются к нему так ласково и нежно: мать и командир отряда. Он предался воспоминаниям.

— Андрейка! — выкликнет, бывало, во время вечерней поверки командир отряда, а он отзовется отрывисто и четко, да так громко, что стоящий рядом в строю Монка толкнет его локтем в бок и цыкнет сквозь зубы: «Тсс! Потише ты, черт! Здесь же не глухие».

Потом в его памяти всплыло, как солнечный остров, другое воспоминание о бригаде.

— Ну, Андрейка, что хорошего скажешь? — спросит, бывало, его командир, сидя на краю скалы, подперев руками голову, а глаза его глядят куда-то вдаль.

— Что же мне говорить, товарищ командир? Я вижу, вы задумались...

— А знаешь, о чем я думаю?

— Как мне знать? Может, о родных или об учении.

— О будущем думаю, Андрейка, о нашем светлом будущем. Садись-ка вот здесь, поближе.

И он садился рядом с командиром отряда.

Перед ним подернутая золотой дымкой плывет долина. По ней

Пять звезд

Елисавета БАГРЯНА

К нам явилась весна, буйной зеленью щедро одета.
В изумрудах росы молодая трепещет листва.
Под цветущим каштаном поет молодежь до рассвета.
Колосится пшеница в полях, высока и густа.
К нам явилась весна, обещая народу богатства.
Никакой Уолл-стрит не удержит ее никогда!
И в Советском Союзе, и здесь, и в республиках братских
Путь свой держит весна и любуется счастьем труда.
Но порой, заглушив птичий гомон и девичьи песни,
Смутный говор и треск наполняют тревогой эфир!
Это снова борьба, это в строках последних известий
Схватка двух голосов: «За войну» и «За мир»!
Что же, снова война? И приходит на память тогда мне
Город в мертвых руинах с угрюмой его тишиной.
Я по грудам стекла и разбитого бомбами камня
Через силу шагаю с тяжелым мешком за спиной.
И смотрю: на дороге два трупа в последнем объятьи:
Мать и сын. И скрипичный футляр посреди кирпича...
Много лет миновало. Но вижу опять и опять я
Эту мать, что прикрыла собой малыша-скрипача.
Я не знала в тот миг, где мой мальчик и что с ним случилось,
Только горькие слезы над сыном чужим пролила.
Поджигатели войн! Вам, наверное, не приходилось
Из-под груды камней отрывать дорогие тела!
Нет, не знаете вы, как в ночи разрываются бомбы
Над промозглым подвалом, и, заживо погребена,
Как с ребенком своим проползаешь ты сквозь катакомбы,
Как любовь в твоем сердце в огонь превращает война.
Но мы знаем все это. Полны мы великой любовью
К жизни, к детям, к отчизне, к весне, что опять расцвела
Над зияньем траншей, над полями, политыми кровью,
К этой новой весне, что прекрасней стократ, чем была.
И шагает весна человечества через границы,
Пять земных континентов созвездьем Кремля озарив...
Ни свинца, ни огня, ни урана она не боится:
Всех орудий сильнее «За мир!» всемогущий призыв.

Перевела с болгарского
Вероника ТУШНОВА

ленточкой полотна извивается шоссе с похожими на свечи телеграфными столбами. Деревья отбрасывают длинные вечерние тени. Далеко на северо-западе Стара-планина уже тонет в синеватых сумерках, а Средняя гора как бы еще пламенеет под последними лучами солнца.

— О будущем думаете, да? — вернулся к начатому разговору Андрей. — Только о чем же здесь размышлять?

— Как о чем? О том, как жить будем, какими мы станем, что нас ждет впереди...

«Какой он хороший и добрый»,— думает про себя Андрей. Когда вспылит, страшно на него взглянуть. Мучается человек, о деле беспокоится. А иногда скажет несколько слов и прямо за сердце тебя схватит. И ты идешь за ним и веришь ему. Веришь, потому что любишь его. На край света за ним пойдешь. Вот и теперь они сидят вдвоем. Скоро спустится ночь; командир рассказывает ему что-то такое, от чего на душе у него становится светло и радостно. Им овладевает чувство, подобное тому, какое он испытывал в детстве, когда вечером мать давала ему кусочек хлеба, вытирала фартуком нос и, погладив по головке, говорила: «Айда, беги поиграй на улице!..» И он уносился к воротам, как ветер.

— Андрейка!

— Я, товарищ командир!

— Видишь эту раскинувшуюся перед нами долину, со всех сторон окруженную горами?

— Вижу, товарищ командир.

— Когда на этом месте, вот здесь, где мы с тобой сидим, поднимется плотина, все это будет залито водой. Долина превратится в большое озеро.

— А рыба в нем будет?

— Будет. Какое же озеро без рыбы? Там, внизу, в ложбине, будет электростанция, которая даст много электричества, столько, что и для вашего села хватит.

— Правда?

— А ты как думал?

Андрей вздрагивает и пожимает плечами. Он вовсе ничего и не думал. Только уж очень необычным все это ему показалось, и он воскликнул: «Правда?».

— И это — еще не все,— продолжает командир.

«Что же здесь еще может быть?» — силится он отгадать, но ему ничего не приходит в голову.

— Вокруг возникнет целый город. Вон на тех холмах, которые там виднеются,— показывает командир на раскинувшиеся впереди пустыри.

— Город?

Это казалось Андрею чем-то невероятным. Если сказать село, можно бы поверить, но город! Впрочем, раз командир говорит,— значит, верно. А все-таки...

— Город. Большой и красивый. У озера, с высокими домами, с просторными, солнечными улицами, чистыми, словно они подметены руками девушек в канун Юрьева дня! Вот как будет! Весь этот холм превратится в сад. Возникнут парки и стадионы. Сюда будут съезжаться на отдых трудящиеся со всей страны. Может быть, и мы с тобой со временем здесь встретимся.

— Нет, мне что-то не верится!

— И почему это тебе не верится?

— Не то чтоб не верилось, а так...

— Что?

— Может, мы и увидимся, но вы, наверное, к тому времени забудете меня, товарищ командир?

— Тебя забыть? Это невозможно. Каждый из вас мне стал ближе родного брата. Правда, имени могу и не запомнить, но тебя самого, сто лет пройдет, не забуду.

— И нам вас не забыть,— проговорил доверчиво Андрей.

Командир посмотрел на него дружелюбно и улыбнулся:

— Через год — два, когда плотина будет готова, мы на торжество приедем — запросто, без приглашения, все, кто работал в этих местах. Ведь это же — дело наших рук, правда? Хочешь не хочешь, потянет тебя сюда... Вот чудо! Перед нами сверкает озеро, гладкое, как стекло. Не шелохнется. Мы садимся в лодки и направляемся к острову, вон туда, к той высотке, которую ты видишь впереди.

— Значит, и остров будет, товарищ командир?

— Будет.

— Красиво!

— Да, чудесно! Направляемся в лодках к острову. Подумай только! Целый отряд в лодках среди озера. Плывем и поем. Поем о нашей молодости, которую мы подарили родине. А песня летит над водою, как птица, как весенний ветер... И каждый говорит себе: «Тут и я работал. И я потрудился для общего дела!». Это будет действительно общее дело: твое, мое, Васи, Марийки, Ахмеда — всех, всех.

Андрей слушает эти слова, душа его наполняется чем-то большим и прекрасным. Перед его глазами как будто поднимается завеса, которой он не замечал раньше, и он видит весь этот сказочный мир, который вырастет всего лишь через несколько лет на месте, где до сих пор были одни пустыри и холмы.

И какая-то сила сталкивает его с постели. Он встает и начинает торопливо одеваться. Уже светает.

— Андрей, ты куда, мой мальчик? — приподнялась на постели старушка-мать.

Андрей вздрагивает и оборачивается. Смутившись, он смотрит на мать и не знает, что ей ответить. Не понимая, что с ним происходит, он встает перед ней на колени и, заикаясь, бессвязно говорит:

— Мамочка, пусти меня! Пусти! Тянет меня плотина, туда, к себе влечет меня. Не могу я здесь оставаться.

Мать печально склоняет голову:

— А мы здесь как?

Он взглянул на ее лицо, изборожденное морщинами от забот и времени, и сердце его сжалось от боли:

— Мама, тебя сельсовет не оставит, тебе помогут! Придут товарищи, и с их помощью ты со всеми делами управишься. Отпусти меня, мама! — Голос его задрожал, что-то начинает его душить.

Мать обняла его своими сухими, морщинистыми руками:

— Андрейка, сынок!..

— Ты согласна, мама?..

Она привлекла его к себе, погладила его русые волосы и вздохнула:

— Иди, сынок! Я не стану тебя удерживать. Тяжеловато мне будет, но...

Он почувствовал, с какой мукой мать произнесла эти слова. И вдруг схватил ее загрубелые в работе руки, не знавшие в течение всей жизни отдыха, и осыпал их поцелуями.

— Только не забывай нас, пиши! — шепнула она ему.

«Значит, еду! Еду!» — кричал в нем какой-то голос. «Еду! Еду!» — шумело у него в голове.

Вскоре он принял из рук матери маленькую красную торбочку с хлебом, с брынзой и с наспех сложенной одеждой, взял палку и направился к выходу:

— До свиданья, мама!

— Счастливо тебе, сынок! — остановила его мать у двери и на прощанье поцеловала в лоб.

Андрей пошел на стройку, и шаги его становились все шире и шире...

Дождь уже перестал, на востоке сквозь облака пробивались первые лучи восходящего солнца.

Перевод с болгарского
А. СОБКОВИЧА

Рассказы бывалых людей

Савва КОЖЕВНИКОВ

Сибирь — край огромный; и на ее просторах трудятся сотни экспедиций. Они открывают в недрах советской земли все новые богатства. Во время своих походов «бывалые люди» — так называл Горький охотников, моряков, летчиков — наблюдают огромные перемены, происшедшие кругом. Они видят, как бурно развивается социалистическая жизнь даже в самых отдаленных, «глухих» местах нашей Родины.

Мы опросили некоторых товарищей из армии «бывалых людей», что нового наблюдали они во время своих путешествий. Вот их рассказы.

На мраморной реке

— Найдите на карте Удскую губу,— начал геодезист Г. А. Федосеев.— Западнее ее голубой прожилкой помечена река Мая. Местные жители сказали нам, что по Мае никто и никогда не проплывал. Если в верховьях реки сбросить бревно, то оно не доплывет даже и до Ними (приток Маи): изотрется о пороги и подводные камни.

Когда мы подъехали к устью Маи, нас поразила ее белизна. Река, как мрамор, блестела, искрилась на солнце. Что такое? Неужели она вся покрыта пеной? Оказалось, что дно реки действительно выложено снежнобелыми мраморными глыбами. Мы поплыли на лодке вверх по реке и еще более поразились. Представьте себе огромные мраморные откосы в двести — триста метров высоты, расцвеченные в цвета снежнобелый, розовый с золотистыми прожилками, голубой. Таковы берега Маи.

Долина Маи — земля эвенков. Мы зашли в поселок Удской в тот час, когда бригадир полеводческой бригады вызывал по радио бригаду соседнего колхоза на социалистическое соревнование. Нас, людей, хорошо знающих здешние места, эта сцена взволновала. Ведь у рации стоял один из тех людей, которые в недавнем прошлом непрерывно кочевали. Палатку свою они обычно разбивали у туши убитого ими зверя и, когда съедали все мясо, перекочевывали на новое место.

В 1949 году в долине Маи мы уже не видели кочевых троп. Они заросли буйными травами. В поселке Удском эвенки живут в деревянных домиках. У них есть школа, детские ясли, больница.

Гостеприимные колхозники показали нам свои огороды, большое парниковое хозяйство, где зрели помидоры, редис, огурцы, лук. На еланях раскорчеванной тайги мы увидели даже табачную плантацию и посевы зерновых.

Самородок

— Нет, я, пожалуй, ничего необычного о сибирской глухомани рассказать вам не смогу.

Так уклончиво ответил на наш вопрос главный инженер одного из золотых рудников Западной Сибири Георгий Лезгинцев.

— Видите ли,— продолжал он,— я привык к тайге, и ничто меня не может в ней удивить. Едешь по едва приметной тропе, перебираешься через упавшие деревья, смотришь на таежные дебри и наверняка знаешь, что вот минуешь пересохший ключ — и перед тобой возникнет лесозаготовительный участок, или поселок золотоискателей, или, может, промысловая охотничья станция. Исчезает былая таежная «романтика». А вот, если хотите познакомиться с буднями жителей тайги, то извольте...

...На одном из золотых рудников, на котором я оказался по долгу службы, однажды вечером в раскомандировку вбежал возбужденный, запыхавшийся юноша.

— Золото! — взволнованно крикнул он.

Пареньха обступили рабочие.

— Самородок! Смотрите!..— парень протянул руку. На ладони, закрывая ее почти до кончиков пальцев, лежал тусклый желтоватый брусок.

— Где нашел? — спросил я золотоискателя.

— В забое, в трещине.

Самородок перекочевывал из рук в руки. Люди молча подолгу держали его, ощущая приятную тяжесть драгоценного металла.

Наконец Степан Кривцов, почти всю жизнь посвятивший поискам золота, не выдержал:

— Ты, Федотка, в забое один был, когда самородку нашел? — спросил он парня.

— Один, Васька ушел раньше.

— А почему не скрыл?

Парень часто-часто замигал, явно не зная, как ответить Степану Кривцову. А старик продолжал допрашивать Федота:

— Ведь никто не узнал бы? Сказал бы после, что в отвалах нашел,— старался, дескать.

Федотка, привыкший уважать таких людей, как Степан Кривцов, закусил губы и ответил сдержанно:

— Ты за кого меня считаешь? Золото не мое. Артельное. Артель государству сдает. Мне оно зачем?

Старик не унимался:

— Ты пойми, чудак, золото же это! Понимаешь,— золото! За такой самородок в прежние времена, бывало, человека убивали...— Кривцов посмотрел на меня, улыбнулся и развел руками: — Не пойму, что теперь с народом стало. Чудно! Вроде мы теперь и не на золоте работаем, а известку добываем.

— А ты, Степан Иванович, мог бы за брусок золота человека убить? — спросил я.

В раскомандировке наступила тишина. Кривцов неловко переступил с ноги на ногу. И, посмотрев на меня в упор, словно желая разгадать, что думаю я о нем, ответил:

— Сейчас за себя ручаюсь, а раньше, лет этак двадцать назад, не поручился бы. Фарт тогда искал. Может, и стукнул бы... Шутка — самородок!

И вдруг Степан Кривцов широко шагнул к Федотке и крепко поцеловал его.

О чем шумят сосны

Г. В. Крылов, кандидат биологических наук,— лесник по специальности и путешественник по натуре. За последние 15 лет он только пешком прошел по сибирским лесам пять тысяч километров и на лодке проехал около трех тысяч. Естественно, мы попросили его рассказать о сибирской тайге.

— Лет двадцать назад,— сказал он,— мне довелось побывать в тайге Томь-Обского водораздела. Я увидел прямые, высоченные сосны, мохнатые патриархи-кедры, лиственницы. Лес был освещен косыми лучами солнца и казался золотым. Над вершинами деревьев проносился похожий на рокотание моря непрерывный и однообразный шум. Он долго преследовал меня. И только на десятый день я услышал визг двуручной пилы. То двое лесорубов заготавливали для лесничества дрова...

В прошлом году я вновь приехал в этот же таежный район. Да, именно приехал: в самую глубь лесного массива проложена узкоколейная железная дорога. Наш паровозик остановился в некогда глухом квартале, где в 1928 году люди охотились на медведей. Едва мы вышли из вагончика, как до нашего слуха донесся треск падающих деревьев, равномерный гул моторов и протяжный вой пил. Все эти звуки, отдаваясь в лесу долгим эхом, то усиливались, то вовсе утихали. Не умолкал только один какой-то мотор.

Я пошел на его стук. Меж подрумяненных сосен передо мной мелькнул кремовый вагончик. Стоял он на санях. Из маленькой, как у трактора, железной трубы вился сероватый дымок. Это была передвижная электростанция. От нее полз по снегу черный кабель. Он привел нас в лесосеку. Роман Сергеев, потомственный лесоруб, валил огромную сосну. Его электропила легко врезалась в толстый ствол дерева. На снег летели мелкие опилки. Прошло едва лишь полминуты, как дерево хрустнуло, дрогнуло и повалилось.

— Одна бригада из пяти человек, вооруженная электропилой, выполняет работу 75 лесорубов,— пояснил нам Сергеев.

В это время, гремя цепями, к куче бревен подкатил трактор. Он подцепил волокушу и, словно налегке, направился к лесному складу.

Я шел по таежной лесосеке, как по цеху индустриального предприятия.

На лесном складе, около узкоколейки, паровые краны загружали платформы. Поблескивая свежими срезами, ложились на них бревна. Завтра они попадут на лесоперевалочную базу и завтра же их отправят оттуда по железной дороге в различные районы страны. И сколько удивительных вещей создаст из них человек!

САД В АЛЕЙСКОЙ СТЕПИ

Беспрайняя Алейская степь, ровная, как стол. На целинных землях шумит седой ковыль, белеют густые заросли доннина. Между прямыми линиями молодых полезащитных лесных полос колышется усатая пшеница. В степном разливе далеко-далеко видна большая, выращенная колхозниками березовая дубрава. Ее зеленый щит как бы поднимается до самого голубого неба и останавливает заиртышские суховеи. Рядом с березами — ранее невиданные в здешних местах вязы, липы и маньчжурский орешник. Возле этой надежной защиты, дополненной ветроломными полосами высоких тополей, на пятидесяти гектарах раскинулся лучший в Сибири плодово-ягодный сад колхоза имени Молотова.

Давно ли еще сибиряки считали, что садоводство тут невозможно! «Картошка — вот наше яблоко»,— говорили они. Мичуринцы не только доказали, что яблони могут плодоносить в Сибири, но и вырастили большие промышленные сады.

Председатель колхоза Ф. М. Гринько в колхозной теплице.

Сад колхоза имени Молотова законно считается образцовым.

В нем крупноплодовые сорта яблони, старые русские сорта «белый налив», «анис серый», «антоновка», знаменитые мичуринские «пепин шафрановый», «бельфлер-китайка», «славянка» и другие. Есть в саду груши, сливы, вишня. Среди ягодников — 43 сорта смородины, 18 — крыжовника и 14 — земляники. За полтора десятка лет сад дал колхозу более трех с половиной миллионов рублей дохода.

Под руководством председателя колхоза Героя Социалистического Труда депутата Верховного Совета СССР Ф. М. Гринько в саду ведется научно-исследовательская работа. Путем скрещивания выносливых «ранеток» с мичуринскими сортами получены ценные гибриды. Они не боятся сибирских морозов и дают крупные, вкусные плоды.

Плодовый сад помогает изменить лицо Алейской степи.

А. КОПТЕЛОВ

В АБХАЗИИ

Николай АСЕЕВ

1. СТИХИ О СУХУМИ

Моря в рассыпчатом шуме,
в соке созревших плодов
вечно зеленый Сухуми
слаще иных городов.

Скрытому горною складкой,
зелень ему придала
сочность созрелости сладкой —
персик, хурма, шептала!

Улицы в горы глядятся,
сизая мгла разлита,
тучи на склоны садятся —
море меняет цвета.

Все для дыханья и глаза...
Свернутый рогом башлык,
легкая поступь абхаза,
стройной мингрелянки лик,

запах магнолий так плотен,
розы так влажно цветут —
сотням бы ярких полотен
быть нарисованным тут!

Где вы, художники, где вы!
Где вашей ярости рать!
Кисти обмакивать в небо,
зелень со склонов снимать!

Здесь бы внимательной думе
выбрать сюжет для трудов...
Так по душе мне Сухуми —
город цветов и плодов.

2. МАЙСКИЙ ДОЖДЬ НАД СУХУМИ

Четвертые сутки подряд
продолжается дождь, дождь...
За серою сеткой
не видно ни моря, ни мыса,
на горные кряжи
туман навалился сплошь,
пронизана каплями
мощная тень кипариса.

Вот так начинался, должно
быть,
всемирный потоп:
попрятались люди и звери
сушиться в каюты...
По берегу капли тяжелые —
шлеп, шлеп!
Но это же майский,
который дороже валюты!

Пускай бы он землю
до самых корней проросил!
Еще над колхозами
небо раскинется синим,
где чай и табак
дополна набираются сил,
где каждая капля
становится апельсином.

3. МОРЕ В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Море нынче голубое,
море вовсе без волны,
в это море без прибоя
были горы влюблены.

Над горами встав, хохлаты,
облака бросались в лёт,
в море, полное прохлады,
в море мира без забот.

ПОЛТОРА МИЛЛИОНА КИЛОМЕТРОВ НАД ТУНДРОЙ

Вадим Кононович Усатюк.
Фото В. Валернанова

Самолет шел на север. Лесные массивы помрачнели. Все чаще появлялись коричневые прогалины с тонкими зеленоватыми разводьями и белесыми пятнами. Вот и Обь. Широко разлились ее воды, лишь виднелись верхушки полузатопленных деревьев.

Вадиму Кононовичу Усатюку, старейшему пилоту северной трассы, хорошо знаком этот пейзаж.

— Как метеосводка, Ярков? — запрашивает командир машины своего бессменного радиста, летающего с ним более десяти лет.

— В порядке,— слышит Усатюк в наушники и, поручив управление второму пилоту, проходит по отсекам большого воздушного корабля. На борту пассажиры и грузы.

В недавнем прошлом Усатюк доставлял на север только продовольствие и почту. Теперь в самолете рыболовецкие снасти, охотничьи припасы для жителей фактории Тамбей, расположенной на далеком полуострове Ямал; ящики с листами белой жести и этикетками в адрес заполярных рыбоконсервных заводов; литература — ее ждут в передвижных красных чумах.

Многое из того, что будет выгружено из самолета, отправят дальше на катерах, оленьих упряжках и в рыбацких лодках в глубь Ямало-Ненецкого национального округа, на территории которого почти разместились бы Франция и Италия, вместе взятые.

«Забытый край» — так называли до революции эти места. Чтобы добраться от ближайшей железнодорожной станции Тюмень до Салехарда по «веревочке», меняя на каждом перегоне лошадей или оленей, требовалось два с лишним месяца. Пароход преодолевает этот путь по Туре, Иртышу и Оби за восемь суток. Гидросамолет Усатюка, утром вылетев из Тюменского аэропорта, к середине дня садится на небольшой приток Оби — реку Полуй — около города Салехарда, одного из самых северных в стране. А часто Вадим Кононович совершает перелеты от Тюмени до Салехарда за три часа сорок пять минут — рекордное для этой трассы время.

Всего четыре часа летного времени... Это достигнуто в результате упорной борьбы со снежными бурями, частыми обледенениями, северными ветрами, это итог тщательного изучения одной из труднейших в стране авиатрасс. Она пересекает двенадцать параллелей и уходит далеко за Полярный круг. Самолет летит над степями Зауралья, сибирской тайгой, рыбацкими поселками хантов и манси, лесотундрой и тундрой, краем ненцев — оленеводов и охотников.

Вот вдали показался Салехард, центр Ямало-Ненецкого округа. Разросся он за годы, прошедшие с тех пор, как Вадим Кононович начинал здесь свою летную жизнь!

Тень машины на Оби все увеличивается, вода ближе и ближе. Мастерски посаженный гидросамолет плавно заскользил по водной глади.

Свежий летний ветерок врывается в открытые люки самолета. Пассажиры, поднявшись наверх, подставляют лица ласковым лучам солнца. Вскоре к ним присоединяется и Усатюк, широкоплечий, с обветренным лицом. Поджидая маленький юркий катер, который отведет громоздкую машину к причалу, пилот беседует с пассажирами. С большинством из них он знаком уже давно: летает не первый раз.

— Как дела, Дмитрий Григорьевич, что нового в районе? — обращается Усатюк к пожилому, приземистому ненцу Тэсида, председателю дальнего Тазовского райисполкома, расположенного в шестистах километрах на северо-восток от окружного центра.

— Хорошо, Вадим Кононович. В Салехарде важные вопросы решать будем.

— А что Саша Харючи делает?

— Что ему делать? Работает. Сейчас на путину поехал. Я тоже скоро там буду, с тобой обратно домой полечу.

— Через три дня готовься, снова в Таз отправлюсь. А в округе приветы передавай.

За пятнадцать лет работы на северной авиатрассе Вадим Кононович стал здесь широко известным человеком. Дмитрий Григорьевич Тэсида — один из самых давних пассажиров Усатюка. Еще молодым пилотом он возил председателя первого ненецкого колхоза на совещание ударников-рыбаков. В самолете Усатюка Тэсида летал на сессии Верховного Совета СССР второго созыва, депутатом которого он был. Рыбаки, оленеводы, партийные работники и инженеры с рыбоконсервных заводов, врачи, спешащие на неотложную операцию, студенты, приезжающие домой на каникулы,— пассажиры и приятели Усатюка, пролетевшие с ним много сотен километров.

...Катер доставил Вадима Кононовича к пологому берегу реки. Он направился в метеобюро «посмотреть погоду», узнать, нет ли впереди снеговых бурь, облачных стенок, вихристого, злого ветра. Вокруг знакомая картина. Высоко на взгорье трепетал флаг аэропорта. На берегу реки мотористы возились у легких гидросамолетов «Ша-2», или, как их любовно называют пилоты, «шаврушек». Отсюда, из гидропорта, они отправляются в различные уголки тундры. Одним из первых пилотов, установивших авиасвязь с далекими поселениями, был Усатюк. Вместе со своим другом радистом Ярковым Вадим Кононович налетал над тундрой полтора миллиона километров.

Здесь много поселков, жители которых хорошо помнят, как на окраине впервые появилась невиданная чудо-машина. Привел ее Усатюк. Он доставил на факторию Ларьяк хирурга к больному ненцу. Он совершил первую посадку на фактории Тарко-сале, где срочно понадобились продовольствие и медикаменты. Он же открывал и нынешний салехардский гидропорт. И везде его встречали как желанного гостя.

Ему приходилось летать в сложных метеорологических условиях, садиться на неподготовленные, запорошенные глубоким снегом площадки. В Красноселькупске, самом отдаленном районе области, жители сами подготовили импровизированный аэродром, скололи ледяные торосы, выбросив сто тысяч кубометров снега. Как-то в далекой Гыданской губе Карского моря рыбаки не успели во-время добраться до своих баз, им срочно понадобилась помощь. Выручить бедствующих рыбаков вызвался отважный пилот Вадим Усатюк. Он отыскал их и сбросил все необходимые грузы.

Вадим Усатюк усаживается в кабину самолета. Загудели моторы, и корабль легко оторвался от водной глади. Самолет повез почту и рыболовецкие снасти, медикаменты и продовольствие жителям далекого Заполярья.

Евгений АНАНЬЕВ

г. Салехард, Ямало-Ненецкого округа.

ВОЗВРАЩЕННОЕ ЗРЕНИЕ

На столе, накрытая большим стеклянным колпаком, неподвижно сидит лягушка. Люди в белых халатах внимательно осматривают ее глаза. Лягушка самая обыкновенная, каких тысячи в любом болоте, и круглые с золотистым ободком глаза тоже обычные.

Но как раз вот это и кажется самым интересным посетителям лаборатории профессора В. В. Попова.

— Сколько времени продолжается процесс восстановления? Каков возраст лягушки? Что служило трансплантатом?

Профессор обстоятельно отвечает на вопросы гостей.

45 дней назад у взрослой лягушки была целиком удалена роговица глаза и на ее место вставлен трансплантат — кусочек кожицы со спины головастика. Пересаженная кожица быстро срослась с краями раны. Через 25 дней цвет ее изменился: она стала прозрачной. На 44-й день после операции кожица превратилась в роговицу — лягушка прозрела.

Под стеклянный колпак впустили комара. Лягушка оживилась.

Крыса снова увидела свет.

Повернув голову, она следит за ним. Прыжок — и комар прилип к длинному языку.

— Но ведь лягушка могла и не видеть насекомое, — сказал один из присутствующих,— кроме зрения, существуют слух и обоняние.

— Совершенно верно,— ответил профессор,— опыт с комаром не может служить неопровержимым доказательством. Поэтому мы сопоставляем два препарата: один из настоящей роговицы, а другой из кожицы, преобразованной в роговицу. Взгляните.

Тщательное наблюдение в сильный микроскоп подтверждает удивительное сходство обоих препаратов. Между ними нет никакой разницы в строении и окраске.

— Вот еще один препарат,— продолжал В. В. Попов.— На нем можно рассмотреть след шрама в месте сращения. Здесь удобно сравнить ткань по одну и по другую сторону шрама,— как видите, они во всем одинаковы.

Затем профессор продемонстрировал другую лягушку, которой была произведена не менее сложная операция. У нее из глазного яблока извлекли хрусталик, и на его место ввели кусочек эмбриональной — зародышевой — ткани. Через некоторое время кожица превратилась в хрусталик. Лягушка снова стала зрячей.

— Возможны ли такие чудесные операции с высшими животными?

— Да,— ответил ученый.

...Мы в лаборатории экспериментальной эмбриологии Института морфологии животных Академии наук СССР, где работает доктор биологических наук профессор В. В. Попов со своими сотрудницами Т. А. Бедняковой и Т. Г. Беляевой.

Идет операция. Усыпленная наркозом, на дощечке лежит большая белая крыса. Осторожными, точными движениями профессор вырезает в роговице животного круглое отверстие. Затем он берет пинцетом приготовленный кусочек беловатой кожицы и вкладывает его в предназначенное место.

Профессор В. В. Попов за операцией по пересадке зародышевой ткани.
Фото В. Петрусовой

— Ну вот,— замечает ученый,— «заплатка» готова. Теперь, чтобы животное не сдвинуло ее, когда очнется, надо зашить веки. Через 10—15 дней вы не найдете на глазу крысы «заплатки»: она обратится в роговицу, и затем зрение вернется.

— Скажите, Василий Васильевич, что общего между известными работами профессора Филатова и вашими?

— Общее — возвращение человеку зрения,— отвечает В. В. Попов,— но мы идем разными путями к цели. Владимир Петрович Филатов восстанавливает зрение, замещая пораженную часть роговицы такой же, то есть окончательно сформированной — взрослой. Этот метод завоевал всеобщее признание, сотни людей обязаны советскому ученому исцелением.

Наши опыты основаны на свойстве глаза воссоздавать утраченную часть из пересаженной, развивающейся эмбриональной кожи.

Это свойство открыто сравнительно недавно. Раньше считали, что глазной аппарат формируется хрусталиком. Хрусталик давит на мягкий вырост головного мозга и образует впадину, а затем, увеличиваясь сам, увеличивает и углубление, в котором находится.

Однако эта теория оказалась неверной. Теперь установлено, что при определенных внешних условиях глазная чаша влияет на образование хрусталика, а потом и роговицы. Мало того: нами доказано, что глазная впадина, ее нервная и кровеносная система сохраняют способность восстанавливать удаленные части на протяжении всей жизни организма. А раз так, то перед советской медициной открываются блестящие перспективы, какие не может представить себе полет самой смелой фантазии: ведь глаза млекопитающих, а также человека имеют в общем одинаковое строение!

Недалек день, когда наши опыты выйдут из стадии эксперимента и восстановление зрения у человека станет обычным делом.

Б. ПРОТОПОПОВ

Гороухща

Недалеко от Смоленска находится деревня Гнездово, хорошо известная историкам. Здесь на огромном поле возвышается свыше 3600 курганов различной высоты. Это Гнездовское городище — место захоронения славян-кривичей, населявших древний Смоленск и его окрестности.

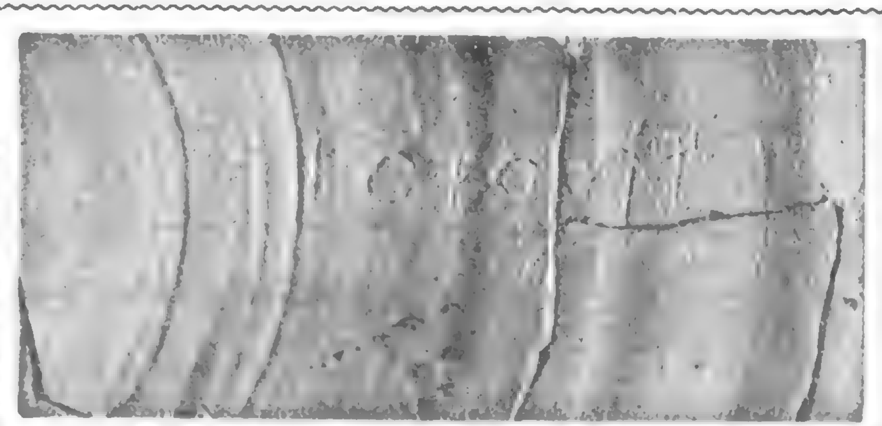
Летом прошлого года там работала объединенная экспедиция Смоленского областного музея и кафедры археологии Московского университета под руководством кандидата исторических наук Д. А. Авдусина.

Раскопки принесли ценные находки: мечи с красиво отделанными серебряными рукоятями, железные ромбовидные наконечники стрел, складные бронзовые весы с гирьками, сердоликовые бусы, стальную иглу, обломки серпа.

Затем коллекция старинных изделий пополнилась шарнирными ножницами и пружинными — более древнего происхождения. Были найдены золотые украшения. Одна пластинка — подлинное произведение искусства — изображала свернувшегося в кольцо дракона.

В курганах обнаружили кострище — остатки древнего захоронения воина-дружинника: в большом лепном сосуде сожженные человеческие кости, уголь и зола. Рядом был воткнут меч, а вокруг разбросаны вещи: глиняный кувшинчик для благовоний, хрустальные бусы, остатки костяного гребня. Здесь был похоронен мужчина-славянин, а самый обряд захоронения поразительно точно воспроизводил похороны руса, описанные арабским путешественником X века Ибн-Фадланом.

Там же нашли остатки разбитого амфоровидного сосуда — корчаги. На одном из черепков внимание исследователей привлекла странная надпись из 8 букв — «гороухща». Сосуд заботливо восстановили и отправили в Москву, где член-корреспондент Академии наук СССР профессор М. Н. Тихомиров расшифровал надпись. Она была сделана древнерусскими письменами — «кириллицей» — и обозначала хранившуюся в сосуде горчицу.

По найденным в кургане арабским монетам — диргемам — и вещам удалось совершенно точно установить, что надпись относится к первой четверти X века.

Таким образом, гнездовская надпись — древнейший памятник русской письменности. Это открытие имеет большое научное значение. Неоспоримо доказано наличие письменности у русских славян уже на рубеже IX и X веков. Надо думать, что если ремесленники-кривичи умели надписывать свои изделия, то, наверное, письменность имела среди русских славян широкое распространение; истоки ее ведут в гораздо более древние времена.

С. МОИСЕЕВ

ЛИТЕРАТУРА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ

Болгарская литература имеет большую и трагическую историю. Насилия и глумления, тюрьмы и каторга, расстрелы и виселицы — таков был в прошлом удел многих прогрессивных болгарских писателей. И только в сентябрьские дни 1944 года, когда народ восстал против тирании и деспотизма, когда Советская Армия изгнала из Болгарии фашистских захватчиков, в истории болгарской литературы началась новая, светлая эпоха.

Революционные преобразования в экономической и политической жизни болгарского народа, прочно вступившего на путь построения социализма, нашли яркое отражение и в литературе. Овладевая марксистско-ленинским мировоззрением, болгарские писатели не только развивают лучшие реалистические традиции прошлого, но и создают принципиально новую, социалистическую литературу, отражающую пафос и величие дел, совершающихся в стране.

Всеми своими успехами писатели освобожденного народа обязаны Болгарской коммунистической партии. Еще в мае 1945 года Георгий Димитров призывал болгарских писателей создать подлинно народную литературу — глубоко идейную и высоко художественную, достойную героического народа, выдержавшего тяжкие испытания и сохранившего великий оптимизм, веру в торжество социалистических идей. В декабре 1948 года пятый съезд Болгарской коммунистической партии в резолюции, принятой по докладу о марксистско-ленинском просвещении и борьбе на идеологическом фронте, поставил перед писателями задачу — овладеть методом социалистического реализма, показать борьбу народа за социалистические преобразования в своей стране. Указания Г. Димитрова и резолюция съезда партии явились программой развития современной художественной литературы и основой творческого роста многих писателей республики.

Болгарские литераторы изгнали из своей среды врагов народа и реакционеров. Союз писателей перестал быть кастовой организацией: в него вошло более семидесяти новых членов — таких прогрессивных поэтов и прозаиков, как В. Георгиев, Б. Димитрова, Н. Маринов и другие. В союзе писателей, насчитывающем сейчас более двухсот человек, имеются представители различных партий, объединившихся в Отечественном фронте. Но главное ядро союза — это коммунисты.

Писатели Болгарии все в большей мере чувствуют себя бойцами армии строителей нового, социалистического общества. Каждый из них стремится принять самое активное участие в общественной и политической жизни страны. М. Исаев, С. Даскалов, П. Вежинов и другие боролись против гитлеровских захватчиков с оружием в руках. Десятки писателей и поэтов побывали на молодежных стройках, в кооперативных хозяйствах и там вдохновенным словом поднимали трудовой энтузиазм масс.

Болгарские литераторы — активные борцы за мир, за демократию. Широко известные писатели Л. Стоянов и Г. Караславов являются членами Национального комитета сторонников мира.

В условиях народно-демократической Болгарии изменился прежде всего облик писателя, его отношение к окружающей действительности и к своему творчеству. Дора Габе, в прошлом «поэтесса скорби и печали», создала проникновенные стихи о советских воинах, героическую поэму о партизанке «Вела» и активно участвует в общественной жизни. Елисавета Багряна, не выходившая раньше в своих произведениях за границы интимного мира, теперь полным голосом заговорила о радости освобожденного труда, преобразовании родной страны, священной обязанности писателя бороться за мир.

Своим творчеством болгарские писатели стремятся быть полезными народу. Вот почему во всех жанрах художественной литературы демократической Болгарии преобладает актуальная, современная тема. Это вызвало еще больший интерес читателей к новым произведениям. Если в прошлом средний тираж болгарской книги не превышал трех — пяти тысяч экземпляров, то сейчас он вырос до десяти — пятнадцати тысяч. Литература обогащается новыми темами, идеями, образами.

Болгарская коммунистическая партия и правительство Отечественного фронта создают все условия для расцвета национальных талантов и дарований. В республике организованы новые государственные издательства. Союз писателей имеет свои печатные органы: еженедельную газету «Литературный фронт» и ежемесячный журнал «Септември». В мае нынешнего года двадцать восемь болгарских писателей и поэтов были удостоены Димитровской премии — свидетельство не только огромной заботы коммунистической партии и правительства Болгарии о процветании национальной литературы, но и яркий показатель роста зрелости многих литераторов республики: Д. Полянова, Л. Стоянова, Х. Радевского, Г. Караславова, К. Велкова и других.

Только в условиях народно-демократической Болгарии писатели получили возможность в полный голос разговаривать со своим народом. Они стремятся рассказать о том, чем живет сейчас болгарский народ, о его думах и чаяниях. Борьба трудящихся против фашизма, героические подвиги солдат и офицеров в Отечественной войне 1944—1945 годов, строительство новой жизни в стране — таковы основные темы, к которым больше всего обращаются ныне писатели и поэты республики. Литераторы демократической Болгарии стремятся не только правдиво передать события, но и раскрыть черты новых людей, мужественных и простых, скромно совершающих подвиги в борьбе и труде.

Об идейном и художественном росте болгарских писателей свидетельствуют десятки переводов их романов, рассказов, стихотворений на многие иностранные языки. Болгарская литература перерастает за рамки национальных границ и служит делу защиты мира и демократии во всем мире.

За последние три года только на русский язык переведено более двадцати книг болгарских писателей и поэтов. Почетное место в этом ряду принадлежит современной литературе. «Перевал молодежи» Г. Караславова, «Новые рассказы» С. Даскалова, роман «По кручам» Х. Русева, «Военные повести» П. Вежинова, рассказы Л. Стоянова, К. Белева, К. Григорова и, наконец, сборник стихотворений «Поэзия борьбы и победы», представляющий творчество тридцати трех поэтов последнего тридцатилетия, — далеко не полный список произведений болгарской художественной литературы, которые изданы в нашей стране за последнее время.

Широкая и всесторонняя разработка темы антифашистского движения — большой вклад болгарских писателей в новую литературу. С. Даскалов в романе «Путь» не только вскрывает классовые противоречия в деревне накануне второй мировой войны, но и рассказывает о формировании политического сознания народных масс. Писатель создает образ положительного героя Гарчо, который батрачил у кулаков, работал подмастерьем в кузнице и, наконец, попал на фабрику. Рабочие вовлекают Гарчо в политическую жизнь, и он принимает участие в революционном движении. Биография героя романа — это история политического роста болгарского крестьянства, его вступления на путь сознательной классовой борьбы, в которой руководящая роль принадлежит рабочему классу.

В рассказах «Миленка», «Общественные деньги», «На службе» С. Даскалов дает зарисовки из жизни и быта болгарской деревни накануне освобождения. В селах проходят повальные обыски, аресты, бесчинствуют полицейские. Но им не под силу сломить волю к свободе революционно настроенных крестьян.

«По кручам» назвал свой первый роман Х. Русев. Опасным, трудным путем, по обрывистым кручам поднимались болгарские партизаны на восстание 9 сентября 1944 года. И они победили, так как с ними была народная правда, так как их вдохновляла на подвиги героическая борьба Советской Армии.

На венгерских равнинах, у озера Балатон, бок о бок с Советской Армией сражалась армия освобожденной Болгарии. Здесь впервые формировались черты тех новых людей Болгарии, с новой моралью и новым мировоззрением, которых показал П. Вежинов в своих военных повестях.

Книга Г. Караславова «Перевал молодежи», написанная в форме путевых очерков, представляет взволнованный рассказ о творческом труде болгарской молодежи, закладывающей основы своей счастливой жизни. Писатель, посвятивший много произведений подневольному труду в старой Болгарии, сейчас, повествуя, как молодежь республики прокладывает дорогу в горах, через Хаинбоаз, пишет с глубокой проникновенностью: «Трудовой энтузиазм, неведомый и неслыханный до сих пор нигде в Болгарии, ясное сознание огромного, неизмеримого значения морального единства всех людей бригады, товарищеская дружба, прекрасная, незабываемая дружба молодежи, собравшейся со всех концов страны, — вот что привлекает и, как магнитом, удерживает посетителей на Хаинбоазе».

Димитровской премии удостоены за поэтическое творчество Е. Багряна, В. Георгиев, Х. Радевский, Л. Стоянов и другие поэты, широко представленные в сборнике «Поэзия борьбы и победы». Этот сборник — поистине поэтическая история революционной борьбы, поэтическое повествование о трудовых победах болгарского народа.

Один из молодых поэтов, Д. Овадия, взволнованно обращается к родине:

Твой путь открыт, он манит нас вперед.
Свободна ты, любимая отчизна!
Так пусть идет твой трудовой народ
К сияющим вершинам коммунизма!

Своеобразие литературной жизни освобожденной Болгарии состоит в том, что наряду с новыми художественными произведениями, созданными за последний период, впервые появились в печати стихи, написанные до сентября 1944 года и запрещенные в годы фашистской диктатуры. Сюда относятся поэма Гео Милева «Сентябрь», запрещенные стихи Христо Ясенова и Сергея Румянцева, революционные стихи Николы Вапцарова, Цветана Спасова, Христо Кырпачева и других. Все они пали смертью героев в борьбе с фашизмом, но слава их бессмертна.

По новому пути пошло и развитие отечественной драматургии. Хочется отметить пьесы, посвященные революционной борьбе болгарского народа: К. Зидарова — «Царская милость», О. Василева — «Тревога» и Л. Стрелкова — «Разведка».

Молодая болгарская литература уже выдвинула ряд новых талантливых критиков, таких, как П. Зарев, С. Каролев, П. Данчев, неутомимо борющихся против пережитков буржуазной идеологии, решительно утверждающих элементы социалистического реализма.

Показывая строительство новой жизни в родной стране, болгарские писатели ясно видят, что это строительство озарено немеркнущим светом идей Ленина и Сталина, что путь к социализму проложен великим советским народом. Темой дружбы двух славянских народов, любви к Советскому Союзу, И. В. Сталину озарена и согрета вся современная болгарская литература.

Л. Стоянов в стихотворении «Русскому народу» пишет:

Братская дружба приносит обильные всходы,
Непревзойденной сердечностью озарена.
Русскую правду познав, прозревают народы,
С ней возмужала и выросла наша страна.

Советская литература для болгарских писателей всегда была школой политического и художественного воспитания. Если для классиков болгарской литературы прошлого века образцом были лучшие русские писатели тогдашнего времени, то все прогрессивные, революционные писатели и поэты последнего тридцатилетия учились на творчестве советских писателей и особенно на произведениях А. М. Горького и В. В. Маяковского. Болгарские писатели внимательно следят за развитием литературной жизни в СССР, проявляют большой интерес к ней и творчески воспринимают опыт развития советской литературы.

Болгарские писатели высоко ценят советскую литературу и учатся у нее. Благодарность и любовь к русскому народу, к советской культуре представляют собой один из основных мотивов их творчества. Сближению и укреплению литературных связей братских народов во многом способствовали поездки советских писателей в Болгарию и болгарских писателей в СССР.

Художественные произведения, появившиеся за последние годы в болгарской литературе, — свидетельство ее неуклонного движения по единственно правильному пути — пути социалистического реализма.

В. ЗЛЫДНЕВ

Лауреаты Димитровской премии

Людмил Стоянов.

Елисавета Багряна.

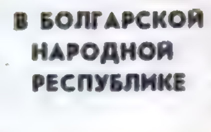
Георгий Караславов.

Передовой производственник шахты имени Г. М. Димитрова Борис Панчев.

Уборка знаменитого остинского табака на опытной станции, село Козарско, Пещерской околии.

Сбор винограда в Пловдивской околии.

Народный театр в городе София.
Фото Дим. Кацева

Растущее МАСТЕРСТВО

Гого ГОЧЕВ

Новая, народная власть такова, что она сама, будучи истинно народной властью, заинтересована сделать все возможное для обеспечения максимального развития искусства, говорил Г. М. Димитров на юбилее народной артистки Болгарии Адрианы Будевской. Мы помогаем людям искусства, поощряем их дарования... И это мы будем делать во все возрастающих размерах, ибо мы, вышедшие из недр народа, из низов, глубоко понимаем и лучше кого бы то ни было в состоянии оценить, каким огромным благом для народа является искусство.

Никогда на протяжении своей более чем вековой истории болгарский драматический театр не знал такого расцвета, как за истекшие шесть лет народной власти. Это и понятно. Впервые наши актеры и режиссеры получили возможность обратить свое искусство непосредственно к народу. И впервые столь широко пришло им на помощь искусство братского русского народа.

Все самое лучшее, наиболее прогрессивное и демократическое из того, что было создано болгарским театром прежде и создается ныне, неразрывно связано с учебой наших мастеров сцены драматическому искусству у русских прославленных театральных деятелей.

Крыстю Сарафов, Стоян Бычваров, Петко Атанасов, Елена Снежина, Стефан Македонский, Петр Рэйчев... Имена этих виднейших деятелей нашего отечественного драматического театра широко известны в Болгарии. Все они воспитывались на замечательных реалистических традициях Малого и Художественного театров. У великих русских артистов учились они не только сценическому мастерству, но и служению своим искусством народу.

Передовые деятели нашего театра во главе с Николаем Масалитиновым — ныне главным режиссером Софийского народного театра — прокладывали путь русской классической драматургии на болгарскую сцену даже в условиях буржуазного режима. И хотя реакция стремилась всячески помешать развитию прогрессивного течения в болгарском театре, насаждая низкопробный репертуар, ей не удалось отклонить болгарский театр от взятого им реалистического направления.

По-настоящему широкие перспективы для развития творческих сил болгарского театра открылись только с победой народного фронта.

За годы народной власти выросло количество театров в нашей стране. Сформированы театральные коллективы и созданы театры в городах Габрово, Сливен, Горна Джумая, Коларовград, Плевен. Вырос и творчески окреп способный коллектив Народного театра молодежи в Софии, основанного всего пять лет назад.

Ведущее место в репертуаре болгарского театра заняли русские классические и советские пьесы. Именно они больше всего интересуют наших зрителей.

По всем театрам страны прошли пьесы А. М. Горького: «Егор Булычев», «Васса Железнова», «Мещане», «Враги», «На дне». Постановки этих пьес стали школой мастерства для наших актеров.

Талант одного из любимейших в Болгарии актеров, Крыстю Сарафова, по-новому раскрылся в роли Егора Булычева. С глубоким проникновением в идейное содержание образа, ярко и убедительно рисует маститый актер противоречивый облик Булычева.

Широкое признание болгарских зрителей завоевали пьесы советских драматургов: К. Симонова, А. Афиногенова, Вс. Иванова, Б. Лавренева, А. Корнейчука, С. Михалкова, А. Григулиса.

Наших зрителей глубоко волнуют темы и образы советской драматургии. Большим успехом пользуются спектакли, посвященные борьбе за мир, разоблачающие происки поджигателей новой войны. Болгарских зрителей увлекает в советских пьесах пафос социалистического труда, борьба за новое, прогрессивное.

С радостью встречают наши зрители и первые произведения новой отечественной драматургии. Значительным событием в культурной жизни страны явилась постановка пьесы К. Зидарова «Царская милость». Эта пьеса, действие которой происходит во время первой мировой войны, рассказывает о самоотверженной борьбе болгарского народа с произволом династии Кобургов. Интересное произведение о героях движения сопротивления — «Разведка» — написал драматург Л. Стрелков. «Разведку» с успехом поставил Народный театр молодежи.

Следует также отметить пьесы О. Василева «Тревога» — о движении сопротивления, Н. Икономова по роману К. Велкова «Село Борово» — о восстании 1923 года, А. Гуляшки «Заказ правительства» — на производственную тему.

Однако болгарская драматургия еще отстает от растущих требований зрителей. У нас почти нет пьес о трудовых буднях народа, о его сегодняшнем дне.

Болгарский театр вступил в период преуспевания. Год от года все более идейно зрелыми и художественно полноценными становятся его спектакли. Новые пополнения артистов выходят из молодого театрального училища, в работе которого широко используется опыт советского сценического искусства.

Присуждение Димитровских премий, присвоение почетных званий народных и заслуженных артистов наиболее выдающимся деятелям болгарского театра говорят о признании народом их заслуг.

«Егор Булычев» М. Горького на сцене Софийского народного театра. Булычев — народный артист Крыстю Сарафов, Глафира — Магда Колчакова.

«Молодая гвардия» по роману А. Фадеева на сцене Софийского народного театра. Вечеринка у Кошевых.

ТАЛАНТЛИВЫЙ АРТИСТ

Могучий голос певца завладевает притихшим залом. Иван Сусанин, русский крестьянин-патриот, прощается с родной землей. Он выполнил свой долг. Изнуренные враги спят на снегу, но близок час их гибели. Москва спасена.

«Ты взойди, взойди, заря...»

Нет такого подвига, которого не смог бы совершить русский человек, нет силы, которая безнаказанно могла бы посягнуть на его любимую родину.

Бурей гремит овация народному артисту Михаилу Попову — гордости Софийской народной оперы. Зрители аплодируют не только талантливому певцу, но и созданному им образу пламенного патриота, оберегающего родину от покушения врагов.

Спектакль окончен, опустел зрительный зал, и мы в гримерной...

Артист с волнением рассказывает о своей работе над образом Ивана Сусанина:

— В роли Сусанина мне хотелось передать мужественные черты истинного патриота, воплотить в нем одного из простых людей народа, о которых говорил товарищ Сталин. Такие люди стоят на страже родины и, если потребуется, сумеют защитить ее.

Попов вспоминает дни работы над ролью:

— Трогателен Сусанин в семье, рядом с любимыми детьми. Но тут же он, быть может, обрекает на гибель подростка-сына, посылая его донести весть о приближении врагов. Так и должен был поступить верный сын народа. И в текстовом, и в музыкальном содержании роли, и обращаясь к различным литературным источникам (особенно мне помогла книга Б. В. Асафьева о Глинке), я пытался понять те свойства своего героя, которые привели его к свершению великого подвига, стоившего ему жизни.

Нашему народу, испытавшему в прошлом гнет и насилие захватчиков, понятна ненависть русского народа к вероломным захватчикам. Патриот Иван Сусанин знал, против кого борется и во имя чего умирает.

Большая и упорная работа Михаила Попова, пользовавшегося постоянной помощью советского режиссера Е. Н. Соковнина, принесла артисту в роли Ивана Сусанина заслуженный успех.

Тридцать лет выступает Михаил Попов на софийской сцене. Десятки ярких, правдивых образов созданы им: Мельника в «Русалке», князя Галицкого и Кончака в «Князе Игоре», Гремина в «Евгении Онегине» Кецала в «Проданной невесте», Мефистофеля в «Фаусте», Базилио в «Севильском цирюльнике». Его видели в ведущих ролях в «Хованщине», «Фальстафе», «Дон Жуане». Сотни тысяч слушателей в концертных залах знают Попова как замечательного исполнителя массовых песен. Но образ Сусанина, который учит самоотверженно бороться за мирную жизнь, против сил угнетения и порабощения, остался самой любимой ролью артиста.

Бачо БАНОВ

←

Народный артист М. Попов в роли Ивана Сусанина.
Рисунок пастелью Руски Мариновой.

Две картины

Темы современности прочно завоевывают ведущее место в искусстве народной Болгарии. Сегодняшняя жизнь страны находит яркое выражение в произведениях живописи, скульптуры, графики. Овладение подлинно реалистическим мастерством помогает живописцам Болгарии создавать идейно-насыщенные картины, доступные широким массам трудящихся.

Работа Колю Денчева — Сергея Ивойлова «Встреча» символична для современной Болгарии. Новая жизнь пришла на ее поля. Настал день трактора. Этот день изобилия и богатых урожаев удачно отображен и в композиции художника Панайота Панайотова «На молотьбе».

Колю Денчев — Сергей Ивойлов. ВСТРЕЧА.

Панайот Панайотов. НА МОЛОТЬБЕ.

КАЛИН ОРЕЛ

Калин Орел (артист Иван Димов) на каторге в каменоломнях Черного острова.

Это произошло в семидесятых годах прошлого столетия. В Болгарии вспыхнуло восстание, самое большое за всю историю борьбы с турками, под властью которых почти пятьсот лет страдал болгарский народ. Наместники султана в поисках партизан сжигали деревни, убивали женщин и детей. На помощь восставшим пришли русские солдаты. Народ восторженно встретил своих освободителей.

События тех лет, имена героев борьбы с турками бережно хранятся в памяти народной. И одним из самых знаменитых героев восстания наряду с Христо Ботевым и Василем Левским был школьный учитель из Каменова по имени Калин Виденов. За выдающиеся подвиги народ прозвал его Орлом.

Этим славным годам в истории болгарского народа и герою освободительной борьбы посвящен первый болгарский художественный фильм «Калин Орел».

Мы не видим на экране самого восстания, о нем рассказывает в первом эпизоде фильма служащий французского посольства Жан своей ученице Эдит. Между восстанием и временем действия кинокартины проходит пятнадцать лет. Но несмотря на победу и то, что договор в Сан-Стефано закрепил государственную независимость Болгарии, многие из руководителей восстания еще томились к тому времени на турецкой каторге — Черном острове. Среди них был и Калин Орел.

Работая в каменоломне, Калин во время подготовки взрыва породы спасает от гибели приехавшую на прогулку Эдит. В благодарность за это девушка вместе с Жаном устраивает побег Калина с каторги.

И вот герой освободительной борьбы после пятнадцатилетнего отсутствия возвращается на родину. Он мечтает увидеть народ свободным и счастливым, но первые же встречи и впечатления заставляют Калина насторожиться. По дорогам Болгарии стражники ведут арестованных; дом самого Калина разграблен, и там живет местный богатей Чорный; наемники Чорного громят типографию социалистов...

После беседы со своими старыми боевыми друзьями — дедушкой Стояном и кузнецом Атанасом — Калин Орел понимает все. Плодами победы воспользовались фабриканты, помещики и кулаки. Они захватили в стране власть и продолжают угнетать народ.

Калин быстро принимает решение. Он становится на сторону подлинных патриотов, начинающих борьбу против социальной несправедливости. Встревоженные богатеи превосходно понимают, как опасен для них вернувшийся Орел, и наемный злодей убивает героя.

На могиле Калина его друзья и соратники клянутся бороться за то дело, которому он отдал жизнь. Так кончается фильм. И зрители, сидящие в зале кинотеатра, знают, что потомки героя сдержали слово, данное его друзьями. Ныне свободный болгарский народ успешно строит социализм под руководством болгарской коммунистической партии.

Фильм «Калин Орел» прошел с большим успехом по городам и селам Болгарии. Правительство Народной республики удостоило фильм Димитровской премии. Показанная на международном кинофестивале в Карловых Варах, картина «Калин Орел» получила почетный диплом.

Фильм правдиво и убедительно раскрывает образ народного героя, который превыше всего ставил борьбу за счастье простых людей, за счастье рабочих и крестьян. Сосредоточив свое внимание на показе разнообразных черт характера героя, сценарист Орлин Василев и режиссер Борис Борозанов сумели показать все свободолюбие, честность и самоотверженность Калина.

Удача центрального образа во многом определяется превосходной игрой народного артиста республики Ивана Димова. Калин Орел в исполнении Ивана Димова надолго запоминается зрителю.

Среди остальных исполнителей следует отметить артистку Петрану Ламбринову, правдиво сыгравшую Эдит, народного артиста республики Константина Кисимова, создавшего колоритный образ сподвижника Калина — дедушки Стояна. Очень непосредственен Пете Димов в роли подростка Петрчо.

Фильм с большим вкусом снят оператором Василем Холиолчевым, запечатлевшим своеобразие природы Болгарии и передавшим исторический колорит изображенных в картине событий.

Сейчас в национальной киностудии идет работа над фильмом «Тревога» по одноименной пьесе Орлина Василева, удостоенной Димитровской премии. Фильм повествует о том, как в годы второй мировой войны болгарские партизаны боролись против фашистских поработителей, как они верили, что освобождение придет с востока, из Советского Союза.

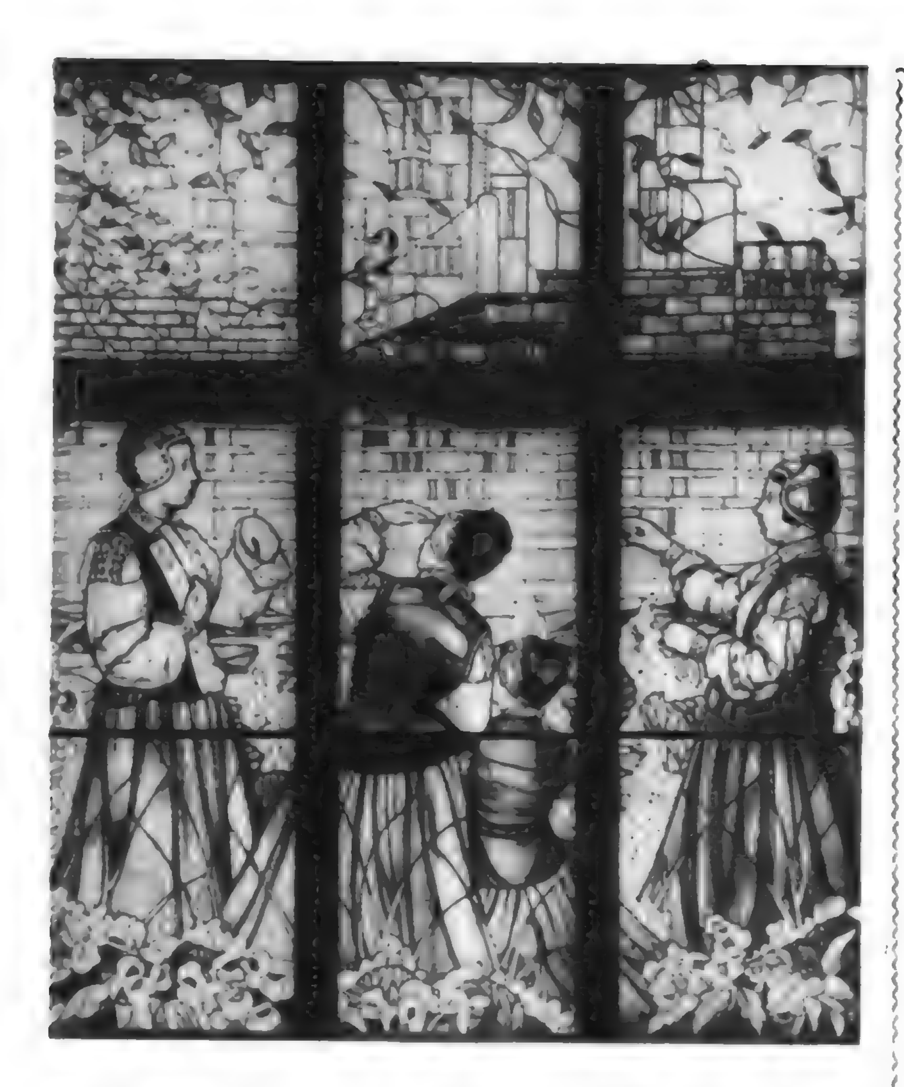
Народное правительство Болгарии уделяет большое внимание развитию национального киноискусства. Наиболее талантливые представители кинематографической молодежи обучаются в высших учебных заведениях. Недалеко от Софии, у подножья горного массива Витош, идет строительство кинограда, который будет оборудован с учетом новейших достижений кинотехники. Эта огромная киностудия сможет выпускать ежегодно по нескольку десятков полнометражных фильмов.

Киноискусство Болгарии родилось в тот год, когда в стране была установлена власть народной демократии. Растущее искусство свободной страны достойно своего замечательного народа.

Вл. КАГАРЛИЦКИЙ

Калин Орел (артист Иван Димов) беседует со своим старым другом дедушкой Стояном (артист Константин Кисимов).

Витраж К. Бренцена «Лиго» (народный праздник весны).

Искусство витража

В солнечный день вы всходите по лестнице старого дома. Веселые световые блики падают на ступени. Вы поднимаете глаза и видите перед собой целую световую картину. Лучи солнца играют в цветных стеклах окна. Глубокой лазурью, пурпуром, темной морской зеленью отливают они, загораются алым пламенем, сгущаются молочной белизной. Это витраж, картина, созданная из цветного стекла.

Во многих зданиях Риги и других городов Латвии можно увидеть витражные окна. Встречаются они и в Москве и в Ленинграде. Еще в XVIII веке в Петербургском художественном училище Штиглица занимались изготовлением незатейливых витражей. Видные художники увлекались этим своеобразным и эффектным искусством. В Государственной Третьяковской галерее сохранились такие работы Врубеля. К. Бренцен, ныне профессор Академии художеств Латвийской ССР, отдал витражному делу более сорока лет своей жизни.

В Риге, в залах Союза советских художников Латвии, внимание посетителя сразу же приковывают яркие и радостные витражи Бренцена. Вот, например, большое многоцветное стекло, изображающее эпизод народного латышского праздника «Лиго». Краски этой картины словно напоены солнцем. Нарядные костюмы девушек, молодая листва, яркие цветы — все радует глаз. Другой витраж работы того же мастера — портрет Лачплесиса, героя народного латышского эпоса.

Рижский архитектор Д. Соколов перевел на витраж известную картину Ф. Богородского «Слава павшим героям», доказав тем самым правомерность создания витражных «копий» произведений живописи. Им также выполнен в витраже Герб Советского Союза.

Старые мастера пользовались стеклами двух — трех красок. А ныне Всесоюзный научно-исследовательский институт стекла освоил способы производства красок, с помощью которых можно передать в витраже все цвета палитры. Ясно, что тем самым витражному делу открыты широчайшие перспективы.

Поистине трудно перечислить возможности применения витражей в современных зданиях. В клубах, библиотеках и школах, на вокзалах и в гостиницах, в лестничных клетках жилых домов и административных зданий — везде витражные окна могут послужить украшением. Для наших архитекторов, давно уже с успехом применяющих в зодчестве элементы живописи, мозаики, резьбы по камню и скульптуры, витраж явится ценным подспорьем.

Следует указать на долговечность витражей: хорошо выполненные произведения этого искусства сохраняются на протяжении многих десятилетий.

К сожалению, искусство это ныне забыто; им занимаются только отдельные любители. Между тем возможности его очень велики, и есть все основания говорить о необходимости его возрождения.

К. МУРАВЬЕВ

НОВОЕ О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ДРАМАТУРГЕ

А. Н. Островский. 1850 год.

Сто лет назад в журнале «Москвитянин» (№ 6 за 1850 год) была впервые напечатана комедия А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся», ранее известная из рукописных списков под названием «Банкрот».

Передовые русские люди высоко оценили эту пьесу, прославившую молодого автора. Н. В. Гоголь признал и благословил талантливого писателя. Известный общественный деятель и литератор, друг Пушкина и Глинки Владимир Федорович Одоевский («Дедушка Ириней») писал: «Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума» и «Ревизор». На «Банкруте» я ставлю номер четвертый».

А. Ф. Писемский выразился так: «Банкрот» — купеческое «Горе от ума», точнее сказать «Купеческие мертвые души».

Правительственным кругам пьеса показалась опасной: управляющий третьим отделением царской канцелярии Дубельт, известный гонитель А. С. Пушкина, запретил к постановке на сцене комедию «Банкрот» еще до ее напечатания.

В Москве с пьесой знакомились из уст самого автора, который вместе с Провом Михайловичем Садовским читал ее в дворянских гостиных, в купеческих особняках, в трактирах — этих своеобразных тогда литературных клубах.

После длительных цензурных запретов, под давлением общественного мнения пьеса была наконец напечатана в 1850 году (хотя и с купюрами) под новым названием — «Свои люди — сочтемся» — в журнале «Москвитянин».

По напечатании комедия обратила на себя внимание так называемого «Бутурлинского комитета», учрежденного императором Николаем I для того, чтобы «не допускать и пресекать вольные мысли». По представлению комитета, Николай I признал пьесу вредной и приказал доложить ему об авторе.

1 (13) июня 1850 года Дубельт представил царю доклад «О губернском секретаре Островском», вызвавший распоряжение о писателе: «Иметь под присмотром».

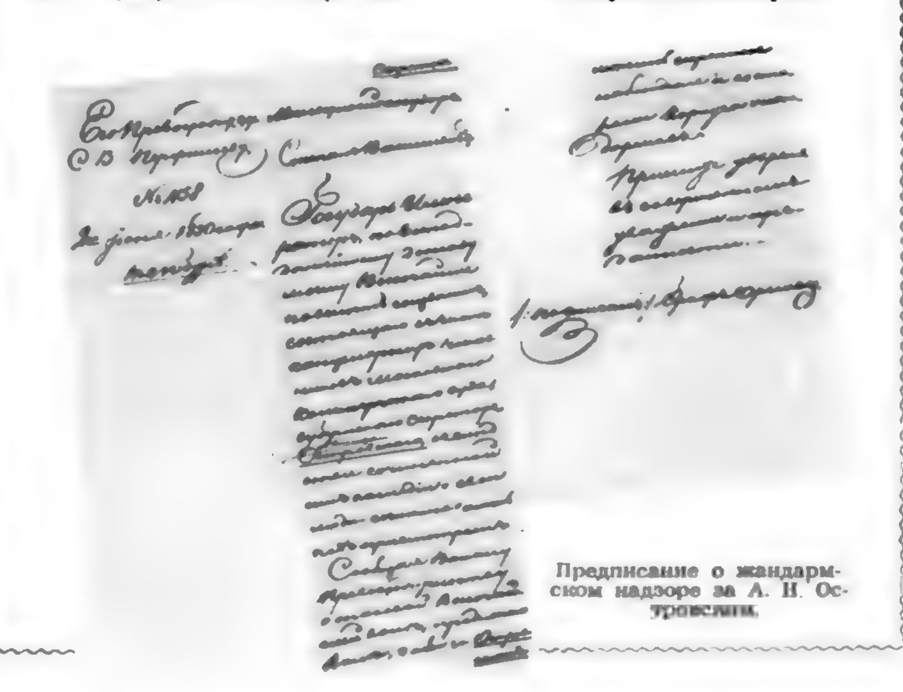
Начальнику 2-го округа корпуса жандармов в Москве генералу Перфильеву предложено было вести за Островским, кроме негласного надзора полиции, еще и секретное наблюдение со стороны корпуса жандармов.

Это обстоятельство ускользнуло от внимания биографов Островского. Между тем «негласный» и «строго секретный» надзор тяжелым бременем лег на писателя.

Полицейский надзор был снят с А. Н. Островского после смерти Николая I, но «секретные» наблюдения жандармерии продолжались еще долго. Из архивного материала видно, что они проводились и после 1861 года. Это был год первой постановки комедии на сцене, хотя и в «искалеченном», как говорил об этом сам Островский, виде.

Только после длительных и мучительных хлопот пьеса была наконец допущена к постановке в первой своей редакции на сцене частного, так называемого «Пушкинского театра» в Москве в 1881 году.

В. Охременко-Назарова

Предписание о жандармском надзоре за А. Н. Островским.

Честь флага

В. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта

Когда спортсмен добивается редкой, ожидаемой иногда годами, полной зрелости спортивной формы, это бросается в глаза каждому. Перед началом соревнований такой спортсмен спокоен и весел, полон сил, энергии и жажды борьбы. Его движения легки и непринужденны, а в глазах искрится задорный огонек. Именно в таком состоянии принимал старт в 150-километровой гонке на первенство столицы 1950 года один из самых молодых московских мастеров спорта, Владимир Климов, стройный юноша с черными, сросшимися бровями.

Несмотря на свою молодость, ему всего двадцать три года, Климов уже более трех лет носит звание мастера спорта СССР. Еще школьником Володя занимался спортом: летом — академической греблей, зимой — лыжами. В 1945 году, будучи студентом механического техникума, Климов стал увлекаться велосипедом. С необычайной легкостью овладевал он сложной техникой езды по пересеченной местности. Благодаря своей спортивной одаренности и всесторонней физической подготовке Климов быстро вырос из новичка в мастера. Три года подряд, с 1946 по 1949, Владимир добивался звания чемпиона столицы по кроссу. Он стал и одним из сильнейших велосипедистов в гонках по шоссе.

И теперь ему предстояло участвовать в труднейших шоссейных соревнованиях. Надо пройти 150 километров.

Гонка сразу же началась в сильном темпе. Она требовала колоссального напряжения сил и от зрелых мастеров. Но Климов шел словно играючи. Многочисленные крутые повороты, на которых большинство гонщиков резко тормозило, Климов мастерски преодолевал, не сбавляя скорости.

Но вот на одном из поворотов произошел непредвиденный случай. Кто-то из гонщиков проколол шину. Вместо того, чтобы отойти в сторону и там заняться ремонтом, велосипедист начал осматривать машину прямо на дороге. В это время из-за поворота выкатилась группа других гонщиков. Произошло столкновение, и несколько спортсменов полетело на асфальт. Среди упавших был и Климов.

Вскочив на ноги, он увидел, что переднее колесо велосипеда и вилка погнуты, ехать дальше невозможно. В ушибленном колене вспыхнула острая боль. Пока товарищи торопливо готовили Климову новую машину, он прилег на траву.

Через минуту-другую в отдалении послышался автомобильный гудок.

— Вставай, парень! Вот и скорая помощь! — сочувственно сказал кто-то.

Климова словно подбросило с земли. «В больницу? Нет! — пронеслось в сознании.— Нет, нет! Но не поздно ли теперь догонять товарищей?» Ведь если Климов отстанет от них на круг, судьи все равно снимут с соревнований. Таковы правила.

Владимир стоял в нерешительности. Что же, все-таки, делать?

— Догонять нужно! Догонять! — неожиданно раздался чей-то голос.

Климов обернулся и увидел незнакомого ему летчика-майора. Рядом стояли и другие военные с голубыми солдатскими и окантованными голубым офицерскими погонами.

— Если все сойдете, кто же за команду нашу бороться будет? — продолжал летчик.

И вот тут почувствовал Климов, какую огромную ответственность налагала на него обтягивающая грудь полосатая спортивная майка. Ее желто-голубые полосы повторяли цвета флага Военно-Воздушных Сил СССР. Именно поэтому и хотели летчики, чтобы Климов продолжал гонку. Они стремились и в спортивных соревнованиях хранить честь своего флага.

Мастер спорта В. Климов

Сам Климов не был летчиком, он только еще готовился к работе в авиационной промышленности, но он уже и теперь принадлежал к спортивному коллективу ВВС. И это обязывало его защищать цвета военно-воздушного флага до последних сил, до последней возможности.

Владимир решительно обернулся к летчику-майору и сказал:

— Догоню!

Климов вскочил в седло и нажал на педали.

— Давай, давай!.. Узнаем наших! — крикнули летчики вслед.

Сначала Климову трудно было «раскрутиться». Ныла нога... Но постепенно, стараясь не обращать внимания на боль, Владимир втянулся в сильный темп.

— Просвет—четыре минуты!—услышал Климов уже знакомый голос майора, когда снова проходил мимо места, где случилось злосчастное падение.

Почти рядом шли еще два гонщика из спортивного коллектива ВВС.

— Нет, не догнать! — сказал Владимиру его одноклубник Баятрушевич.

— Нажимай, догоним! — обернулся Климов к товарищу.

— Я уже десять кругов не могу догнать! А просвет большой!

В другое время Климов, может быть, и не придал бы этим словам большого значения. Но сейчас он встретил их почти враждебно. Нет, нельзя сдаваться! Просвет надо уменьшить, свести его на нет! Нельзя отказываться от борьбы! Не имеет он права быть малодушным.

Переключив цепь на самую большую передачу, Владимир заработал ногами изо всех сил. Вот когда пригодилась его превосходная подготовка к соревнованиям. Несмотря на сильный встречный ветер, Климов шел с отличной, все больше нарастающей скоростью. Его упорство быстро завоевало симпатии зрителей.

— Давай, Климов! Нажимай, Володя! — доносилось из плотного кольца зрителей, стоявших вдоль трассы гонок.

Климов шел во всю силу, охваченный горячим желанием догнать ушедших вперед велосипедистов. Неожиданно налетела гроза с ливнем. Дорога стала скользкой. По лицу хлестали струи воды. Идти было все трудней и трудней. Но Климов не сбавлял темпа. Он не чувствовал усталости, хотя позади уже больше 80 километров.

— Прибавь, Климов! Достаешь! — крикнул кто-то из публики.

Владимир усилил и без того высокий темп. Наконец он увидел впереди плотную стайку гонщиков. «Головная группа! — понял Климов. — Наконец-то догнал!». Молодой спортсмен почувствовал себя почти победителем. Но до полной победы было еще далеко. Мало увидеть впереди себя лидирующих гонщиков. Надо и догнать их, надо и перегнать.

Климов мобилизовал все свои силы и волю. Проехав еще круг, он вплотную подошел к головной группе. Это случилось как раз около здания Военно-Воздушной академии. Тут стояло много военных в летной форме. Они шумно зааплодировали.

— Браво, Климов! Теперь двигай на первое место! — закричали летчики.

Сорок километров догонял Климов головную группу. Теперь он ее перегнал и сам повел гонку.

* * *

И вот уже соревнования приближаются к концу. У финиша собралась огромная толпа зрителей.

— Последний круг! — объявляет радиодиктор.

На трассе между гонщиками разыгрывается финал напряженной борьбы. Головная группа — на редкость многочисленна. В ней идет двадцать три человека из сорока восьми, принявших старт. Головная группа на бурном темпе неслась вперед, все время меняя свои очертания: вперед выдвигался то один, то другой гонщик.

До финиша осталось не больше 300 метров. «Нужно выиграть! Обязательно выиграть!» — решает Климов и неистово жмет на педали.

Крики зрителей слились в один сплошной гул. Владимир сжимается в комок и последним мощным рывком выталкивает машину на белую черту финиша. Он заканчивает гонку первым.

Среди поздравлявших Владимира Климова зрителей были и те летчики, которые помогли ему решиться продолжать соревнования.

Климов был счастлив, что он оправдал их надежды.

Вратарь тбилисской команды «Динамо» В. Маргания в попытке взять одиннадцатиметровку.

Фото Л. Сыр[illegible].

Удар с одиннадцати метров

Судья Александр Щелчков все чаще поглядывал на стрелку секундомера. Матч подходил к концу. В щитах бетонной трибуны стадиона круглели метровые нули.

Вдруг стадион охнул многотысячным, разноголосым гудом. Кто-то из защитников схватил мяч рукой. Раздался серебристый звук судейской сирены, и Щелчков, взяв мяч в руки, понес его к белой точке, с которой бьют одиннадцатиметровый штрафной удар.

Все замерли. И команды и зрители понимали, что вот сию минуту может решиться и судьба этой полуфинальной встречи и, вероятно, судьба хрустального «Кубка СССР». До конца игры оставались считанные секунды.

Раздался свисток. И в мертвой тишине огромного стадиона все услышали короткий тугой звук — «тбум». По мячу резко хлестнула кожаная, крепко затянутая бутса.

— Го-о-ол! — пронеслось по трибунам.

Судья посмотрел на секундомер и увидел, что стрелке осталось пробежать пятнадцать последних делений. Со счетом 1 : 0 на 90-й минуте встречи московская команда «Спартак» выиграла в Ленинграде у «Динамо» полуфинальный матч на «Кубок СССР». Мяч, точно забитый с одиннадцатиметрового удара, был послан в ворота Георгием Глазковым.

В историю нашего футбола Глазков вошел как замечательный мастер одиннадцатиметровых ударов. Хладнокровие и собранность, воля и высокая техника удара позволили ему за двенадцать лет выступлений забить 34 гола с одиннадцатиметровых штрафных ударов. Многие из них решили судьбу самых ответственных матчей.

Что же такое одиннадцатиметровый штрафной удар? Почему он редко встречается в матчах? Почему в спортивных отчетах всегда отмечают этот удар? Наконец, почему на стадионах так известны игроки — «специалисты» по одиннадцатиметровому удару и вратари, парирующие эти удары?

Для этого посмотрим параграф 14-й правил игры в футбол. Там сказано, что этот удар производится с одиннадцатиметровой отметки. Мяч, забитый непосредственно с одиннадцатиметрового удара, засчитывается. Если назначена одиннадцатиметровка, а время первой половины или всей игры истекло, прибавляется время для выполнения удара. Если защищающаяся команда нарушит правила и мяч не будет забит, удар повторяется.

До удара все игроки, за исключением вратаря и футболиста, производящего удар, должны находиться за пределами штрафной площадки и не ближе, чем в 9,15 метра от мяча.

Такова опасность этого удара, являющегося, как шутят игроки, «высшей мерой наказания» в футболе.

Одиннадцатиметровый удар назначается судьей во всех случаях, когда во время матча в пределах штрафной площадки (причем не обязательно в момент нахождения там мяча) игрок защищающейся команды сделает «подножку, ударит противника ногой, рукой или прыгнет на него; будет нести, бросать, останавливать или ударять мяч рукой, будет толкать противника рукой или держать его».

Итак, правила футбола разъясняют, что грубость в пределах штрафной площадки влечет для защищающейся, нарушившей правила команды назначение одиннадцатиметрового удара. А этот удар сводится к поединку между вратарем и бьющим игроком. Если учесть, что игроку никто не мешает и что мяч после удара летит со скоростью около 70—80 километров в час, то станет очевидным, что одиннадцатиметровый удар в большинстве случаев должен заканчиваться голом.

За 30 туров футбольного чемпионата этого года были назначены 50 одиннадцатиметровых ударов. 40 из них были удачны, 2 отразили вратари (В. Грачев и О. Броховецкий), и 8 ударов были неточны: мяч ушел мимо ворот.

Техническое выполнение одиннадцатиметрового удара весьма разнообразно. Все же большинство наших игроков в этом случае применяет так называемый прямой удар подъемом. Многие бьют внутренней стороной ступни — самым точным ударом,— реже применяют удар носком.

Ныне в наших лучших командах нет уже «монополистов» по одиннадцатиметровым ударам. В команде московского «Динамо» штрафной удар без защиты с одинаковым успехом могут производить Бесков, Конов, Карцев; в ЦДКА — Гринин, Демин, Николаев; в «Спартаке» — Дементьев, Рязанцев, Симонян; в «Торпедо» — А. Пономарев и Чайко.

В 11 минувших чемпионатах было назначено около 300 одиннадцатиметровых ударов. И свыше 30 из них взяли вратари. Лишь в прошлом году зафиксированы 7 локализированных одиннадцатиметровок. А. Леонтьев («Спартак») отбил удар киевлянина Гаврилюка, В. Саная («Динамо») парировал удар Федотова (ЦДКА), А. Зубрицкий (киевское «Динамо») взял мяч от харьковчанина Алимова и т. д.

Широко известны вратари заслуженные мастера спорта Анатолий Акимов и Алексей Хомич. Дважды — в 1940 и 1946 годах — Акимов взял одиннадцатиметровку в матчах с командами Болгарии. В 1945 году Хомич взял две одиннадцатиметровки, назначенные британскими судьями в Кардиффе и Глазго.

Но особенно большую славу приобрел популярный вратарь «Спартака» Владимир Жмельков. В сезонах 1938—1939 годов он отразил 7 одиннадцатиметровых ударов. Сохраняя хладнокровие, внимание и быстроту реакции, Жмельков сумел использовать малейшую неточность или неуверенность бьющего. Он рассказывал, что часто угадывал намерения партнера по глазам, выражению лица, малейшим движениям.

...Подходит к концу 12-й турнир советских футболистов. Впереди решающие игры на «Кубок СССР». Мы еще не раз будем свидетелями острых схваток у ворот зеленого поля. И пусть как можно реже судья будет вынужден указывать на белую точку одиннадцатиметрового удара. Это будет означать, что команды не нарушают правил игры.

Юр. ВАНЬЯТ

Казахстанская спартакиада

Две недели на стадионах и спортивных площадках Алма-Аты проходила Пятая республиканская спартакиада, посвященная тридцатилетию Казахской ССР. В соревнованиях участвовало 1500 спортсменов.

На спартакиаде было разыграно республиканское первенство в легкой атлетике, боксе и в национальных видах спорта. Интересно прошли соревнования в казахской борьбе «казакша-курес». Звания чемпионов завоевали кустанайский колхозник Т. Дюсенеев и рабочий Балхашского медеплавильного завода А. Селимбаев.

В живописных окрестностях Алма-Аты проводилось соревнование, которое называется по-казахски «джайлау-жарыс». Это трехкилометровый бег по сильно пересеченной местности. Борьба за первое место разгорелась между преподавателем Талгарского техникума механизации сельского хозяйства А. Исхаковым и учащимся средней школы Уйгурского района Б. Гантовым. Звание чемпиона республики по «джайлау-жарыс» завоевал Исхаков.

Командное первенство в спартакиаде завоевали спортсмены столицы Казахстана, на втором месте оказались карагандинцы. Во время соревнований установлено четырнадцать новых республиканских рекордов по легкой атлетике.

В. БЕЛЯЕВ

ПРИЗ ПАМЯТИ ВОЛОДИ ДУБИНИНА

Около десяти лет назад керчане часто замечали на вершине горы Митридат, возвышающейся над городом, загорелого, большеглазого мальчугана с алым галстуком на шее, с белокрылой моделью самолета в руках. Завидев его, мальчишки спешили на вершину горы:

— Володя Дубинин новую модель испытывает!..

Школьник Володя Дубинин по праву считался лучшим авиамоделистом Керчи. Его привыкли встречать на спортивных состязаниях пионеров города. Юный физкультурник был хорошим футболистом и неутомимым пловцом.

Осенью 1941 года, когда враг занял его родной город, 14-летний Володя Дубинин стал бесстрашным разведчиком партизанского отряда, действовавшего в знаменитых каменоломнях Старого Карантина близ Керчи. Юный герой был посмертно награжден орденом Красного Знамени. Его именем названы в городе одна из центральных улиц и средняя школа № 13. Имя Володи Дубинина хорошо известно всем школьникам нашей страны. О нем рассказывали «Пионерская правда» и книга Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына».

А недавно в Керчи состоялись состязания школьных команд города по баскетболу на приз имени Володи Дубинина, учрежденный городским комитетом физкультуры и спорта. Начиная с этого года в Керчи будут ежегодно разыгрываться призы имени Володи Дубинина по легкой атлетике, волейболу и баскетболу среди школьных спортивных коллективов города. Приз имени В. Дубинина по баскетболу в нынешнем году выиграла команда «Красный галстук» школы, которая носит имя славного пионера.

Пионер Володя Дубинин.

Африканские народные сказки

УМНЫЙ ЗАЯЦ

(Язык манде — Сенегал и Верхний Нигер)

Как-то ночью гиена сказала зайцу:

— Идем удить рыбу.

Они вместе пошли на реку, и скоро заяц поймал большую рыбу. Гиена из зависти решила рыбу украсть. Так как приходилось тут заночевать, то гиена под предлогом, что хочет похозяйничать в чужих огородах, перебралась на другой берег реки. Перед уходом она, чтобы отвести подозрения зайца, наказала ему быть ночью настороже:

— Не доверяй никому, друг заяц, тут кругом уйма воров; они, наверно, захотят украсть нашу рыбу. Еще раз напоминаю тебе: стереги крепко!

— Я понял, — ответил заяц, — можешь быть спокойна.

В полночь гиена, чтобы утащить рыбу, тихонько перебралась через реку. Но заяц хорошо стерег. Он схватил из костра головню и швырнул ее гиене в глаза, отчего та поспешила убраться обратно, на другой берег реки.

Утром гиена позвала с того берега зайца.

— Доброе утро! — кричала она ему. — Ты, выходит, дрался с ворами?

Заяц ответил, глядя на гиену и ухмыляясь:

— Да.

Тогда смутившаяся гиена добавила:

— Маленький ты какой, а рука у тебя крепкая. Ты не только прогнал вора и разбил ему морду, но удар твой был так силен, что искры от головешки посыпались на меня через реку и обожгли мне глаза.

НАКАЗАННАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

(Язык уолоф — Нижний Сенегал)

Гиена, всю ночь бегавшая, чтобы раздобыть пищу, упала в глубокую яму; карабкалась она, карабкалась, а выбраться не могла. Когда рассвело, стала она громко выть. Сердобольный бык подошел к яме и узнал несчастную. Сердце его было тронуто, но он не решался оказать гиене помощь.

Гиена просила быка спасти ее от беды, протянув ей хвост, за который она могла бы уцепиться, чтобы вылезти. Бык ответил, что он, к сожалению, не может оказать ей эту услугу, так как, выбравшись из ямы, она, гиена, его тотчас же съест.

Гиена клялась, что никогда такого коварства не совершит. Бык, доверившись обещаниям, протянул гиене конец хвоста, но та, как только оказалась вне опасности, кинулась на быка, чтобы его убить.

К счастью, проходил мимо слон. Услышав горячий спор, он решил навести порядок.

— Я сейчас рассужу вас, — сказал он. — Прекратите спор, чтобы я мог разобраться в деле и установить, кто из вас прав.

Выслушав быка и гиену, он сказал им:

— Вынести решение по этому делу трудно: сначала пусть каждый из вас вернется на то место, где он был раньше, а я потом буду иметь суждение.

И тотчас же он приказал гиене полезть обратно в яму, что та и сделала. Бык, избавившись от опасности, продолжал свою дорогу, а гиене пришлось подыхать в яме.

ХИТРАЯ ЛЯГУШКА

(Язык кимбуду — Ангола)

Рассказывают о слоне и лягушке, которой нравилась невеста слона. Лягушка сказала как-то невесте слона:

— Слон — моя лошадь.

Когда слон вечером пришел домой, невеста ему сказала:

— Ты лошадь лягушки.

Слон пошел к лягушке и спросил ее:

— Говорила ты моей невесте, что я твоя лошадь?

— Нет, я этого не говорила.

Тогда они пошли к невесте слона. По дороге лягушка сказала слону:

— Дедушка, у меня нет сил ходить пешком. Дай-ка я сяду на тебя.

— Взбирайся, внучок! — сказал слон.

Лягушка взобралась.

Прошло немного времени, и лягушка опять говорит:

— Дедушка, я падаю. Дай-ка я просуну тебе в рот веревочку и буду за нее держаться.

Слон согласился. Лягушка сделала, о чем просила.

Опять прошло немного времени, и лягушка говорит:

— Дай-ка я возьму зеленую ветку, чтобы отгонять от тебя мух.

— Возьми, — сказал слон.

Лягушка сломала ветку.

Когда они прибыли к невесте, та их приветствовала, воскликнув:

— Слон, ты и впрямь лошадь лягушки!

Почему мы так говорим

ЧИТАТЬ ЛЕКЦИИ Доклад делают. А лекцию читают. Да и самое слово «лекция» значит «чтение», а «лектор» — «чтец». Между тем никакой книги перед лектором нет, и ничего он не читает.

В средневековых университетах овладение науками сводилось к изучению произведений признанных церковью авторитетов. Основным видом занятий было чтение. Преподаватель читал книгу и объяснял, толковал недостаточно понятные места. Книгопечатания еще не было, книгу переписывали от руки, и была она дорога и мало доступна. Чтения приобретали особое значение. От этих времен и сохранилось относящееся к занятиям в высшей школе выражение «читать лекции», хотя бы никакой книги перед лектором и не было.

Книга для чтения перед большим числом слушателей должна была писаться очень крупными буквами. Поэтому старинные книги достигали громадных размеров: до полуметра и больше. Поскольку они представляли большую ценность, их в некоторых книгохранилищах прикрепляли к столам цепями.

ЗАБОР Забор — достаточно мирное сооружение. К тому же забором именуют главным образом деревянную ограду. Но происхождение этого слова далеко не мирное.

В дни разгрома фашизма в сводках появилось слово «Бранденбург». Когда-то здесь жили славяне. Славянские названия (а их много в немецком языке) постепенно онемечивались. Бранденбург — одно из них. Это — искаженное славянское «Бранибор», то есть «бранный бор». Некогда «брань» значило сражение, бой. И сейчас еще живо выражение «на поле брани». «Бранный бор» был военной крепостью славян.

Оборонительные сооружения делали главным образом из земли и дерева. Простейшими были вбитые или выкопанные сплошные ряды бревен или кольев. Сегодняшнее слово «забор» и напоминает нам об этих рядах вкопанных кольев. В словах «бор», «забор», «оборона», «броня» (а также в украинском «заборона» — «запрет») — общая основа.

И. УРАЗОВ

Болгарская сатира

Карикатуры Ил. Бешкова.

ПЛАН МАРШАЛЛА

Как поддерживается американское кровообращение.

«КОНЕЦ» ФРАНКО

— Куда ведете, синьоры, в Нюрнберг?!

— Нет, ваше превосходительство, в Лейк-Саксесс...

Британский лев и американский ковбой на Ближнем Востоке

К истории танка

315 ПРИКАЗОВ О ДЕЙСТВИЯХ ТАНКИСТОВ

Военная история не знает таких темпов, которые могли бы сравниться с темпами операций Советской Армии.

Поход войск Наполеона на Москву развивался со средней скоростью 10 километров в сутки. Знаменитое наступление немцев на Париж в 1914 году, то есть уже в эпоху развития железных дорог и автомобильного транспорта, проходило с такой же скоростью. А когда первая мировая война приняла позиционный характер, наступательные операции протекали с темпами, равными всего лишь 1—2 километрам в день, и в глубину не превышали 100 километров.

Лишь сталинская военная наука, высокое оперативное мастерство советского командования, прекрасная боевая выучка солдат и офицеров, вооружение Советской Армии первоклассной боевой техникой резко изменили представление об оперативных темпах.

Советские танкисты сломали рутинные взгляды буржуазных теоретиков на танк, как на «сезонную» машину, пригодную лишь для летних операций. Они громили врага в любое время года, в любой природной обстановке. Недаром отличные боевые действия наших танкистов были 315 раз отмечены в приказах Верховного Главнокомандующего.

Уместно вспомнить, что американские войска, высаженные на берег Нормандии при запоздалом открытии так называемого второго фронта, хотя и были вооружены до зубов современной техникой, продвигались по Франции с совершенно ничтожной скоростью. Командовал ими генерал Омар Брэдли, ныне один из новоявленных пророков атомно-водородного блицкрига.

ИНТЕРВЕНТАМ НЕ ВЕЗЕТ

Первый советский танк был выпущен в 1920 году. Строили его совместно три завода. Ижорский завод взял на себя изготовление броневых листов для корпуса танка, Московский автомобильный завод АМО делал моторы, а Сормовский производил сборку боевой машины. Владимир Ильич Ленин лично интересовался этими работами, требовал справок, знакомился с техническими чертежами.

На Сормовском заводе собрали 16 танков. Кроме них Советская Армия в годы гражданской войны имела еще до 100 танков английских и французских марок. Эти машины, доставленные в Россию стараниями Черчилля, были захвачены Красной Армией в боях с белогвардейцами и интервентами.

Интервентам определенно не везет. Танки, на которых Китайская народная армия разгромила гоминдановцев, были завезены в Китай американскими империалистами для Чан Кай-ши.

Теперь история повторяется в Корее.

ТАНК ИНЖЕНЕРА МЕНДЕЛЕЕВА

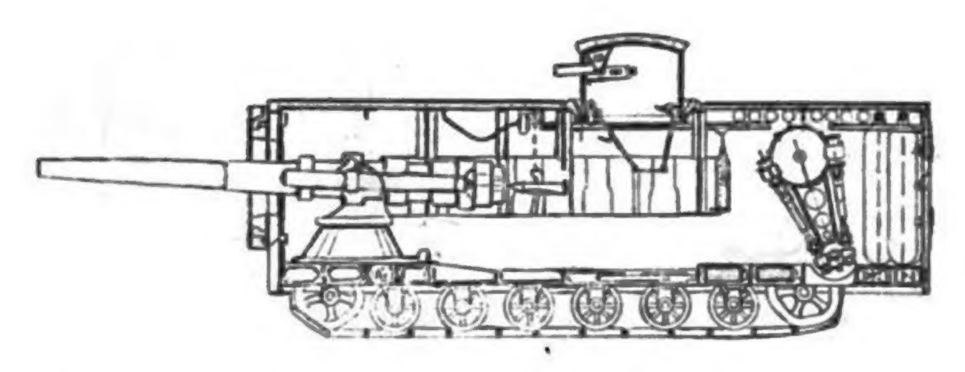
Еще в 1911 году инженер В. Д. Менделеев, сын знаменитого ученого Д. И. Менделеева, предложил военному министерству проект первой в мире бронированной тяжелой боевой машины (которая сейчас носит название «танк»). К сожалению, из-за косности и рутины царских чиновников этот проект не был использован.

Сохранившиеся чертежи обнаруживают смелость и оригинальность конструкции инженера Менделеева, намного опередившего технику Запада.

Взгляните на продольный разрез танка Менделеева. Наверху видна пулеметная башенка, вращающаяся на 360 градусов. Впереди, в носовой части корпуса, — пушка крупного калибра (120 мм). Она защищена броневой маской. Пушка при помощи электрических механизмов поворачивалась вместе с маской. Подача снарядов была также механизирована.

При стрельбе из пушки танк опускался всем корпусом на грунт, чтобы предохранить машину от вредного влияния отдачи. Такое же конструктивное решение немецкие инженеры нашли лишь в 1942 году для тяжелой самоходной артиллерийской установки.

Менделеев применил сжатый воздух для придания упругости подвеске опорных катков, вращающих гусеницы. Англичане поставили на танки пневматическую подвеску подобного типа лишь в годы второй мировой войны.

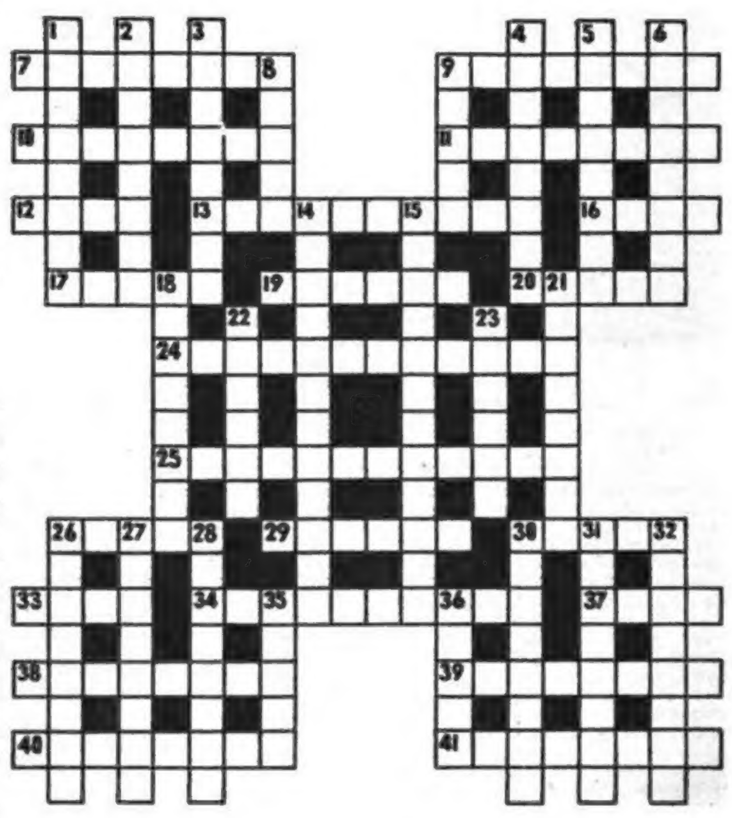

Интересно, что Менделеев предусмотрел четыре поста управления, чтобы каждый из членов экипажа мог повести машину, в случае если водитель выйдет из строя.

По расчетам автора, его тяжелый гусеничный танк защищала броня толщиной 100—150 миллиметров. Этот танк был способен передвигаться со скоростью 25 км в час.

С. ХМЕЛЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Сложная, запутанная система помещений или сеть дорожек. 9. Известие, сообщение. 10. Инструмент, который дает основной тон для настройки. 11. Персонаж из стихотворения Некрасова. 12. Материал, зажигающийся от искры при высекании огня. 13. Литературная специальность. 16. Автономная область в РСФСР. 17. Населенный пункт. 19. Представитель народа, населяющего Азию. 20. Приток Днестра. 24. Специальность в кинематографии. 25. Создатель новой техники. 26. Помещение для самолетов. 29. Урон, потеря. 30. Поверхность шара. 33. Часть кинофильма. 34. Второстепенный член предложения. 37. Город в СССР. 38. Кругозор. 39. Ведро для молока. 40. Метеоролог. 41. Часть мола.

По вертикали:

1. Город, в котором родился А. П. Чехов. 2. Начальник предприятия. 3. Осенний период. 4. Изложение текста. 5. Прибор для уменьшения хода механизма. 6. Польский поэт. 8. Мужской голос. 9. Сильный вихрь. 14. Бой один на один. 15. Отглагольное наречие. 18. Вяжущее ощущение во рту. 21. Скульптурное изображение. 22. Советская пьеса для детского театра. 23. Род подъемника. 26. Наука о внутреннем строении органических тел. 27. Воинские части, расположенные в населенном пункте. 28. Антикварная вещь. 30. Французский писатель. 31. Воинское звание. 32. Газ. 35. Непрерывный способ производства. 36. Мелодия, мотив.

Ответы на кроссворд в № 36

По горизонтали:

1. Азербайджан. 7. База. 8. Донор. 10. Гром. 13. Политика. 14. «Трембита». 18. Теркин. 19. Лансере. 20. Страус. 23. Бутсы. 24. Синан. 26. Новак. 28. Град. 29. Угорь. 30. Орфей. 31. Охра. 33. Скифы. 35. Влага. 36. Цапля. 38. Мериме. 40. Стройка. 43. Оратор. 47. Скорпион. 48. Глазунов. 50. Осот. 51. Север. 52. Брат. 53. Уверенность.

По вертикали:

2. Знание. 3. Айни. 4. Ангрен. 5. Маринист. 6. Горбатов. 8. Драга. 9. Ротор. 11. Бобр. 12. Этна. 15. Стенограмма. 16. Осака. 17. Аспирантура. 21. Выигрыш. 22. Индейцы. 23. Врасс. 24. Серов. 25. Нарва. 27. «Кюхля». 32. Тавот. 34. Изморось. 37. Портулак. 39. Река. 41. Тонус. 42. Кагор. 44. Трос. 45. Листов. 46. Гамбит. 49. Твен.

Шашки

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

УПУЩЕННАЯ ПОБЕДА

В партии Вилюмир — Хейф, игранной в XI чемпионате СССР (Москва, 1949 г.), после 16-го хода белых создалась позиция, показанная на доске.

Мастер Хейф, не подозревая скрытых возможностей позиции, сыграл 16. ...d6—e5; 17. f4 : b4 a5 : e5 и свел партию к ничьей. Однако, как указывает чемпион РСФСР мастер Николай Сретенский, черные могли здесь выиграть остроумным комбинационным маневром.

Предлагаем читателям найти этот выигрыш.

ТРИ ЗАДАЧИ

Ответы (см. № 36)

I

Звезды и звездные системы находятся на таких огромных расстояниях от Земли, что свет их доходит до нас через годы, десятки, сотни, тысячи и миллионы лет. Поэтому всякую звезду мы видим не такой, какова она есть в момент наблюдения, а такой, какой она была в тот момент, когда от нее пошел световой луч, теперь дошедший до нас. Например, спиральная туманность в созвездии Андромеды, видимая невооруженным глазом, отстоит от Земли на 750 тысяч световых лет.

Самые далекие из внегалактических образований, которые доступны наблюдениям в сильнейшие телескопы, отстоят на расстоянии почти в 500 миллионов световых лет.

II

Земля движется по сложному пути, никогда не повторяя уже однажды пройденного; каждый оборот вокруг Солнца ей приходится делать в каком-то совершенно новом месте, в новой области Вселенной. Это объясняется следующим: Земля не только вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца, но она вместе с Солнцем движется среди других звезд нашей Галактики. Солнце увлекает за собой все планеты по направлению к созвездию Геркулеса. Но Солнце еще движется и по направлению к созвездию Цефея, так как оно участвует в «галактическом вращении». А вся наша Галактика не только вращается, но и движется поступательно в направлении линии «Земля — созвездие Единорога».

III

Учеными установлено, что метеориты, часто падающие на Землю, являются остатками различных небесных тел — больших и малых «планет Вселенной». Держа в руках такие метеориты или их осколки, мы держим в своих руках частицы небесных тел.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

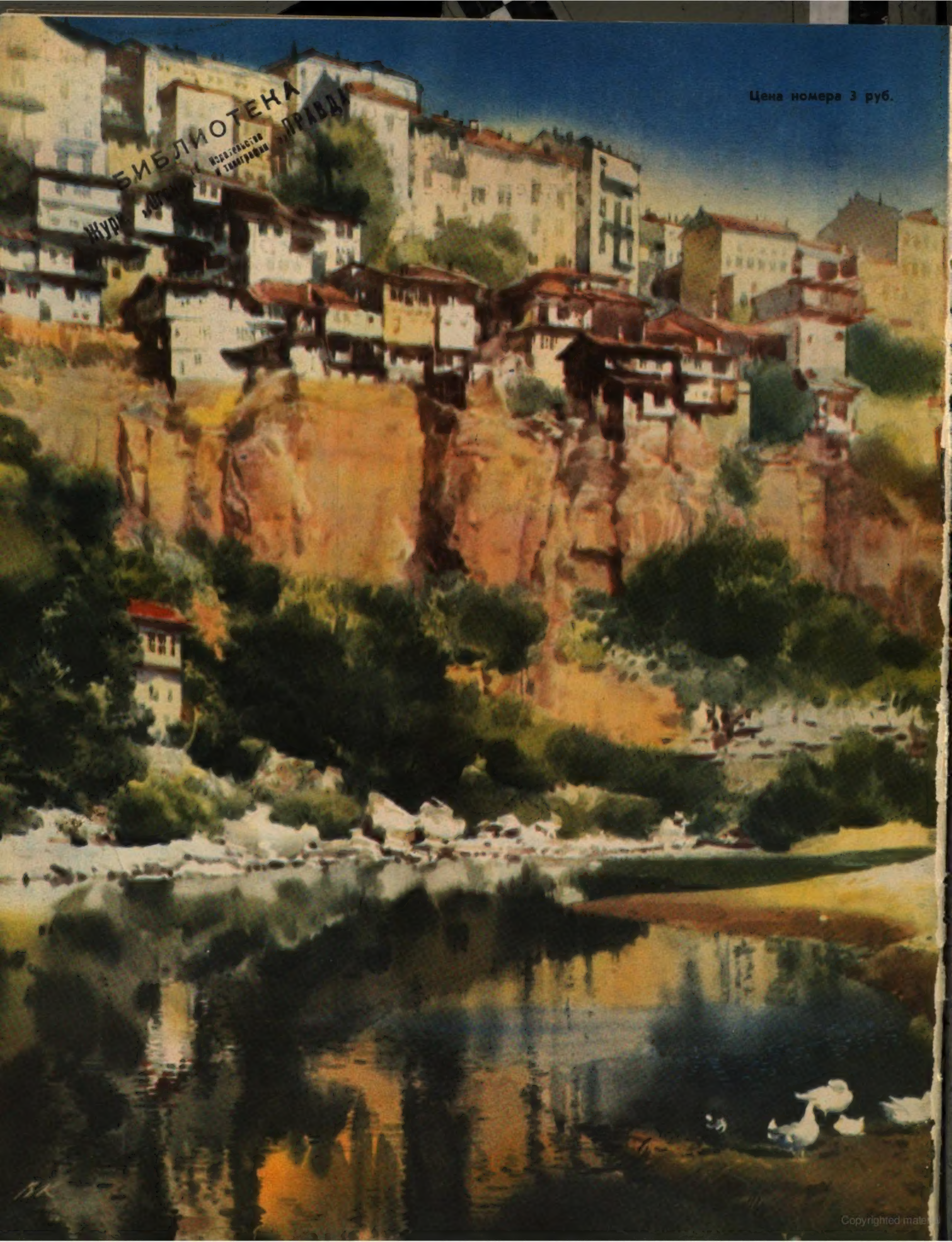
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А — 04391. Подписано к печати 5/IX 1950 г. Изд. № 641. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2372. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

АВТОМАШИНЫ, МОТОЦИКЛЫ,
МОТОРНЫЕ ЛОДКИ,
принадлежащие гражданам,
МОГУТ БЫТЬ
ЗАСТРАХОВАНЫ
В ГОССТРАХЕ.
По страхованию средств
транспорта
ГОССТРАХ ВОЗМЕЩАЕТ
УБЫТКИ от аварий
и стихийных бедствий
ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ
И ЗА СПРАВКАМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ
В ИНСПЕКЦИЮ ИЛИ К АГЕНТАМ
ГОССТРАХА
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРАХОВАНИЯ СССР.

Цена номера 3 руб.